

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ХОРОХОРДИНА Марина Владимировна

**СКРИПТОНИМЫ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
(НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ В СФЕРЕ РИТУАЛИЗОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ)**

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.04 – германские языки

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Быкова О.И.

Воронеж 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Ритуализованная деятельность и её роль в процессе становления лингвокультурной общности.....	11
1.1. Феномен «ритуал» и «ритуализованная деятельность» в освещении гуманитарных наук.....	11
1.1.1. Ритуал и ритуализованная деятельность с позиций психологии и социологии	12
1.1.2. Ритуализованная деятельность с позиций культурной антропологии.....	14
1.1.2.1. Культурная память и роль ритуализованной деятельности в формировании национальной идентичности.....	16
1.1.3. Лингвистические аспекты рассмотрения явлений «ритуал» и «ритуализованная деятельность».....	20
1.1.3.1. Взаимодействие лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к исследованию ритуализованной деятельности.....	25
1.1.3.2. Сценарий как способ отражения действительности в национальном языковом сознании.....	27
1.2. Понятие «скриптоним»: сущностные признаки.....	33
1.3. Вторичная номинация скриптонимов немецкоязычного культурного пространства.....	34
1.4. Коннотативный аспект значения скриптонимов.....	35
1.4.1. Этноконнотация как особый вид культурной коннотации: определение и структура.....	37
1.4.1.2. Коды культуры как способ выражения образной составляющей этноконнотата.....	38
1.5. Когнитивные основы механизмов деривационных процессов скриптонимов.....	41
Выводы к Главе 1.....	48

Глава 2. Скриптони́мы как способ представления знаний немецкой лингвокультурной общности в ритуализованной коммуникации.....	51
2.1. Вариативность как имманентная характеристика скриптонимов немецкоязычного культурного пространства.....	51
2.1.1. Диатопическая вариативность скриптонимов.....	53
2.1.2. Диастратическая вариативность скриптонимов.....	58
2.1.3. Диахроническая вариативность скриптонимов.....	63
2.2. Поликодовость способов фиксации образной составляющей скриптонимов.....	64
2.3. Скриптони́мы как результат семантической и словообразовательной деривации.....	68
2.3.1. Словообразовательные модели немецкоязычных скриптонимов.....	69
2.3.2. Когнитивные механизмы словообразовательной и семантической деривации немецкоязычных скриптонимов.....	71
2.3.3. Концептуальные поля, актуализируемые скриптонимами в процессе словообразовательной и семантической деривации.....	82
2.4. Когнитивные механизмы фразеологизации скриптонимов.....	84
2.4.1. Концептуальные поля, актуализируемые фразеологическими единицами со скриптонимами как базисными компонентами.....	95
2.5. Невербальные средства репрезентации ритуализованной деятельности..	97
2.6. Дискурсивные особенности функционирования скриптонимов как проявление диамедиальной вариативности.....	100
Выводы к Главе 2.....	110
Заключение.....	113
Список использованной литературы.....	118
Список лексикографических источников.....	141

.....	143
Перечень таблиц и диаграмм.....	
Приложение 1. Скриптотимы немецкоязычного культурного пространства, представленные по вербализуемым слотам когнитивной структуры «сценарий» в сфере ритуализованной деятельности.....	144
Приложение 2. Фразеологические единицы с базисным компонентом скриптотимом, представленные по актуализируемым концептуальным макро-и микрополям.....	158
Приложение 3. Иллюстративный материал к невербальным способам репрезентации ритуализованной деятельности.....	161

ВВЕДЕНИЕ

В современном стремительно развивающемся мире человеку приходится осваивать все новые формы поведения и реакции в незнакомых ситуациях, учиться обращаться с новыми объектами материального мира, созданного самим человечеством, аккумулировать эти знания и передавать следующему поколению. Несмотря на интенсивные процессы глобализации, культурного обмена, растет интерес к сохранению и в некоторых случаях культивированию национальных традиций, обрядов, обычаев, идей. Лингвистика всегда живо реагировала на тенденции развития общества. Наряду с исследованиями, направленными на выявление универсальных когнитивных механизмов, участвующих в процессе осваивания мира человеком, их репрезентации на вербальном уровне, не уменьшается интерес к культурно-специфичным проявлениям взаимодействия языка и мышления.

Ритуализованная деятельность является одним из конституирующих элементов человеческого бытия, с помощью которого сохраняются и транслируются опыт предыдущих поколений, нормы, ценностные ориентиры определенного лингвокультурного общества. Процесс социализации невозможен без освоения тех правил и норм поведения, которые приняты в конкретном обществе. Ритуализованная деятельность представляет собой многоаспектное явление, поэтому требует комплексного интегративного подхода к изучению репрезентации ритуалов, обычаев, обрядов, как на языковом, так и на когнитивном уровне. Аспекты ритуализованной деятельности неоднократно освещались в работах представителей различных научных направлений – в психологии и социологии, культурной антропологии (Clauss 1983, Dorsch 1982, Erikson 1968, 1978, Gluckmann 1962, Goffman 1971, 1986, 2009, Malinowski 1974, Rauch 1992, Ассман 2004, Дюркгейм 1912, Коул 1997, Лич 2001, Тэрнер 1983, Фромм 1950); в лингвистике в рамках деятельностного подхода и в теории

речевых актов (Austin 1962; Coulmas 1978; Habermas 1990; Holly 1979; Lüger 1980, 1992; Wunderlich 1979); с позиций этнолингвистики и лингвокультурологии (Быкова 2001а, 2001б, 2003а, 2003б, 2005а, 2005б, 2007, 2009, 2012, Воркачев 2003, 2004, 2010, Дронова 2005, 2010, 2013, Зеленева 2007, 2010, Карасик 1996, 1999, 2004а, 2004б, 2009а, 2009б, Маковский 1996, Мониц 2000, 2005, Толстой 1995, Топоров 1995), функциональный и стилистический аспекты исследовались в работах (Hagemann 1985, Sandig 1986), в рамках лингвосемиотики (Леви-Строс 1994). Общим для исследований названных научных направлений явилась попытка определить основные функции ритуализованной деятельности, её роль в становлении личности.

С развитием когнитивного направления в науке и разработке моделей представления знаний встал вопрос о том, какую структуру имеет ритуализованная деятельность на когнитивном уровне (Абельсон 1977, Болдырев 2001, Вежбицкая 2002, Гладкова 2010, ван Дейк 2000, Демьянков 1996, Зеленева 2010, Коул 1997, Кубрякова 1996, Минский 1979, Попова 2007, Стернин 2007, Уилкс 1973, Чейф 1972, Шенк 1977, Eikmeyer 2010, Rickheit 2010, Weiß 2010 и др.).

Актуальность данной диссертационной работы определяется недостаточной степенью разработанности многоаспектного подхода к исследованию номинант в сфере ритуализованной деятельности. В настоящем диссертационном исследовании анализ проводится на примере номинант, репрезентирующих праздники, обычаи, обряды немецкой лингвокультурной общности.

Цель работы состоит в комплексном исследовании специфики скриптотимов как вербального способа репрезентации ритуализованной деятельности. Для реализации поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить способы языковой репрезентации скриптотимов;

- 2) описать идиоэтническую специфику функционирования скриптонимов: проявление диахронической, диатопической и диастратической вариативности скриптонимов;
- 3) выявить специфику деривационных процессов (словообразовательной и семантической деривации), стоящих за скриптонимами как результате вторичной номинации, и их когнитивных оснований;
- 4) описать степень продуктивности скриптонимов в процессе фразеологизации, а также выявить смысловые поля, актуализируемые в сознании носителей лингвокультуры в результате процесса фразеологизации;
- 5) выявить корреляции между деривационными процессами и идиоэтнической спецификой вторичных скриптонимов;
- 6) определить особенности этноконнотативного компонента вторичных скриптонимов;
- 7) выявить способы фиксации образной составляющей вторичных скриптонимов;
- 8) описать дискурсивные особенности вторичных скриптонимов;
- 9) определить невербальную специфику репрезентации ритуализованных действий.

Для решения поставленных задач использованы следующие **методы исследования**: аналитический, описательный, компонентный, морфемно-структурный, этимологический анализ, метод концептуальной и лингвокультурологической интерпретации данных, контекстуальный анализ, количественный анализ.

Объектом исследования являются скриптонимы как вербальный способ репрезентации знаний в сфере ритуализованной деятельности. Функциональные особенности немецкоязычных скриптонимов, взаимодействие языковых и когнитивных механизмов при актуализации этноконнотативного потенциала вторичных скриптонимов лингвокультурного общества составляют **предмет** настоящего диссертационного исследования.

Материалом исследования послужила 461 номинативная единица (из них 167 вторичных этноконнотированных номинант), в том числе лексемы-универбы, сложные и сложнопроизводные слова, а также 66 фразеологических единиц с базисным компонентом скриптонимом, отобранные приемом сплошной выборки из авторитетных немецкоязычных энциклопедических и лексикографических источников. Объем собранного корпуса примеров составил более 5000 единиц.

Новизна результатов исследования заключается в выделении сущностных характеристик скриптонимов в рамках многоаспектного рассмотрения вербальной репрезентации сценариев как когнитивных структур знаний и представлений лингвокультурного сообщества. Научная новизна обеспечивается также тем, что определяется взаимодействие когнитивных и языковых механизмов концептуальной деривации, участвующих в формировании этнокультурной коннотативной семантики скриптонимов.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что изучение сущностных признаков сценария, исследование специфики вербальной репрезентации данной когнитивной структуры вносит определенный вклад в дальнейшее изучение когнитивных структур представления знаний лингвокультурной общности и способов их языкового воплощения.

Практическая ценность работы заключается в использовании результатов исследования в лекционных курсах по лексикологии, спецкурсах по лингвокультурологии и лингвострановедению, теории и практике перевода, при проведении практических занятий по немецкому языку.

Теоретическую базу диссертационного исследования составили труды по когнитивной лингвистике (Coulson 2003, Fauconnier 1997, Langacker 2008, Бабина 2005, Болдырев 2001, 2004, 2007, 2009, 2014, Вежбицкая 1996, 2002, Гладкова 2010, Голубева 2009а, 2009б, ван Дейк 2000, Демьянков 1994, 1996, Джонсон 2004, Ирисханова 2001, Кубрякова 1981, 2004, 2005, 2007, Лакофф 1988, 2004, Попова 2007, Стернин 2007, Устарханов 2006), когнитивной психологии (Abelson 1977, Bruner 1990, 1996, Eikmeyer 2010, Nelson 1986, Rickheit 2010, Shank 1977, Weiß 2010, Минский 1979, 1988, Чейф 2014,), культурологии и

лингвокультурологии (Быкова 2001а, 2001б, 2003а, 2003б, 2005а, 2005б, 2007, 2009, 2012, Вежбицкая 1996, 2002, Воркачев 2003, 2004, 2010, Гладкова 2010, Гудков 2007, Карасик 1996, 2004а, 2009а, 2009б, Ковшова 2007, Лотман 1994, 1999, 2000), по теории коннотации (А. Assmann 1991, J. Assmann 1991, Posner 1991, Rossipal 1973, Rössler 1979, Апресян 1995, Арнольд 1989, Арутюнова 1988, 1999, Барт 1994, Беляевская 1987, 2005, 2007, Быкова 2001а, 2001б, 2003а, 2003б, 2005а, 2005б, 2007, 2009, 2012, Верещагин 1980, Говердовский 1989, Ельмслев 2006, Залевская 1990, Кобозева 2004, Ковшова 2012, Комлев 1969, Костомаров 1980, Красных 2003, Маслова 2001, 2004, Ревзина 2001, Ризель 1978, Солодуб 2002, Стернин 2005, Телия 1986, 2011, Толстой 1995, Уфимцева 2011, Шаховский 1990), фразеологии (Алефиренко 2000, Архангельский 1964, Бабушкин 1996, Баранов 2008, Добровольский 2008, Ковалева 2004, Ковшова 2012, Копыленко 1978, Райхштейн 1980, Солодуб 2002, Телия 1996), работы, посвященные когнитивным аспектам словообразования (Бабина 2008, Кубрякова 1981, 2004, Позднякова 1998, 1999, Полянчук 2008а, 2008б, 2011, 2012).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Скриптонимы представляют собой класс номинативных единиц, вербализующих особый тип когнитивных структур – сценариев, овладение которыми является одной из основополагающих предпосылок успешной социализации личности, взаимодействия индивида в социуме и социума в целом.
2. Порождение особого вида культурной коннотации (этноконнотации) происходит в результате действия механизма концептуальной интеграции, проявляющейся на языковом уровне в семантической, словообразовательной деривации, а также в процессе фразеологизации.
3. Основными когнитивными механизмами проявления концептуальной интеграции являются метонимия, метафора, метафтонимия.
4. Наиболее продуктивной моделью словообразовательной деривации скриптонимов является словосложение и сложное словопроизводство. Интегративное значение сложных и сложнопроизводных слов обусловлено

действием механизма концептуальной интеграции, осуществляемой в две ступени: происходит метафорическое переосмысление концептуальной структуры, репрезентированной на вербальном уровне скриптотимом. «Новая» концептуальная структура участвует в качестве одной из исходных в процессе словосложения или сложного словопроизводства. Исходные концептуальные структуры вновь подвергаются процессу переосмысления на основе сходства или смежности отдельных признаков.

5. Доминантным когнитивным механизмом в процессе фразеологизации скриптотимов как базисных компонентов является механизм когнитивной метафоры, в результате действия которого объективируются коммуникативно значимые смысловые поля, отражающие идиоэтническую специфику национального сознания.
6. Способом фиксации образной составляющей этноконнотата является культурный код.
7. Невербальные средства репрезентации ритуализованной деятельности являются комплементарным источником информации о ритуализованном действии.
8. Скриптотимы немецкоязычного культурного пространства проявляют достаточно высокую степень функционирования в различных типах современного дискурса.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на Международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Тамбов, ТГУ, 2011, 2012, 2014, 2015), на X съезде Российского союза германистов (Москва, РГГУ, 2012), на XX международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ 2013), на научных сессиях факультета РГФ ВГУ (Воронеж 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016). Результаты исследования отражены в 13 статьях, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертационного исследования включает введение, две главы, выводы по главам, заключение, список использованной литературы, список источников примеров, перечень таблиц и три приложения, содержащие список иллюстративного материала.

ГЛАВА 1. РИТУАЛИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЁ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

1.1. Феномен «ритуал» и «ритуализованная деятельность» в освещении гуманитарных наук

Понятиям «ритуал» и «ритуализованная деятельность» уделяется внимание в рамках различных отраслей научного знания: теологии, этологии¹, социологии, психологии, культурной антропологии и многих других.

Ритуал, нем. *Ritual* восходит к лат. *rituale*, что обозначает «относящийся к религиозному обряду, церемониалу» (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 677). Ритуал, согласно «Толковому словарю русского языка», определяется: 1. как порядок обрядовых действий; 2. как установленный порядок действий при совершении церковного таинства; 3. То же, что церемониал (Толковый словарь русского языка 1994: 669). Ритуал также рассматривается как вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения (Советский энциклопедический словарь 1987: 1139).

В рамках нашего исследования мы рассматриваем понятия «ритуал», «обычай», «обряд» синонимично как частные проявления ритуализованной деятельности представителей лингвокультурного пространства.

Первоначально ритуал рассматривался и трактовался исключительно в религиозном контексте. В фидеистическом смысле ритуал представляет собой

¹ Наука о биологических основах поведения животных; занимается главным образом анализом генетически обусловленных (инстинктивных) компонентов поведения и проблемами их эволюции (Биологический энциклопедический словарь 1986, http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/6739 - дата обращения 21.02.2013).

форму символического поведения, связанного с верой в высшие силы. Понятие «ритуал» стало применяться также для обозначения светских церемоний (упорядоченное символическое поведение в определенных ситуациях, например, «последний звонок», визиты вежливости и т.п.) (Мечковская 2004: 279). Затем, встал вопрос о разработке интегративного подхода к понятиям «ритуал» и «ритуализованная деятельность», который бы позволил определить основные конституирующие признаки явления «ритуал», справедливые для интерпретации данного понятия, как в религиозном, так и в светском контексте.

Каждая научная дисциплина, рассматривавшая ритуал сообразно своей методологии, выделяла разные его функции, освещая ту или иную сторону этого явления. Анализ дефиниций понятия «ритуал» в различных справочных материалах и энциклопедических источниках позволяют сделать вывод о возможности выделения некоторых общих характеристик, так или иначе отраженных в подходах различных научных дисциплин.

1.1.1. Ритуал и ритуализованная деятельность с позиций психологии и социологии

Одной из задач на пути к определению понятия «ритуал» и «ритуализованная деятельность», явилась попытка разграничения сакрального и профанного компонентов ритуализованного действия. Д.Э. Дюркгейм, французский социолог и философ, выбрал одним из объектов своего изучения религиозные обряды и предложил различать два типа ритуалов: 1) отрицательные ритуалы, или табу, отделяющие сакральное от профанного; 2) положительные ритуалы, устанавливающие взаимодействие между сферой сакрального и человеком (Дюркгейм 1912: 428).

Этот подход был позднее развит американским социологом Э. Гоффманом в рамках его концепции «работы над имиджем». Имидж, по мнению ученого, не является константной единицей и предполагает непрестанную работу над его сохранением в ходе коммуникации. По отношению к собственному имиджу

необходимо придерживаться оборонительной тактики, по отношению к имиджу партнера – протективной, т.е. оказывающей почтение по отношению к имиджу партнера и выражающейся либо с помощью ритуалов уклонения (запреты и табу), которым на коммуникативном уровне соответствуют корректирующие высказывания, либо с помощью предупредительных ритуалов, находящих выражение в оценочных, подтверждающих/поддерживающих, высказываниях (Goffman 1971, 1986).

Э. Гоффман подчеркивает значимость ритуала не только для «врастания» в общество отдельного человека, но для функционирования общества в целом. Становление индивида как социально и коммуникативно компетентной личности представляет собой процесс обучения ролям и символам, куда также относится интерпретация и антиципация возможных ожиданий и реакций другого человека. Публичный порядок, поддерживаемый в таких простейших формах человеческого поведения и взаимодействия, является базисным уровнем поддержания социального порядка и социальной солидарности и необходимым условием для всех более высоких уровней социального порядка. Ритуальная компетентность – основополагающее во всем процессе социализации, которое должен усвоить ребенок, так как именно ритуальная компетентность контролирует инстинкты и чувства (Goffman 1986).

Представители психоанализа, также занимавшиеся проблемой определения статуса ритуала, подчеркивали, что контролирующие функции, которые положительно оценивает Э. Гоффман, могут получить диаметрально противоположную оценку в том случае, если ритуалы приобретают оттенок принуждения (Dorsch 1982: 575; Clauss 1983: 423).

Э. Фромм, немецкий социолог и философ, предлагает различать: 1) ритуал рациональный — выражающий стремления, ценные для индивида, и не отвращающий подавленные импульсы; 2) ритуал иррациональный — с навязчиво-вынужденным характером и значительным элементом страха (Фромм 1950).

Э.Х. Эриксон, напротив, положительно оценивает способность ритуала являться сдерживающим фактором для человеческих инстинктов,

обеспечивающих мир и гармонию сосуществования (Erikson 1968: 484). Понятие ритуала, согласно Э.Х. Эриксону, теснейшим образом связано с понятием «игра», так как в игре переживаются символические действия, эмоции, смена символических побед и поражений, которые происходят и в реальной жизни. Ритуалам свойственны такие характерные черты, как закономерность исполнения, внимательность к деталям и ко всему действию в целом, символический характер и ощущение необходимости приведения ритуала в жизнь (Erikson 1978: 78).

Источник ритуализованных действий Э.Х. Эриксон видит в раннем детстве, в приветствии матери и ребенка утром, которое, с одной стороны, носит сугубо индивидуальный характер, но в то же время организовано по стереотипным традиционным представлениям. Задачей такого ритуализованного действия является взаимное узнавание, где центральное звено – называние по имени, как символическое подтверждение чувства принадлежности и самоидентификации. Момент узнавания играет очень важную роль в дальнейшем становлении личности. В процессе различения своего и чужого происходит дифференциация хорошего и плохого, разрешенного и запрещенного. Э.Х. Эриксон подчеркивает, что человек имеет дело с ритуалами в течение всей своей жизни.

Ритуалы, ритуализованные действия можно определить в самом общем виде как «символическое выражение мыслей и чувств посредством действия, общего для многих и выражающего общие стремления, основание коих лежит в общих ценностях» (Фромм 1950: 109). Ритуализованная деятельность может быть охарактеризована как стереотипная, наполненная смыслом последовательность этапов действия, носящих символический характер и включающих формальные и факультативные элементы.

1.1.2. Ритуализованная деятельность с позиции культурной антропологии

В рамках культурной антропологии, сформировавшейся в США в конце XIX – начале XX вв., понятие «ритуал» находилось в фокусе внимания Б. Малиновского, Г.М. Глакмана, Э.Р. Лича, В. Тёрнера и др.

Британский антрополог Г.М. Глакман исследует взаимосвязь между ритуалом и социальной структурой общества. Он определяет ритуалы как действия экспрессивного характера в противовес развлекательным или инструментальным действиям. Далее автор стремится разграничить ритуал и церемониал. Для церемониала, по мнению Г.М. Глакмана, характерна редукция мистического компонента, что свойственно современным индустриальным обществам, в то время как для общества с племенным укладом более характерны ритуалы (Rauch 1992: 14), (Перевод мой. – М.Х.).

Б. Малиновский, основатель функционализма в антропологии и социологии, разрабатывая функциональный подход к исследованию ритуала, полагает, что ритуалы обладают интегративной функцией в обществе, позволяя свести к минимуму чувство неуверенности и незащищенности. Интересно его замечание относительно функции языка: содержание высказывания в рамках ритуала не столь важно, на передний план выходит скорее фатическая, контактоустанавливающая функция языка, как, например, при приветствии и вопросе «Как дела?». В этом случае данная коммуникативная единица имеет определенную, довольно четкую цель – снятие напряжения, установление контакта между индивидами (Malinowski 1974: 349-350).

Важность ритуальной компетентности подчеркивает и В. Тёрнер, исследовавший лиминальные¹ состояния развития человека и общества. Он приходит к выводу, что ритуалы данного типа представляют собой трансформацию набора маркеров, когда, например, при крещении младенец получает дополнительную характеристику «принадлежность к определенной церковной общности». Особая роль отводится символам в ритуале, верная интерпретация которых невозможна без ритуальной компетентности (Rauch 1992: 15), (Перевод мой. – М.Х.).

¹ Лиминальность (от лат. *līmen* — порог, пороговая величина) — физиологический, неврологический или метафизический термин, обозначающий «пороговое» или переходное состояние между двумя стадиями развития человека или сообщества (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Лиминальность> – дата обращения 02.04.2014).

Можно выделить некоторые общие характеристики для определения понятия «ритуал» с позиций культурной антропологии, а именно: ритуалы представляют собой экспрессивный, коммуникативный тип действия, с такими характерными чертами как стереотипность, институционализованность, повторяемость. Отмечается также наличие религиозного компонента, который носит скорее факультативный характер (там же).

Ритуалу и ритуализованной деятельности отводится особое место в исследовании культуры как памяти, которая играет центральную роль в понимании сущности такого явления, как «культурная идентичность».

1.1.2.1. Культурная память и роль ритуализованной деятельности в формировании национальной идентичности

Формулировка теоретического допущения о том, что культура обладает строением, подобным строению языка, выдвинутая К. Леви-Стросом, позволила, по мнению коллектива авторов монографии «Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий», применить лингвистические методы к изучению нелингвистических систем. Следствием такого подхода стало рассмотрение ритуала в качестве семиотического механизма трансляции культуры (Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий 2011: 40).

По мысли Ю.М. Лотмана, культура, как и язык, может быть рассмотрена как семиотическая (знаковая) система, которая представляет собой память, основная черта культуры – накопление, поэтому культура неразрывно связана с историей и становлением того или иного общества (Лотман 1994: 7).

Ритуализованная деятельность может быть представлена как комплексный знак культуры, в котором вербальные и невербальные средства выступают в качестве комплементарных компонентов экспликации культурного смысла. Ритуализованные действия символичны, так как их значимость несколько шире, чем фактически совершаемое ритуализованное действие.

Невербальная специфика репрезентации ритуализованных действий находит свое выражение в кинетических паралингвистических средствах, атрибутах костюмов и их цветовом оформлении. В рамках культурной антропологии к данным невербальным способам репрезентации ритуализованной деятельности может быть применен термин «артефакт»¹. Ритуализованное действие, однако, не сводится к набору материальных объектов, поэтому, рассматривая праздник, обычай, обряд во всем многообразии их компонентов как артефакт культуры, мы разделяем понимание артефакта, предложенного М. Вартофским (Wartofsky 1973: 204) и расширенное в рамках культурно-исторического подхода М. Коулом (Коул 1997: 145). Под артефактом мы понимаем продукт истории человечества, включающий идеальное и материальное. К артефактам следует относить не только материальные объекты, созданные человеком в процессе его деятельности, но и язык, обычаи, нормы, конституции и тому подобное. М. Вартофский выделяет три уровня артефактов: первый уровень составляют те предметы, которые непосредственно участвуют в производстве (М. Коул относит сюда также слова, телекоммуникационные сети, мифические образы культуры, т.е. все то, что имеет некую материальную оболочку). Второй уровень артефактов представляет собой сами артефакты первого уровня и способы действия с их использованием (именно этот уровень артефактов играет центральную роль в сохранении и трансляции способов действия). Третий уровень артефактов представляет собой некие «воображаемые миры» (Wartofsky 1973, 208), когда правила, конвенции и результаты уже не имеют непосредственно практической функции.

Ян Ассман, гейдельбергский египтолог, предлагает понятие «коннективная структура», которая действует соединяющим, связующим образом в двух измерениях — социальном и временном. Коннективная структура связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие

¹ Под артефактом в антропологии в самом общем виде принято понимать материальные объекты, созданные человеком, представляющие собой проявления материальной культуры

и возможность ориентации (ценности, нормы, традиции). В то же время, коннективная структура связывает прошлое и настоящее, формируя и удерживая в живой памяти существенные воспоминания и опыт. Этот аспект культуры лежит в основе мифических и исторических рассказов. Оба аспекта: нормативный и нарративный, аспект поучения и аспект рассказа создают принадлежность, или идентичность, дают отдельному человеку возможность говорить «мы». То, что связывает индивидуумов в такое «мы», и есть «коннективная структура» общего знания и представления о себе, которое опирается, во-первых, на подчинение общим правилам и ценностям, во-вторых, на сообщая обжитое прошлое (Ассман 2004: 15-16). Подчеркивается значимость социальных и культурных рамок как внешних факторов, определяющих содержательное наполнение памяти. Вслед за Яном Ассманом, можно выделить четыре области этого внешнего измерения памяти:

- *миметическая память*. Эта область связана с деятельностью, которой мы обучаемся через подражание. Использование письменных указаний для определенной деятельности, таких как инструкции по применению, поваренные книги, строительные пособия – явление сравнительно недавнее. До настоящего времени, согласно принятому обычаю, обширные области повседневной деятельности опираются на миметическую традицию (Ассман 2004: 19);
- *предметная память*. Человек с древнейших времен окружен предметами и вкладывает в них свои представления о целесообразности, удобстве и красоте, то есть в определенном смысле — себя. Поэтому предметы показывают ему его собственное отражение, напоминают ему о нем самом, о его прошлом, о его предках и т. д. Предметный мир, в котором он живет, снабжен показателем времени, который указывает не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого (там же: 20);
- *коммуникативная память*. Язык и способность коммуницировать с окружающими человек приобретает не изнутри, из самого себя, а только в общении с другими. Сознание и память невозможно объяснить из

индивидуальной физиологии и психологии; они требуют «системного» объяснения, которое включает взаимодействие с другими индивидами. Сознание и память создаются в отдельном человеке только благодаря его участию в этом взаимодействии (там же);

- передача смысла: *культурная память*. Культурная память образует пространство, в которое более или менее плавно переходят все три вышеназванные области. Когда миметические навыки приобретают статус «обрядов», то есть вдобавок к своему целевому значению приобретают еще и смысловое, они уже не вмещаются в область миметической, деятельностной памяти. Обряды относятся к сфере культурной памяти, поскольку представляют собой форму передачи и воскрешения культурного смысла. То же самое можно сказать и о вещах, когда они отсылают не только к определенной цели, но и к определенному смыслу: памятники, надгробия, храмы, идолы и проч. выходят за рамки предметной памяти, поскольку эксплицируют имплицитный показатель времени и идентичности (Ассман 2004: 20-21).

В данном случае, говоря о культурной памяти и присоединении к целевому значению смыслового компонента, имеется в виду, как нам кажется, процесс символизации, когда предмет или действие выступают во вторичной функции, получая символическое значение и воплощая определенные, значимые в рамках данного этноса, культурные смыслы. Как отмечает Ю.М. Лотман, «культура <...> – это определенное количество унаследованных символов» (Лотман 1994: 7). Процесс символизации вообще, обладая произвольным характером, возможен лишь в рамках определенного сообщества индивидов, т.е. носит социальный характер.

Исходя из вышеизложенных размышлений, можно предположить, что человек, воспитанный в полном одиночестве, не имел бы памяти, так как она возникает лишь в процессе его социализации, что подчеркивают и представители культурно-исторической психологии, говоря о социальном происхождении психики. По мнению Л.С. Выготского, «всякая функция в культурном развитии

ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая, но, разумеется, переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями, генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» (Выготский 1983: 145). Памятью, безусловно, обладает отдельный человек, однако сформирована она коллективом, коллектив обуславливает память своих членов.

Праздники, обряды служат, кроме многих других функций, воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. По замечанию Н.Б. Мечковской, все важные события в жизни социума и отдельно взятого человека не просто сопровождаются некоторыми ритуалами, но *переживаются* путем совершения того или иного обряда (Мечковская 2004: 281). Это справедливо, на наш взгляд, не только для первобытного, но и для современного общества. Обряд и праздник рассматриваются как первичные формы организации культурной памяти. Чтобы память могла реализовать содержащиеся в ней объединяющие и направляющие импульсы, должны осуществляться три функции: сохранение, востребование, сообщение или: поэтическая форма, ритуальная инсценировка, коллективное участие. За счет регулярности повторения праздника обеспечивается передача и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым воспроизведение культурной идентичности. Ритуальное повторение обеспечивает единство группы во времени и в пространстве (Ассман 2004: 54). Как подчеркивает Н.А. Бердяев, «жизнь нации, национальная жизнь есть неразрывная связь с предками и почитание их заветов» (Бердяев 2012: 105), и язык играет в этом процессе одну из ключевых ролей.

1.1.3. Лингвистические аспекты рассмотрения явлений «ритуал» и «ритуализованная деятельность»

Взаимодействие языка и ритуала является объектом исследования различных направлений лингвистики. Тесная взаимосвязь языка и ритуала подчеркивается всеми исследователями, что объяснимо, если мы обратимся к историческим данным. В Древней Индии лингвистические исследования ритуального языка имели целью сохранение и передачу ритуальных текстов и традиций следующему поколению (труды Панини, Чандры, Джайиендры, Нагешы и др.). «Индийская языковедческая традиция возникла, отвечая потребности уберечь от искажений сакральные тексты на санскрите, передававшиеся изустно» (Ярцева 1998: 117). Исследование религиозных текстов было распространено и в западной языковедческой традиции. С дальнейшим становлением лингвистики как самостоятельной дисциплины термин «ритуал» стал рассматриваться не только в рамках изучения языка религии, но это понятие было применено и по отношению к языку в других сферах жизнедеятельности человека. Одна из самых ранних работ принадлежит У. Лабову, который исследовал язык афроамериканцев в Нью-Йорке, а именно, ритуал обмена оскорблениями, которые являлись ни чем иным как простым соревнованием или игрой (Labov 1972).

Ритуал и ритуализованность рассматривались с позиций деятельностного подхода и в теории речевых актов (Austin 1962, Coulmas 1979, Habermas 1990, Holly 1979, Lüger 1980, Wunderlich 1979 и др.), этнолингвистики и лингвокультурологии (Толстой 1995, Топоров 1995, Маковский 1996, Карасик 1999, Монич 2005, Дронова 2013, Зеленева 2008, 2010 и др.). Функциональный и стилистический аспекты ритуализованной деятельности исследовались в работах (Hagemann 1985, Sandig 1986 и др.), лингвосемиотики (Леви-Строс 1994).

Идеи немецкого социолога Э. Гоффмана оказались, хотя и не без критических замечаний, весьма плодотворными для лингвистики. В. Холли в работе «Imagearbeit in Gesprächen. Zur linguistischen Beschreibung des Beziehungsaspektes» старается показать, как с помощью образцов речевых актов конструируется и эксплицируется имидж коммуникантов и как с помощью ритуализованного порядка в разговоре происходит работа над имиджем как один из аспектов установления взаимоотношений (Holly 1979: 2).

Особое внимание уделяется выявлению этапов определенной речевой модели. Последовательность этапов, их смысловая составляющая, а также роль высказываний ранее уже рассматривалась Дж. Остином в рамках теории речевых актов. Он характеризует некоторые из них как ритуальные и указывает на взаимосвязь ритуализованности и перформативности высказываний. Ритуальные действия, или акты, это высказывания, которые конституируют порядок проведения действия и иллокутивная сила которых эксплицируется посредством перформативных маркеров. Дж. Остин проводит границу между перформативными и констативными речевыми актами, где случай перформативного высказывания – когда производство высказывания является осуществлением самого действия (Austin 1962: 12; Остин 1986: 25).

Для Й. Хабермаса ритуализованные действия являются институциональными актами, относящимися к конституирующим диалог универсалиям и производящим речевые ситуации (Habermas 1990).

Д. Вундерлих понимает под ритуализованными институциональными речевыми актами такие, которые организуют определенный институциональный порядок (Wunderlich 1979: 313).

Й. Кнуф и В. Шмитц рассматривали ритуализованную коммуникацию с точки зрения межкультурного взаимодействия на примере приветствий, прощаний, осведомлений о состоянии здоровья эквадорцев. В фокусе анализа находятся этапы продуцирования, восприятия, возражения, а также имплицитной переработки информации. Ставится вопрос о возможности разработки интегративного определения понятия «ритуал» (религиозных ритуалов с одной стороны, магических ритуалов с другой). В обоих случаях Й. Кнуф и В. Шмитц указывают на наличие такой характеристики, как институциональность¹. Практика ритуала – это претворение в жизнь существующего как социальный объект плана действий, начало и завершение которого четко предписаны. План действия предусматривает многократное его повторение (Knuf, Schmitz 1980).

¹ Под институтом понимаются планы действий как организующие или социальные объекты: «Handlungspläne als organisatorische oder soziale Objekte» (цит. по: Rauch 1992: 27).

Именно Й. Кнуф и В. Шмитц первыми в лингвистике стали обозначать ритуалы планами действия.

Различаются два вида ритуализованной коммуникации: первый ориентирован на смысл высказываний, второй – на формальный аспект коммуникации. Формальные признаки ритуализованной коммуникации выражаются в стандартизации и конвенционализации языковых средств выражения, в связности всех этапов и малой доле вариативности. Модели ритуалов передаются из поколения в поколение в процессе воспитания. Ввиду того, что ритуалы представляют собой форму коммуникации, преимущественно детерминированную внешними факторами, Й. Кнуф и В. Шмитц приходят к выводу об «информационной пустоте» (Informationsleere) ритуалов.

Если бы это было действительно так, то все этапы ритуализованного действия можно было бы осуществлять хаотично. Однако, как показывают данные исследований И. Верлена, последовательность действий строго ориентирована на лежащую в основе ритуализованного действия систему верования (Werlen 1987: 42). Ритуал И. Верлен рассматривает как экспрессивное институциональное действие, или этап действия. Индивид, действующий согласно ритуалу, следует определенным образцам, о которых ему, как культурно компетентному представителю определенной общности, известно.

В своих работах И. Верлен уделяет внимание логике ритуализованной коммуникации. Под логикой здесь понимается осмысленный порядок ритуализованных действий (Werlen 1987: 41).

Ф. Коулмас также отмечает, что в рекуррентных повседневных ситуациях кристаллизуются образцы поведения, позволяющие преодолеть/разрешить эти ситуации. Такие повседневные ритуалы, «präfigurierte Rede», сокращают время принятия решений в стандартной ситуации и способствуют социальной интеграции; они ситуативно и контекстуально обусловлены и их функция часто доминирует над смысловым содержанием слов (Coulmas 1979: 173-179).

О наличии схематического речевого действия говорит и Г.Г. Люгер. Возможность привнесения индивидуального компонента, или интерпретации, в

ритуализованное действие его участниками весьма ограничена. Повседневная коммуникация рассматривается как менее ритуализованная, однако языковые средства, которые столь характерны для повседневной коммуникации (пословицы, поговорки, стереотипы, избитые фразы), Г.Г. Люгер характеризует как ритуализованные (Lüger 1980: 23-27).

А. Шёнфельдт, опираясь на понятие ритуала, разработанное в рамках психоанализа, понимает под ритуалами последовательность этапов действия, которые должны быть непременно произведены, чтобы все действие в целом могло восприниматься как ритуализованное (Schönfeldt 1986: 332). Каждый ритуал может быть разложен на следующие конститутивные элементы/этапы: восприятие – идентификация – удостоверение. Предпосылкой успешного функционирования всех трех этапов является ритуализованная компетентность (там же: 333).

В рамках стилистики ритуал и ритуализованное действие рассматривается Б. Зандиг, которая опирается на работы И. Верлена и Ф. Веллендорфа. Ритуал определяется как репрезентация ценностей, выраженная имплицитно посредством способа проведения ритуализованного действия (Sandig 1986: 303).

Трансформации ритуалов во времени, по мнению Г. Антоса, могут быть проиллюстрированы становлением, конвенционализацией и институционализацией определенных типов текста. Автор исследует значение ритуалов в современном обществе, прибегая также к синхроническому рассмотрению процессов ритуализации, и исходит из образования нового типа ритуала, а именно институционализованного ритуала (Antos 1987: 11).

И. Пауль подчеркивает в своих исследованиях не только повторяющийся характер ритуала, но также рефлексивный, комментирующий и направляющий характер, а также его историчность. Ритуалам автор приписывает сакральность, символичность, зависимость от религиозных убеждений. Значение ритуала – это продукт канонизированных оценочных суждений определенного сообщества и их экспрессивного представления/выражения (Paul 1990: 21).

Немецкий исследователь Э. Раух в своей работе «Sprachrituale in institutionellen und institutionalisierten Text- und Gesprächsarten» старается на основе анализа существующих подходов определить характерные черты понятия «ритуал». В качестве основных свойств ритуала предлагаются такие как экспрессивность, институциональность, деятельностный характер, соответствие образцам (Rauch 1992: 38).

Некоторые аспекты предложенной Э. Раух характеристики можно проследить и в изложенных У. Фикс свойствах, детерминирующих понятие ритуализованности: 1) ритуалы соотносятся с ценностными ориентирами и служат их подтверждению. Как правило, речь идет об убежденности в сплоченности группы, единстве взглядов, жизненной позиции и связанных с этим норм; 2) ритуалы служат выстраиванию связей и отношений с определенной группой, соотносением с определенными взглядами, жизненной позицией; участие в ритуале, ритуализованном действии позволяет ощутить сопричастность с остальными членами группы; 3) ритуалы служат экспликации и возможности перехода в иной статус, т.е. ритуализованные действия являются средством, помогающим справиться с переходными ситуациями, например, смена семейного статуса; 4) ритуал – это всегда действие; 5) ритуалы, ритуальные тексты, являются частью инсценировки действия, в котором ничего не происходит случайно; каждый этап разворачивается в соответствии с образцом, который в свою очередь носит институциональный характер и всегда привязан к понятию нормы; 6) ритуалы, как правило, имеют экспрессивный характер, т.к. служат в первую очередь не передаче информации, но выражению ценностных ориентиров и норм, интеграции; обе эти цели быстрее и проще всего достигаются через эмоциональное воздействие, а не через апелляцию к рациональной составляющей; 7) ритуалы – часть нашей культурной памяти: комбинация фиксированных миметических действий, вещей, ставших символами, и языкового воплощения (Fix 1998: XI-XIII), (Перевод мой – М.Х.).

1.1.3.1. Взаимодействие лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к исследованию ритуализованной деятельности

Новый виток исследований ритуализованной деятельности в рамках лингвистики произошел со становлением антропоцентрической парадигмы научного знания. Осознание активной креативной роли человека в познании окружающего мира обострило интерес ученых к процессам восприятия и осмысления действительности человеком и её отображению в языке. Человек, будучи представителем определенной культуры, воспринимает окружающий мир сообразно ценностным ориентирам, принятым в той или иной культуре. Когнитивный аспект исследования предполагает культурологическую направленность изучения взаимодействия когнитивных и языковых механизмов, под которой, вслед за Н.Н. Болдыревым, мы понимаем изучение соотношения когнитивных и языковых структур в контексте определенной культуры (Болдырев 2014: 77).

Ритуализованная деятельность представляет собой сложный феномен, требующий, на наш взгляд, многоаспектного исследования. Интеграция лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов позволит дополнить и углубить знания о лингвистическом аспекте ритуализованной деятельности.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с точки зрения способов представления знаний ритуал и ритуализованная деятельность могут рассматриваться как сценарии. Проблеме сценариев (в другой терминологии скриптов) уделяется внимание в рамках когнитивной психологии (Eikmeyer, Rickheit, Weiß 2010; Коул 1997 и др.), компьютерной лингвистики и теории искусственного интеллекта (Минский 1979, Шенк 1977, Абельсон 1977, Чейф 1972, Уилкс 1973 и др.), когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (Болдырев 2001, Вежбицкая 2002, Гладкова 2010, ван Дейк 2000, Демьянков 1996, Зеленева 2010, Кубрякова 1996, Попова 2007, Стернин 2007 и др.). В рамках каждого из упомянутых научных направлений, рассматривающих понятие «сценарий/скрипт», внимание было сфокусировано на том или ином свойстве

этого многоаспектного явления. Представляется возможным на основе анализа данных подходов определить сущностные признаки сценария.

1.1.3.2. Сценарий как способ отражения действительности в национальном языковом сознании

В словаре «Общая психология» находим следующее определение термина «скрипт»: «Скрипт (лат. scriptor — переписчик, писец) — содержательная последовательность событий и поступков в конкретных ситуациях. С. воспроизводится вместе с повторением ситуаций и составляет основу деятельной реальности человеческого существования. В отличие от фрейма С. характеризуется сцеплением звеньев выстроенной во времени цепочки причинно зависимых актов. С. может быть спроектирован субъектом в процессе мысленного достижения цели, предшествующего реальной деятельности. Однако С. не сводим к системной организации умственных действий. С. отслаивается в сознании от конкретного фрейма и обладает самостоятельностью воспроизведения, что имеет особое значение для психологии творчества» (Общая психология. Словарь 2005¹).

М. Минский, известный американский специалист в области искусственного интеллекта, впервые предложил фреймовую теорию, в основе которой лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объектом памяти, и информацией, получаемой из мира действительности. Исходя из этого, трактуется и понятие фрейма-сценария: фрейм-сценарий представляет собой типовую структуру для некоторого действия, понятия события и т. п., включающую характерные элементы этого действия

¹ <http://www.insai.ru/slovar/skript> - дата обращения 04.08.2013.

понятия, события. В соответствии с подходом М. Минского, полное и всестороннее представление каждой ситуации типа событие, действие, рассуждение и т.п. подобно представлению визуального образа и осуществляется с помощью не одного, а системы фреймов. Каждый фрейм системы соответствует одной из возможных точек зрения на ситуацию, представляемую системой фреймов (Минский 1979).

Ч. Филлмор, американский лингвист, интерпретирует скрипт/сценарий как структуру когнитивного угадывания. Под когнитивным угадыванием он понимает «условные или обычные последовательности поступков, в терминах которых мы анализируем отдельные «крупные» события через посредство более «мелких» их частей». Такого рода сцены заложены в сознании человека и соотносятся с его опытом (Филлмор 1983: 80).

Особую роль сценариев для процесса познания, а также для успешной интеграции индивида в общество и культуру подчеркивают учёные, работающие в русле когнитивной психологии. Под сценариями М. Коул понимает «событийные схемы, которые определяют, какие люди должны участвовать в событии, какие социальные роли они играют, какие объекты используют, какова приемлемая последовательность действий и каковы причинные связи» (Коул 1997: 150).

Анализ когнитивного развития у детей основывается в рамках когнитивной психологии именно на подобных событийных схемах. К. Нельсон отмечает, что сценарии обеспечивают «базовый уровень представления знания в иерархии отношений, восходящей через планы к целям и мотивам» (цит. по: Коул 1997: 150). В своей работе о формировании у детей способности рассказывать о событиях К. Нельсон высвечивает ряд важных характеристик сценариев, которые раскрывают их опосредующую природу. Во-первых, она полагает, что сценарии, подобно культурным схемам, рассматриваемым Р. Д'Андрате (D'Andrade 1984), служат руководством к действию. Когда люди оказываются участниками нового события, они, прежде всего, должны найти ответ на вопрос: что здесь происходит? Как только человек обретает хотя бы очень приблизительное

представление о необходимых действиях, он может входить в поток конкретного события с неким частичным знанием, которое обогащается в процессе протекания события, что облегчает последующую координацию. Если бы участники событий не имели разделяемых всеми сценариев, любое совместное действие приходилось бы заново согласовывать. Автор отмечает, что взрослые используют свое знание о принятых сценариях для наложения ограничений на действия детей и позволяют детям включиться в ожидаемое от них ролевое поведение. В этом смысле «освоение сценариев играет центральную роль в освоении культуры» (Nelson 1981: 109-110).

По мнению Дж. Брунера, сценарии следует рассматривать как элементы повествования. Именно повествование, связь событий во времени составляет самую суть человеческого мышления. Представление опыта в повествованиях обеспечивает рамку («folk psychology»¹), побуждающую людей интерпретировать как собственный опыт, так и друг друга. Если бы не было этой повествовательной рамки, «мы бы потерялись во мраке хаотического опыта и уж во всяком случае, едва ли бы выжили как вид» (Bruner 1990: 56). В более поздних работах Дж. Брунер и К. Нельсон говорят о двойственности сценариев, один аспект которых составляет представленность в психике, а другой воплощен в речи, в действии (Bruner 1990, 2005, Nelson 1986).

В работе «Kognitive Linguistik» коллектив немецких авторов рассматривает ментальные схемы как когнитивные структуры, содержащие наиболее релевантные характеристики предмета или явления. В когнитологии различают схемы объектов (стереотипные классы объектов, например, «дерево»), схемы признаков (стереотипные свойства объектов, например, «зеленый»), схемы процессов (стереотипный процесс, например, «приветствовать»), схемы

¹ «...система, посредством которой люди организуют свой опыт в социуме, знания о нем и взаимодействие с ним» (цит. по: Коул 1997: 126). Центральную роль в «folk psychology» играют теоретические представления о мышлении, канонические структуры повествования – представления событий, которые «организуют» процессы смыслообразования у людей в их повседневных занятиях (там же).

последовательности действий (стереотипные последовательности действий, например, «поход в ресторан») и металингвистические схемы (стереотипные структуры текста/типы текста, например, «сказка»). При этом каждой из схем свойственны следующие четыре функции в переработке информации: 1) селекция: запоминается только та информация, которая важна для уже существующей схемы; 2) абстракция: дальнейшей переработке подвергается только значения, но не форма информации; 3) интерпретация: подлежащая переработке информация интерпретируется в контексте уже существующих схем; 4) интеграция: переработанная таким путем информация либо соединяется с уже существующими схемами в отдельную новую когнитивную единицу, либо полностью поглощается какой-либо схемой (Rikheit, Weiß, Eikmeyer 2010: 38). Интересно, что сценарий рассматривается особо, но остается неясным отношение сценария/скрипта к схемам процессов и схемам последовательности действий. Поход в ресторан приводится в качестве иллюстрации, как для характеристики сценария/скрипта, так и в примере схемы последовательности действий.

Р. Шенк и Р. Абельсон разрабатывали понимание сценария/скрипта как одного из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющего некоторое специальное задание в обработке естественного языка. Привычные ситуации описываются сценарием/скриптом как стереотипные смены событий. В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, т. е. результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие. Каждый сценарий/скрипт имеет исполнителей ролей. Он имеет различные интерпретации, отражающие точки зрения различных исполнителей. Большинство сценариев/скриптов усваивается в детстве, в результате прямого опыта или сопереживания при наблюдении над другими людьми (КСКТ 1996: 172).

В ходе дальнейшей разработки теории скрипта понятие уточнялось и дополнялось новыми характеристиками. Коллектив авторов «Краткого словаря когнитивных терминов» (КСКТ) предлагают обзор подходов к термину «скрипт»: «первоначально скрипты, планы и т.п. рассматривались всего лишь как структуры

данных, удобные для умозаключений, осуществляемых по ходу реконструкции причинно-следственных отношений, лежащих в основе какого-либо повествования. Но затем появилась надежда на то, что таким же образом можно моделировать память и обработку текста» (Kruse 1986: 136; цит по: КСКТ 1996: 172). Скрипты считались разновидностью «схемы» (в смысле когнитивной психологии), проявляющими формальное и функциональное сходство с понятием «поведенческий контекст».

В более поздней концепции скрипты не приравниваются к структурам долговременной памяти (Schank 1982: 459). Скриптоподобные представления строятся по мере необходимости на основе общих структур более высокого уровня по определенным правилам относительно конкретной ситуации, взятой на трех уровнях памяти: на уровнях события, ситуации и намерения. Иногда события запоминаются в терминах структуры самого высокого уровня. Базисными единицами памяти являются сцены – кирпичики скриптов (там же: 464). Позднее пришли к определению скриптов как набора ожиданий о том, что в воспринимаемой ситуации должно произойти дальше (Schank 1990: 7). Многие ситуации в жизни можно проинтерпретировать так, как будто участники этих ситуаций «играют» свою роль, заранее заготовленную в «тексте» некоторой пьесы. Жизненный опыт означает знание того, как поступать и как другие поступят в конкретных стереотипных ситуациях. Авторы КСКТ предлагают называть это знание скриптом: «была выдвинута гипотеза, что размышление и вообще мышление человека представляет собой применение некоторого скрипта. Мы живем, следуя своим скриптам, или предписаниям. Чем больше мы знаем, тем в большем числе ситуаций мы чувствуем себя комфортно, т.е. способны эффективно играть разные роли. В большинстве случаев мышление – поиск имеющихся скриптов и сличение со старыми (готовыми) имеющимися, а не порождение новых идей и вопросов» (КСКТ 1996: 173).

Широкую трактовку понятия «скрипт» находим у А. Вежбицкой. В рамках теории Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) культурные скрипты понимаются как «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что

хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению, <...> они представляют собой некую «наивную аксиологию», запечатленную в языке. И так же, как в любой области, наивная картина мира, запечатленная в одном языке, может отличаться от картины, запечатленной в другом, «наивная аксиология», запечатленная в одном языке, может отличаться от аксиологии, запечатленной в других языках» (Вежбицкая 2002: 6).

По мнению А. Гладковой, теория культурных скриптов как ответвление теории ЕСМ является эффективным методом для формулирования культурных норм: «Культурный скрипт отражает более широкие культурные нормы. <...> Культурные скрипты имеют лингвистическое обоснование в ключевых словах, пословицах, устойчивых выражениях, терминах обращения, фразеологических выражениях и т.д.» (Гладкова 2010: 47).

Как полагает Н.Н. Болдырев, сценарий/скрипт является динамически представленным фреймом, разворачиваемой во времени определенной последовательностью этапов (Болдырев 2001: 37).

Как последовательность нескольких стереотипных эпизодов во времени понимают скрипты З.Д. Попова и И.А. Стернин (Попова, Стернин 2007: 119).

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что существует различие между фреймом и сценарием/скриптом. К динамическому аспекту добавляется и содержательно-смысловой, он носит, однако, факультативный характер. Т. е. «фреймовые структуры проецируют лишь общую схему события, сценарии оживляют соответствующие схемы факультативными смысловыми элементами, деталями и подробностями» (Алефиренко 2002: 242).

Анализ вышеизложенных определений понятия «скрипт/сценарий» позволяет говорить об этом явлении как о фреймоподобной структуре представления знаний, обладающей следующими свойствами:

- сценарий содержит *стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией;*

- для сценариев характерна *конвенциональность*, т.е. сценарии условны, соответствуют традициям и нормам общества, в котором реализуются;
- под *резистентностью* сценария следует понимать его относительную устойчивость к различного рода влияниям;
- *культурная специфичность*;
- *аксиологичность*: сценарий, закрепляясь в сознании познающего человека, транслирует *ценностные ориентиры* и способы взаимодействия с другими индивидами и окружающей средой;
- *временная и локальная соотнесенность*;
- сценарий носит *динамический характер*, так как это всегда последовательность, смена определенных этапов;
- *символичность* – для сценариев в сфере ритуализованной деятельности – так как значение атрибутов, действий, костюмов и самих участников ритуализованного действия значительно шире и апеллирует к феноменологическим концептуальным структурам, культурной компетенции представителей сообщества.

Одним из способов воплощения ритуализованной деятельности, структурированной в виде сценария, является язык как оптимальное средство выражения значений, главное средство выражения, овнешнения культурного смысла, способное осуществлять мнемоническую¹ функцию (Лотман 1999; Гудков, Ковшова 2007). По замечанию В.Н. Топорова, «язык посреднически связывает между собой как людей, общающихся друг с другом с помощью языка, так и всё, что есть в мире, с человеком, если только это всё может быть выражено в языке» (Топоров 1995: 7).

1.2. Понятие «скриптоним»: сущностные признаки

¹ Мнемоника, совокупность правил и приемов, помогающих вспоминать нужные сведения (Толковый словарь русского языка 1994: 351).

Скриптотимы немецкоязычного культурного пространства представляют собой номинативные единицы, репрезентирующие культурно-специфичные знания процедурного характера, или сценарии. В рамках культурологической направленности когнитивных исследований термин был введен О.И. Быковой, которая определяет скриптотимы как «названия ритуализованных действий и соотнесенные с ними обозначения атрибутов и участников ритуалов, обычаев, обрядов» (Быкова 2005: 210).

Мы разделяем предложенное определение скриптотимов и предлагаем несколько расширить его. Ритуализованная деятельность охватывает все стороны жизни человека и общества, поэтому под ритуализованными действиями, структурированными на когнитивном уровне в виде сценария, понимается не только обрядовость, традиции, праздники, но в том числе особого рода стереотипные повторяющиеся действия, во многом детерминированные ценностными ориентирами, моральными нормами, правилами этикета, устоями, принятыми в той или иной культуре. Таким образом, скриптотимы могут быть определены как наименования ритуализованных действий и соотнесенных с ними участников и атрибутов данного ритуализованного действия. В нашем исследовании внимание фокусируется на скриптотимах, именующих праздники, обычаи, обряды, их участников и атрибуты. Данный вид ритуализованного действия отличается высокой степенью культурной специфичности и вариативности в рамках немецкой лингвокультурной общности.

1.3. Вторичная номинация скриптотимов немецкоязычного культурного пространства

Возникновение новых явлений окружающей действительности, переосмысление уже существующих понятий и когнитивных структур формирует потребность их именованья. Принцип экономии языковых средств и способность человека к лингвокреативной деятельности позволяют использовать уже существующие номинативные единицы для обозначения возникающих

концептуальных структур. Процесс вторичной семиотизации реализует один из принципов человеческого восприятия и познания новой информации: понимание нового происходит через уже известное и данное, новые объекты и ситуации моделируются с помощью знаний об уже существующих схемах и моделях (Кустова 2004). Согласно типологии В.Н. Телия, вторичные номинативные единицы могут иметь автономный характер, что значит обретать самостоятельную номинативную функцию, указывать автономно на действительность, и неавтономный характер, т.н. косвенная номинация, при которой формирование нового смысла протекает под непосредственным влиянием смыслового содержания другого наименования (Телия 1977: 129-130).

Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, могут соответствовать компонентам переосмысляемого значения, а также таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения (ЛЭС <http://tapemark.narod.ru/les/336a.html> - дата обращения 24.04.2015). По замечанию Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма знаков вторичной номинации информативнее, чем у знаков прямой номинации, в силу целостности отражаемого фрагмента действительности, объединённого набором признаков обобщённого характера, среди которых можно выделить центральные, существенные и периферийные, случайные (Алефиренко 2002: 62).

1.4. Коннотативный аспект значения скриптонимов

Скриптонимы репрезентируют новые понятия, возникшие в результате развития социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа. В скриптонимах отражена специфика мышления, категоризации и концептуализации действительности носителями определенной лингвокультурной общности. Особого внимания заслуживают вторичные скриптонимы немецкого лингвокультурного пространства. В коннотативном

компоненте вторичных скриптонимов отражены особенности интерпретации мира носителями языка и культуры.

Разработка теории коннотации представлена широким спектром работ, в которых внимание уделяется определению лингвистического статуса явления коннотации, её структуре и содержанию, типологии и сущностным признакам (Апресян 1995, Арнольд 1989, 2002, Барт 2001, Беляевская 1987, 1994, Быкова 2001, 2003, 2005, 2012, Бюлер 2000, Верещагин 1980, Говердовский 1974, 1979, Ельмслев 2006, Залевская 1990, Кобозева 2000, Колшанский 1976, Комлев 1969, Костомаров 1980, Косериу 1970, Красных 2003, Маслова 2005, Ревзина 2001, Ризель 1978, Россипал 1973, Солодуб 2002, Стернин 1979, 1985, Телия 1986, Толстой 1995, Филиппов 1978, Фрумкина 1984, Шаховский 1983, Шмелёв 2008, A. Assmann 1988, J. Assmann 1997, Posner 1991, Rössler 1979 и др.).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что коннотация представляет собой многокомпонентную структуру, но вопрос о содержательном наполнении компонентов структуры остается открытым. Не вызывает, однако, сомнений положение о том, что понятие коннотации является ключевым для исследования и понимания взаимосвязи между языком, социумом, культурой и человеком, так как коннотация является связующим звеном между языковой и энциклопедической информацией (Арутюнова 1999, Верещагин 1999, Ковшова 2012, Костомаров 1999, Маслова 1994, Уфимцева 1980, Шмелев 1973 и др.). Принимая во внимание двойственную природу коннотации, её лингвистическую и экстралингвистическую составляющие, нельзя не согласиться с мнением Н.И. Толстого о наличии и потенциальном переходе экстралингвистических коннотаций в языковые, когда экстралингвистический признак ложится в основу языковой номинации или семантической деривации, при этом культурная семантика надстраивается над всеми уровнями значения (Толстой 1995: 290).

Мы разделяем предложенное О.И. Быковой понимание коннотации как многомерного дополнительного макрокомпонента значения номинативных единиц, мотивированных ассоциативным переосмыслением денотативного аспекта значения в категориях определенной культуры (Быкова 2005: 34).

Ассоциативно-образное переосмысление значений языковых единиц обусловлено спецификой национальной картины мира, определенной системой норм и ценностей, принятых в культуре, поэтому исследование культурного компонента в структуре коннотации скриптонимов представляется важным. Вторичные этноконнотированные скриптонимы пополняют коннотативный репертуар языка.

1.4.1. Этноконнотация как особый вид культурной коннотации

Культурная коннотация с некоторыми терминологическими различиями выделяется многими исследователями в качестве особого типа коннотации (Комлев 1969, Денисова 1978, Верещагин, Костомаров 1980, Попова, Стернин 1984, Говердовский 1989, Березович 1997, 2007). Мы солидарны с мнением В.Н. Телия, которая определяет культурную коннотацию как «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» (Телия 1996: 214).

Для изучения глубинных национально-специфических культуросносных смыслов при актуализации коннотативного значения скриптонимов наиболее релевантным является изучение особого типа культурной коннотации – этноконнотации, которая представлена совокупностью оценочных, эмотивных, экспрессивно-образных и функционально-стилистических сем, отражающих отношение говорящего к обозначаемому, коммуникативной ситуации (Быкова 2005: 33-34). Этноконнотат (ЭК), представляя собой макрокомпонент этноконнотации, включает в себя: 1) образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами /локус/ - территориальный маркер, /темпус/ - маркер временной соотнесенности; 2) этноэмотив; 3) /социолект/ и 4) /функциолект/ - маркеры (3) и (4) связаны с особенностями функционирования культурного концепта в определённом социуме и определённой сфере употребления (там же: 41-42).

Исследование коннотативного аспекта семантики вторичных скриптонимов представляет интерес в плане выявления способов фиксации образной

составляющей этноконнотата (ЭК) определённым кодом культуры как маркером национально-культурной специфики жизнедеятельности и развития этноса.

1.4.2. Коды культуры как способ выражения образной составляющей этноконнотата

В процессе вербализации феноменов культуры языковая единица (в данном случае скриптоним) выступает как форма проявления коллективного бессознательного. Обозначаемый факт культуры в процессе номинации отражается в сознании представителей этнокультурной общности наиболее релевантным признаком, по которому может быть восстановлена вся совокупность признаков обозначаемого внеязыкового явления (Быкова 2005: 11). Ритуализованная коммуникация обладает особым статусом и спецификой функционирования, так как ритуализованная деятельность характеризуется использованием различных знаковых средств, известных коллективу (там же: 37). С помощью таких знаковых средств культура воплощает свои смыслы, в культуре упорядочиваются культурные коды (Гудков, Ковшова 2007: 8).

Понятие кода пришло в лингвистику из информатики и нашло широкое применение в различных направлениях лингвистических исследований (Лотман 2004, Эко 2004, Якобсон 1987).

Понятие кода культуры рассматривается во многих лингвистических работах (Алефиренко 2001, 2002, Быкова 2005а, 2005б, Гудков 2007, Дронова 2005, Ковшова 2007, Кравченко 2001, Красных 2003, Телия 1986, Толстая 2002, Топоров 1995, Эко 2004 и др.). «Код, *англ.* code правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различных сигналов» (Ахманова 1966: 193).

Код культуры в его широком толковании – это «совокупность знаков (символов) и система определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для

передачи, обработки и хранения, запоминания. Правила, регулирующие коды, устанавливаются по соглашению между носителями одной и той же культуры» (Кравченко 2001: 241).

В культурологии понятие «культурный код» может рассматриваться, с одной стороны, как ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды), позволяющий понять преобразование значения в смысл. С другой стороны, понятие «культурный код» применяется по отношению к совокупности знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека (Большой толковый словарь по культурологии 2003¹).

Культурный код имплицитно включает в себя понимание наличия специфики, свойственной определённому этнокультурному пространству. По замечанию Э.С. Маркаряна, «многие элементы сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. С точки зрения философии, уникальность этнокультуры создаётся той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре» (Маркарян 1969: 68, цит. по: Алефиренко 2010: 16).

С позиций психологии, уникальность этнокультуры обуславливается тем, что в основе «мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» (Леонтьев 1993: 20).

Культурный код с позиции семиотики рассматривается как «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые „прочитываются” в этих знаках» (Гудков, Ковшова 2007: 9).

Код культуры может рассматриваться как «сформированная стереотипами этнокультурного сознания система образования и структурирования

¹ <http://dic.academic.ru> – дата обращения 08.08.2013.

довербальных культурных смыслов в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы. Кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями речемыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной» (Алефиренко 2001: 82).

Мы разделяем трактовку понятия «код культуры» в рамках когнитивной лингвистики как «„сетку“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» (Красных 2003: 232).

Код, как полагает С.М. Толстая, можно рассматривать как прямое продолжение лингвистического понятия мотивации: «как и мотивация, код предполагает “вторичное” использование знаков, уже имеющих закрепленное за ними “первичное” значение, но при этом знаки могут иметь не только языковую природу (звуковую субстанцию), но и внеязыковую – это могут быть вещи, действия, природные объекты и другие реалии жизни или ментальные сущности», мотивирующий признак присутствует как в структуре содержания, т.е. семантической структуре слова, так и в структуре выражения (Толстая 2002: 113, 124).

По замечанию Н.Ф. Алефиренко, кодирующие механизмы языка представляют собой имплицитные структуры, упорядочивающие ценностно-смысловые отношения в рамках той или иной этнокультурной системы; процесс этноязыкового кодирования культурноносных смыслов начинается с осмысления денотативно-прагматической ситуации, без чего человек утратил бы ценностные ориентиры в этом мире (Алефиренко 2001: 82). «На более высоком уровне осмысления денотативной ситуации в центре внимания оказывается сам код, в содержании подтекста фиксируется не само сообщение, а код, которым оно шифруется, и при помощи которого оно вводится в систему кодов этноязыкового сознания» (Алефиренко 2002: 66).

К базовым кодам культуры принято относить антропоморфный, предметный, акциональный, временной, соматический, зооморфный и флороморфный, ономастический, духовный. Особо следует отметить значение духовного кода культуры, так как он наиболее тесным образом связан с

ценностными ориентирами лингвокультурного общества, он выступает во взаимодействии с другими кодами культуры и находит своё выражение в специфических способах проявления, которыми являются фольклор, обряд, ритуал и т.п. (Быкова 2005, 2010, Мониц 2000, Толстой 1995).

Понятие кода культуры часто связывают с представлением о внутренней форме слова, выполняющей функцию обобщенного абстрагированного признака понятия или представления о денотате, лежащего в основе формирования ассоциативно-образных коннотаций (Алефиренко 2003: 68). В процессе непрямого наименования внутренняя форма слова может предстать основой для переосмысления первоначально закодированной в знаке информации.

С когнитивной точки зрения, по мнению Е.Г. Беляевской, концептуальная внутренняя форма связывает ментальные образования с языковой системой, при этом в фокусе находятся наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его, менее важных (Беляевская 2005: 59).

В понимании О.И. Быковой, внутренняя форма знаков вторичной номинации как некий инвариантный смысл концепта культуры на основании ассоциативно-образного признака обуславливает взаимодействие и взаимопроникновение денотативного и коннотативного содержания языковых единиц, выполняет функцию интенсификатора этнокультурного смысла непрямого наименования (Быкова 2005а: 35).

1.5. Когнитивные основы механизмов деривационных процессов скриптонимов

Описание особенностей формирования производного значения предполагает изучение когнитивных механизмов, регулирующих функционирование концептуальных структур, их взаимодействие и возникновение новых структур на основе исходных в процессе концептуальной деривации. Мы опираемся на данное Н.Н. Болдыревым определение концептуальной деривации как «формирование нового смысла в результате

определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» (Болдырев 2009: 47). Для обозначения «когнитивных структур, или блоков знания, которые стоят за значениями языковых единиц и обеспечивают их понимание» (Болдырев 2000: 25) используются термины «ментальное пространство» (Дж. Лакофф 1988, 2004, Ж. Фоконье 1997, 1998), «когнитивная область/сфера/контекст» (Р. Лангаккер 1992, 2008), «фрейм» (Ч. Филлмор 1977).

В процессе вербализации определенного фрагмента внеязыковой действительности актуализируется определенный участок концептуального содержания, когнитивная область, называемая Р. Лангаккером «база», предложенная в рамках его теории «когнитивной грамматики». В пределах концептуальной базы выделяется какой-либо ее элемент или «профиль», формирующий семантику языковой единицы и служащий основанием для номинации. Данный механизм, предполагающий выделение, высвечивание конкретных признаков в исходных концептах, определяется как профилирование (термин Р. Лангаккера) или фокусировка. Р. Лангаккер называет профилирование одним из типов выделенности, позволяющий реализовать определенные языковые цели (Langacker 2008).

Выделение определенных участков фрейма у Ч. Филлмора связано с понятием перспективы. Н.Н. Болдырев отмечает, что перспективизация параллельна понятию профилирования с той лишь разницей, что перспективизация может быть направлена на различные компоненты независимо от их значимости, тогда как профилирование имеет отношение к наиболее значимым компонентам. Этот факт обеспечивает большую универсальность фреймовой семантики по сравнению с когнитивной грамматикой Р. Лангаккера в лингвистических исследованиях (Болдырев 2004: 13).

Сценарий имеет, как мы указывали выше, фреймоподобную структуру, ввиду чего функция перспективизации может быть применена также и к нему. Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», ссылаясь на исследования Ч. Филлмора, Л. Талми, отмечают следующее: «Сцена и Ф. (*фрейм* – М.Х.) соотносятся посредством «перспективы» (Fillmore 1977: 80): в сценах и ситуациях

можно выделить функции, исполняемые теми или иными участниками. По ходу речи одни участники выдвигаются на первый план, а другие оказываются на втором плане. Иерархия превосходства, или выделенности (*saliency hierarchy*) предопределяет, что именно в первую очередь является кандидатом на такое выдвижение» (КСКТ 1996: 189). Выделение/выдвижение различных участков фрейма происходит в зависимости от коммуникативной цели и условий общения. Более того, фокусировка соответствующих элементов различных фреймов делает возможным их дальнейшее взаимодействие и образование интегрированных структур.

Действие концептуальной интеграции было впервые описано Ж. Фоконье и М. Тернером и по праву считается базовым, основополагающим когнитивным механизмом (Fauconnier 1998, Turner 1998). В современной лингвистике особенности функционирования данного механизма активно исследуются в работах как российских, так и зарубежных исследователей (Бабина 2008, Болдырев 2014, Ирисханова 2001, Кубрякова 2004, Coulson 2003, Fauconnier 1997, 1998 и др).

В современной лингвокогнитологии теория концептуальной интеграции обладает мощной объяснительной силой и позволяет интерпретировать и описывать процессы функционирования и порождения новых концептов, т.е является ключевым механизмом, лежащим в основе процесса концептуальной деривации.

О.К. Ирисханова указывает на то, что концептуальная интеграция превратилась из когнитивной операции в общий принцип когниции. По ее мнению, порождение интегрированных пространств оказывается продуктивной универсальной методологией, которая, обладая объяснительной силой для всех когнитивных процессов, предоставляет возможность исследовать семантическое конструирование на разных уровнях (Ирисханова 2001: 46-47).

Согласно теории Ж. Фоконье и М. Тернера, концептуальная интеграция – это динамичный, гибкий процесс, в котором задействовано минимум 4 ментальных пространства (*mental spaces*): два исходных пространства (*input*

spaces), которые проецируются в бленд; общее пространство (generic space), содержащее общие для исходных пространств элементы; смешанное пространство (blended space) или бленд (blend), включающее некоторые элементы исходных пространств и представляющее собой совершенно новую концептуальную структуру (Fauconnier, Turner 1995: 183-203).

Ж. Фоконье и М. Тернером были выявлены основные этапы блендинга, которые остаются незамеченными в процессе создания новых концептуальных структур и их оязыкования. Бленды конструируются как результат операций «композиции» (composition), «завершения» (completion) и «развития» (elaboration). «Композиция» предполагает соединение элементов из исходных пространств в бленд, при этом исходные пространства либо включаются в бленд как отдельные элементы, либо как интегрированное единство, фузия. «Завершение» представляет собой формирование бленда за счет пополнения фоновыми энциклопедическими знаниями и имеющимися концептуальными структурами / когнитивными моделями, а «развитие» – ментальное воссоздание, моделирование бленда в соответствии с принципами его устройства и логическими структурами. Итогом действия данных операций является возникновение эмерджентной структуры в бленде, которая не может быть выведена из суммы исходных пространств, а также является непредсказуемой. По этой причине исследователи сравнивают механизм действия концептуальной интеграции с биологической эволюцией (Fauconnier, Turner 1998: 133-187).

Исследование метафоры с позиций когнитивной лингвистики пришло на смену пониманию метафоры как универсальной лингвистической категории (Апресян 1995, Арутюнова 1988, 1999, Баранов 2008, Будаев 2007, Вежбицкая 1996, 2002, Ирисханова 2001, Караулов 2004, Кобозева 2004, Чудинов 2001, Coulson 2003, Croft 2003, Dirven 2003, Gibbs 1999, Johnson 1980, 2004, Lakoff 1980, 2004 и др.).

Основные положения теории концептуальной метафоры были сформулированы Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Lakoff, Johnson 1980, 2004), по мнению которых, «наша обыденная концептуальная система, в терминах которой

мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» (Лакофф, Джонсон 1990: 387-415). Как полагают исследователи, в основе метафоризации лежит однонаправленный процесс взаимодействия между когнитивными структурами двух концептуальных доменов: сфера-источник (source domain) проецируется в сферу-цель (target domain). Следует отметить, что понятие «когнитивная структура» уже понятия «концептуальный домен». Под доменом понимается концептуализация любого рода, относительно которой рассматриваются семантические структуры. В «Кратком словаре когнитивных терминов» когнитивная/концептуальная метафора определена как одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания (КСКТ 1996: 55-56).

Разработка теории концептуальной интеграции позволила взглянуть на метафоризацию как на сложный процесс слияния, результатом которого является некое интегрированное пространство. Предположение об интегративном характере процесса метафоризации было высказано еще А. Ричардсом: «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» (Ричардс 1990: 46).

Поскольку процесс метафоризации основан на отношениях сходства между, как правило, несоотносимыми сущностями, этот процесс предполагает соотнесение двух ментальных пространств на основе выявления общего признака, который актуализируется в процессе порождения смыслов. Участки как минимум двух фреймов, относящихся к различным доменам, попадают в фокус внимания и интегрируются в бленде.

Мы разделяем позицию Ж. Фоконье и М. Тернера и рассматриваем концептуальную метафору в рамках теории концептуальной интеграции. Вместо использования двухдоменной модели метафоры (two-domain model) Ж. Фоконье и М. Тернер предложили четырехпространственную модель (many-space model), в которой сфера-источник и сфера-цель – это исходные пространства (input spaces),

элементы которых впоследствии служат основанием для формирования бленда. Исследователи полагают, что концептуальная метафора представляет собой ментальную структуру, включающую множество пространств и множество проекций, включенных в сложные интегративные сети, которые богаче чем двухкомпонентные структуры, которые ранее использовались для анализа метафоры (Fauconnier, Turner 1994).

Подход к метонимии как когнитивному феномену, важному средству концептуализации действительности, был предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем»: «Метонимия, как и метафора, не просто поэтический или риторический прием. Как и метафора, она принадлежит не только языку. <...> Метонимические концепты, как и метафоры, структурируют не только язык, но и наше мышление, установки и действия» (Лакофф, Джонсон 2004: 62-66). В настоящее время, являясь актуальным и перспективным направлением исследования, метонимическая концептуализация находится в фокусе внимания большого числа исследователей (Архипкина 2007, Лапшина 1998, Падучева 2003, Barcelona 2003, Croft 2003, Dirven 2003, Fauconnier 1997, Geeraerts 2003, Gibbs 1999, Goossens 1990, Kövecses 1999, Lakoff 1989, Turner 1989, Warren 1999 и др.).

Метонимия становится объектом описания и изучения в рамках теории концептуальной интеграции (G. Fauconnier, M. Turner, S. Coulson, W. Croft и др.) и признается, наряду с метафорой, «основным источником для конструирования новых блендов» (Fauconnier 1997, 168). Однако в то время как в процессе метафоризации на концептуальном уровне оказываются задействованными два концептуальных домена, метонимия предполагает трансформации в пределах одного домена (Lakoff, Turner 1989:103).

Механизм метонимизации в терминах фреймовой семантики может быть описан как переструктурирование одного фрейма в результате профилирования

того или иного слота¹, т.е. «мы используем одну сущность для ссылки на другую, которая с ней связана» (Лакофф, Джонсон 2004: 61). Эту мысль высказывали также Г. Радден и З. Кёвечеч: «метонимия – это когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность, средство (vehicle), обеспечивает доступ на мыслительном уровне к другой концептуальной сущности, цели (target), в рамках одной идеализированной когнитивной модели (Radden, Kövecses 1999: 21).

Е.В. Падучева отмечает, что в основе метонимического сдвига лежит смещение фокуса внимания, и объясняет это избирательностью человеческого восприятия. По мнению исследователя, в процессе концептуализации какого-либо фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит как бы схематизация реальной действительности (Падучева 2003).

Взаимодействие механизмов концептуальной метафоры и метонимии, известное как метафтонимия (термин Л. Гуссенс), отвечает потребностям носителей языка в концептуализации и категоризации постоянно меняющейся действительности.

Отмечая интегративный характер метафтонимического проецирования, С.Ю. Хованова полагает, что в основе этого явления лежат принципы интеграции процессов метафорического и метонимического замещения (Хованова 2010: 86). Большинство исследователей сходятся во мнении, что метафтонимия предполагает концептуальное смешение метафоры и метонимии, однако нет единого мнения относительно количества типов метафтонимических трансформаций. Г. Гуссенсом было предложено три типа взаимодействия: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры, метафора внутри метонимии (Goossens 2002: 349-377). Р.И. Устарханов предложил пять типов блендинга (Устарханов 2006: 19).

¹ В рамках фреймовой модели представления знания под слотом следует понимать определенный уровень, отражающий конкретную информацию о моделируемом объекте. В самом общем виде слот может быть определен как компонент ситуации.

Мы солидарны с мнением лингвистов, признающих наличие одного типа метафтонимического взаимодействия – метафора на основе метонимии (Падучева 2004б, Шарманова 2012, Radden 1999, Ruiz de Mendoza 2003). Указывая на то, что метафора часто возникает как следствие метонимии, Е.В. Падучева говорит о том, что метонимия чревата метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на месте согласованной категории оказывается несогласованная (Падучева 2004б: 194).

Выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе вторичной репрезентации концептуальных структур, позволяет исследовать концептуальную деривацию скриптонимов, которая находит проявление на языковом уровне в процессах их семантической и словообразовательной деривации, а также процессе фразеологизации. Мы предлагаем анализ процессов концептуальной деривации на языковом уровне в Главе 2.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Становление индивида как социально и коммуникативно компетентной личности во многом определяется наличием ритуальной компетентности, включающей в себя как знания из области сакрального (религиозные праздники, народные праздники, обрядовость и т.п.), так и знания о «светской» стороне жизни общества (в обыденных стереотипных ситуациях).

Освоение ритуализованной деятельности имеет большое влияние на формирование личности в силу ряда функций:

- идентифицирующая функция позволяет индивиду соотнести себя с определенной социальной группой и принятыми в ней нормами;
- интегративная функция обеспечивает вхождение и успешную деятельность индивида в обществе (на основе стандартизации и конвенционализации моделей поведения в стереотипных ситуациях, а также в стандартизации и конвенционализации языковых средств, использовании определенных речевых моделей поведения);

- контролирующая функция определяет следование нормам и принципам не только самого индивида, но и других людей по отношению к нему, что повышает уровень стабильности общества в целом и чувство социальной уверенности и защищенности для конкретного человека;
- фатическая, контактоустанавливающая функция позволяет преодолеть барьер в общении как в уже знакомой, так и в незнакомой ситуации.

Ритуальная компетентность каждого из членов общества является неотъемлемым компонентом стабильного функционирования и развития самого общества в целом, так как мнемоническая функция ритуала/ритуализованной деятельности способствует передаче и воскрешению культурного смысла, норм, ценностных ориентиров данного общества. Ритуализованная деятельность носит символический характер и относится к сфере культурной памяти, поскольку представляет собой форму передачи и воскрешения культурного смысла.

Ритуализованная деятельность может быть представлена на когнитивном уровне в виде сценария – фреймподобной структуры знаний, обладающей такими свойствами, как: 1) стандартная последовательность событий, обусловленная некой рекуррентной ситуацией; 2) конвенциональность; 3) резистентность; 4) культурная специфичность; 5) аксиологичность; 6) временная и локальная соотнесенность; 7) динамический характер; 8) символичность.

В рамках антропоцентрической парадигмы научного знания особого внимания заслуживает многоаспектное исследование сценариев как сложного феномена ритуализованной деятельности с позиций культурологического направления когнитивной лингвистики.

Особый интерес представляет выявление этноконнотированных вторичных скриптонимов и способов фиксации образной составляющей этноконнотированных скриптонимов определенным культурным кодом. Вторичные скриптонимы могут быть рассмотрены как особый фрагмент коннотативной семантики, пополняющий коннотативный репертуар языка.

Не менее важным аспектом является исследование формирования нового культуросного смысла на основе исходного вербализованного знания

посредством действия механизма концептуальной интеграции и её частных проявлений: когнитивных механизмов метонимического, метафорического и метафтонимического переносов, которые находят своё выражение на языковом уровне в процессах словообразовательной, семантической деривации, а также во фразеологизации.

ГЛАВА 2. СКРИПТОНИМЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

2.1. Вариативность как имманентная характеристика скриптонимов немецкоязычного культурного пространства

Вариативность, как одно из фундаментальных свойств языковых единиц, обусловлена историческим, культурным и социально-политическим влиянием лингвокультурной общности. Под вариантом (вариантной формой), согласно определению, приведенному в «Словаре лингвистических терминов», следует понимать «данное видоизменение или разновидность (реализация, манифестация) языковой единицы, или эмы, т. е. фонемы, морфемы и т. п.» (Ахманова 1966: 68). Понятие вариативности в лингвистических исследованиях применяется, с одной стороны, по отношению ко всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, применения разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений (Камчатнов 1983: 121). По мнению В.М. Солнцева, вариативность представляет собой «способ существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» (Солнцев 1984: 31). С другой стороны, понятие вариативности выступает как характеристика способа существования и функционирования языковых единиц в системе языка и речи. В рамках настоящего исследования предпочтение отдается термину «вариативность», так как он, по нашему мнению, более точно отражает специфику функционирования исследуемого языкового материала. Термин «вариантность» предполагает наличие некоего инварианта, что в силу особенностей эмпирического материала определить не представляется возможным, или, по крайней мере, можно говорить лишь условно о наличии инварианта, если рассматривать отдельные праздники, обряды, обычаи на

когнитивном уровне – как конкретную реализацию прототипичного сценария праздничного действия, специфичного для данной этнокультурной общности.

Одной из основных причин возникновения вариативности является включение и функционирование в языковой системе разных по времени происхождения элементов (Семенюк 1965: 53). Обращение к историческому материалу неизбежно ставит вопрос о соотношении вариативности и исторических изменений и в связи с этим о возможности применения понятия «вариативность» к фактам диахронии. В лингвистических исследованиях нет единства мнений по этому вопросу.

Одни исследователи, полагают, что о вариативности можно говорить лишь в отношении одной эпохи, и отрицают тем самым вариативность в диахронии (см. подробнее: Москальская 1981: 58–59).

Другие же, напротив, рассматривают вариативность и исторические изменения в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Е.С. Кубрякова относит вариативность наряду с изменчивостью и переинтеграцией к основным формам движения в языке. Изменение как нарушение тождества единицы подготавливается в синхронии, но не происходит внутри неё: чтобы обнаружить изменение, необходимо сравнить, по крайней мере, два синхронных среза. Переинтеграция и варьирование подготавливают изменение (Кубрякова 1978: 19).

Варьирование может рассматриваться и как результат предшествующей истории языка, и как предпосылка предстоящего изменения. Изменение и развитие языка осуществляются в процессе бесконечного использования, отбора, создания различных вариантов, т.е. в ходе бесконечного варьирования (Солнцев 1984: 41). Генетически варианты реализации представляют собой или гетерогенные элементы, объединённые в результате определённых исторических процессов в систему языка, или элементы гетерохронные, относящиеся к различным периодам существования данной системы (Патюкова 2011).

Вариативность рассматривается нами а) в плане выражения, что предполагает константность значения при наличии вариантов его формального выражения; б) в плане содержания и в плане выражения, что предполагает

наличие не только специфического содержательного наполнения, но и существование специальной языковой единицы для обозначения данного содержательного наполнения.

2.1.1. Диатопическая вариативность скриптонимов

Современный немецкий язык представляет собой плюрицентричное языковое пространство, что предполагает использование данного языка в качестве официального в более чем одной стране, при этом наблюдаются некоторые различия, особенности употребления языка в каждом конкретном ареале. Немецкий язык признан в качестве официального в Германии, Австрии, Лихтенштейне, Швейцарии (наряду с французским, итальянским и ретороманским), Люксембурге (наряду с французским и люксембургским/летцебургским), а также в Восточной Бельгии и Южном Тироле в Северной Италии (официальный язык на региональном уровне в Автономной провинции Больцано-Боцен – Южный Тироль). Как подчеркивают авторы словаря «Variantenwörterbuch des Deutschen», наличие особенностей (вариантов) стандартного немецкого языка/немецкого литературного языка в каждом из языковых центров не следует рассматривать как отклонение от нормы, они являются равноправными вариантами единого стандартного/литературного немецкого языка (Variantenwörterbuch des Deutschen 2004: XXXII).

Многие германисты разделяют мнение о реализации современного немецкого языка в виде его вариантов. Кроме литературного немецкого языка существуют обиходно-разговорные формы проявления языка, а также территориальные диалекты (Домашнев 2005, Ризель 1962, Семенюк 1972, Ammon 2004, Große 1972, Lerchner 1997, Moser 1961 и др.).

Диатопическая вариативность скриптонимов проявляется не только в наличии вариантов наименования одного и того же праздника в зависимости от местности, но и в наличии праздников, обычаев, обрядов, специфичных для данного конкретного административно-территориального единства и,

соответственно, номинативной единицы, обозначающей данное ритуализованное действие.

Результаты количественного анализа показывают, что 41,2% от общего числа анализируемых номинант (461 номинативная единица) содержат маркер /локус/ и функционируют на территории определенного региона, области, города или деревни.

Примером диатопической специфики наименования ритуализованного действия в немецком лингвокультурном пространстве могут служить скриптонимы:

1) обозначающие праздник перед шестинедельным постом, или карнавал:

Fastnacht, Fasnacht, Fasnet (распространены в землях Гессен, Райнланд-Пфальц, Заарланд, а также во Франконии и баварско-швабских областях, Люксембурге, Швейцарии и Лихтенштейне);

Fasching (номинанта функционирует в землях Бавария и Саксония, а также на территории Австрии);

Karneval (номинативная единица распространена в городах Кёльн, Дюссельдорф, Аахен, Берлин, а также в Рурской области);

2) обозначающие престольный праздник, т.е. праздник в память святого или значимого события:

Kirchweih распространен в юго-западных областях Германии с такими территориальными вариантами как *Kärwa, Kerwa* или *Kirwa* (во франкских областях);

Kilbe, Kilbi (распространено на части территории земли Баден-Вюртемберг и на территории австрийской федеральной земли Форарльберг) и др;

Kirchmess употребляется преимущественно в северных и центральных областях Германии; к региональным вариантам относятся *Kerms, Kermst* или *Kirmse* (Саксония, часть Тюрингии);

Kirmes (северная, средняя и восточная части федеральной земли Гессен, часть земли Заарланд, Тюрингия, Саксония, большая часть земли Северный Рейн-Вестфалия);

На территории Австрии и Швейцарии распространены следующие варианты наименования рассматриваемого праздника: *Kirtag, Kirda, Prangtag* (федеральная земля Зальцбург).

Необходимо отметить следующее: константность значения при различии в форме выражения рассматривается нами с определенной оговоркой, а именно в сценарии праздничного действия, распространенного на всей территории (или, по крайней мере, на подавляющей её части) немецкоязычного культурного пространства наряду с обязательными эпизодами, этапами данного праздничного действия, обряда, обычая, присутствуют факультативные элементы, или даже целые этапы, которые отличаются от региона к региону.

В качестве подтверждения можно привести особенности проведения престольного праздника (*Kirchweih, Kirchmess, Kirmes*): в деревнях престольный праздник проводится по пятницам или субботам, сопровождается особыми ритуалами с участием церковнослужителей. В некоторых областях в этот день проводятся специальные службы в церкви. В городе и окрестностях данный праздник ассоциируется скорее с ярмаркой и гуляниями на площади и носит более светский характер.

Широко известные за пределами Германии карнавальные гуляния (*Karneval, Fastnacht*) также представлены разнообразием принятых обычаев, типичных персонажей и особенностей атрибутики в зависимости от местности.

Наряду с вариативностью наименования было выявлено большое число скриптонимов, обозначающих свойственный для данной местности обычай, ритуал или обряд. Анализируемые нами источники примеров позволяют проследить ритуализованные действия, специфичные не только в рамках государственных границ, федеральных земель, но и вплоть до праздников отдельных городов и деревень. Проиллюстрируем сказанное примерами¹:

«**Baumstamm-Zersägen n**, Распиливание бревна, один из многочисленных шуточных свадебных обрядов, символизирует проблемы и заботы, с

¹ Ареал, область распространения на географической карте, выделен курсивом.

которыми новобрачным предстоит справляться вместе. Сохранился в *Мекленбурге, Тюрингии и других местностях*» (Муравлева 2003: 84);

«**Bergische Kaffeetafel**, Трапеза с кофе в местности *Бергишес ланд (Северный Рейн-Вестфалия)*, состоит из нескольких блюд, которые принято есть в определённой последовательности: начинают с белого хлеба, намазанного маслом, вареньем (или мёдом) и толстым слоем молочной рисовой каши. Затем следует чёрный или серый хлеб с колбасой и сыром, затем белый хлеб с толстым слоем творога, кекс, пирог, крендели, булочки с изюмом, сухари. Кульминацией являются свежие горячие вафли с вишнёвым соусом, которые могут быть поданы на любом этапе застолья по мере их готовности. Кофе пьют в течение всей трапезы. <...> Завершается застолье рюмочкой спиртного и дальней прогулкой. Традиция имеет многовековую историю: неизысканность блюд объясняется скромным материальным достатком населения тех лет, а их обилие и необычный набор – желанием как следует угостить родственников и друзей в праздничные дни, поставить на стол всё, что есть в доме» (Маркина 2006: 94-95);

«**Blochziehen n**, Волочение бревна, старинный обычай фашинга в *юго-восточных областях Австрии*. Восходит к земледельческой обрядовости: холостяки или незамужние женщины, осыпаемые насмешками, должны в наказание за безбрачие тащить дерево из леса. По народному поверью считалось, что безбрачие может отрицательно повлиять на плодородие земли. В настоящее время обычай носит развлекательный характер, устраивается карнавальными объединениями, которые в конце представления продают бревно с аукциона, пополняя свою казну» (Муравлева 2003: 85);

«**Gauderfest n**, Потешный праздник, народный праздник федеральной земли *Тироль*, отмечается в первое воскресенье мая. В этот день пьют очень крепкое пиво (Gauderbock), проводят соревнования борцов, петушиные и

бараньи бои, шумные шествия <от разг. Gaudee = лат. gaudium – “радость, веселье” >> (там же: 187);

«**Kaiserball m**, Императорский бал, новогодний бал во дворце Хофбург, в Вене, проходит 31 декабря. По старой традиции начинается с церемонии смены караула императорской гвардии, гостей приветствуют „император Франц Иосиф“ и „императрица Елизавета“. В полночь под звон Пуммерина они желают гостям счастливого Нового года» (Муравлёва 2003: 267);

«**Salvatorzeit f**, Период пива „Сальватор“, баварский весенний праздник крепкого пива, среди сортов которого самым крепким считается „сальватор“. Открывается торжественной пробой нового мартовского пива, пивные залы украшены гирляндами зеленых еловых веток.<...>На празднике рядом сидят министры и рабочие, на самые почетные места усаживают старейших жителей. <...> В 1651 г. монахи монастыря из деревни Ау вблизи Мюнхена начали варить густое калорийное пиво для периода поста, т.к. в это время им разрешалось есть только жидкую пищу» (Маркина 2006: 848);

«**Wäldchestag m**, День леса, городской праздник жителей Франкфурта-на-Майне. Имеет давнюю традицию (более 200 лет), отмечается во вторник после Духова дня, нерабочий день. Об истоках веселого праздника в лесопарке существует несколько версий. По преданию он возник в те времена, когда простой народ получал здесь дрова по норме или когда слуги собирались здесь в свой свободный день после празднования Духова дня (позже к ним присоединились и их господа)» (там же: 1033).

Особый интерес представляют номинанты, обнаруживающие не только принадлежность к определенной области распространения, но и обладающие маркером /социолект/, отражающие специфику жизнедеятельности, быта и занятий проживающих на определенной территории людей.

2.1.2. Диастратическая вариативность скриптонимов

Диатопическая вариативность скриптонимов теснейшим образом связана с их диастратической вариативностью в силу особенностей социально-политического развития общества. Язык включен во все формы общественной деятельности. Оставаясь некоторым единством, общество в силу различного рода факторов социально дифференцировано. Язык в данном случае выступает в своей интегративной функции. По замечанию Н.Б. Мечковской, «социальная структура общества и социолингвистическая дифференциация речевой практики говорящих находят известное отражение в языке. Общенародный язык социально неоднороден. Его социальная структура, т.е. состав и значимость социальных вариантов языка (профессиональная речь, жаргоны, просторечие, кастовые языки и т. п.), а также типы коммуникативных ситуаций в данном обществе обусловлены социальной структурой общества» (Мечковская 2000: 28).

Для немецкоязычного культурного пространства характерны скриптонимы, репрезентирующие становление цеховых объединений в Средние века, т.е. слой ремесленников. Скриптонимы репрезентируют крестьянский быт, а также религиозную сферу жизни общества.

На территории современных Германии, Австрии и Швейцарии, как и во многих других странах Европы, в Средние века и вплоть до наступления эпохи индустриализации процветали цеха, или цеховые объединения, гильдии (нем. *Zunft, Gilde, Gaffel, Amt (norddeutsch), Einung, Innung (sächsisch), Zeche*) – торгово-ремесленное сообщество, объединявшее мастеров одной или нескольких схожих профессий. Подобные гильдии имели не только определенное экономическое влияние на рынке города, но и обладали некоторой политической властью. Внутри сообщества существовала иерархия его членов (мастера, подмастерья и ученики), причем получение нового статуса сопровождалось соблюдением определенных правил и сопутствующими ритуалами. В настоящее время такого рода объединения действуют скорее как общественные или же фольклорные организации, занимающиеся сохранением культурного наследия и

сопровождаящей цеховые объединения на протяжении многих веков обрядовости. Номинативные единицы, репрезентирующие обычаи и традиции определенной гильдии составляют по данным количественного анализа 7% от общего числа скриптонимов (461 номинативная единица):

«„**Metzgersprung**“ **m** / **München** /, “Прыжок мясников” / Мюнхен, шуточный ритуал «крещения» учеников гильдии мясников (*Metzgerzunft*). Окончившие учебу подмастерья прыгают в фонтан Фишбруннен, вода которого очищает их от всех грехов учебы. После “крещения” ученики становятся полноправными членами гильдии, имеют право танцевать с любой понравившейся девушкой <...>» (Маркина 2006: 645). Культурно-специфическим маркером является признак */социолект гильдии мясников/*;

«**Drei Hammerschläge**, Три удара молотом, профессиональная традиция строителей: при закладке фундамента по бетонной плите производят три удара молотом, каждый из которых сопровождается каким-либо пожеланием. В древнегерманской мифологии молоту приписывалась магическая сила, он был главным орудием Донара (*Donar*), божества грома и непогоды» (там же: 211). Номинанта маркирована признаком */социолект гильдии стротелей/*;

«**Kuchen- und Brunnenfest** **n** / **Schwäbisch Hall** /, Праздник пирогов и колодцев / Швебиш Халль, старинный праздник солеваров. Отмечается в Духов день. Существует несколько версий его происхождения: в 1376 году во время пожара солевары спасли мельницу, в благодарность мельник ежегодно дарил гильдии пирог (*Siederkuchen*) весом в 100 фунтов (50 кг); по другому преданию, в 1479 году после чистки «соляного колодца» (*Salzbrunnenreinigung*) солевары также получили вознаграждение в виде пирога и с тех пор чистка колодцев неизменно завершалась праздником солеваров [...]» (там же: 545). Скриптоним маркирован признаком */социолект гильдии солеваров/*;

«**Schäfflertanz** **m** / **München**, Танец бочаров / Мюнхен, красочное шествие с танцами представителей гильдии бочаров, одетых в традиционные костюмы

<...>. Шествие проводится в центре Мюнхена на площади Мариенплац каждые семь лет в память о средневековых событиях: в 1517-1519 гг. В Мюнхене свирепствовала чума. Когда эпидемия отступила, жители по-прежнему боялись выходить из своих домов. И тогда, по преданию, первыми по пустынным улицам с музыкой и танцами прошли бочары (вернулись в город из-за городской стены, до этого им было запрещено селиться в черте города – их ремесло считалось пожароопасным). В благодарность за то, что бочары своим поступком вернули город к жизни, их танец увековечен на ратуше в Мюнхене» (Маркина 2006: 856).

Номинанта маркирована признаком */социолект гильдии бочаров/*;

«**Schützenfest n**, Праздник стрелков, праздник стрелковых клубов и объединений как прямых наследников средневековых традиций, когда создавались гильдии стрелков (из лука) для обороны своих городов. С начала XIX в. – светский праздник с определенными установившимися атрибутами: парад стрелков, состязания в стрельбе, по результатам которых на один год определяется король (Schützenkönig), заключительный бал» (там же: 898). Культурно-специфическим маркером является признак */социолект гильдии стрелков/*.

Социальный слой фермерства, крестьянства представлен широким спектром скриптонимов, обозначающих праздники, а также обряды и обычаи, связанные с ежедневной деятельностью, бытом крестьян и результатами их труда:

«**Hopfenfest n / Wolnzach**, Праздник хмеля / Вольнцах, региональный народный праздник в баварском местечке Вольнцах. Проводится ежегодно в сентябре – после сбора хмеля, кульминационным моментом являются выборы „королевы хмеля“ („Hopfenkönigin“). Вольнцах находится в Халлертау (Холледау), ведущем регионе в мире по сбору хмеля. Здесь в течение трех недель собирается до 12% мировой продукции хмеля» (Маркина 2006: 449);

«**Kirschblüte- und Kirscherntefest n / Witzenhausen**, Праздник цветения вишневых деревьев и сбора вишни / Витценхаузен, региональный праздник

в гессенском местечке Витценхаузен, известным своими вишневыми садами и производством вишневого сока. Здесь зацветает ежегодно более 150 тыс. вишневых деревьев <...> на празднике избирается „вишневая королева“ („Kirschenkönigin“)» (там же 516);

«**Schlachtfest n**, Праздник забоя скота, традиционный осенний крестьянский праздник, устраивается обычно в октябре. День забоя свиней является особым событием для семьи, и все её члены принимают участие в переработке мяса <...>. На праздничный обед приглашаются родственники и соседи. В настоящее время „шлахтфест“ проводится и в городах – на площади организуется народное гулянье, предлагаются блюда из свинины и бочковое пиво» (Маркина 2006: 873);

«**Hiata-Kirtag m**, Праздник сбора винограда, устраивается в винодельческих областях. Непременным атрибутом являются торжественное шествие и выборы „королевы виноделия“» (Муравлева 2003: 233).

Особую группу составляют скриптони́мы, репрезентирующие религиозные праздники, связанные с библейскими сюжетами, святыми – покровителями городов, ремёсел, земледелия:

Mariä Himmelfahrt f, Вознесение Девы Марии, отмечается католической церковью 15 августа. В этот день устраивают торжественные процессии, происходят освящение трав, мёда, яблок, которые, по поверью, приобретают в этот день особый вкус (Маркина 2006: 616);

Palmsonntag m, Вербное воскресенье отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой. В основе праздника лежит предание: перед своей мученической смертью Иисус прибыл в Иерусалим, где народ приветствовал его, размахивая ветвями пальмовых деревьев, как церковными стягами. Для церкви праздник является важным звеном в подготовке верующих к Пасхе (там же: 738);

Konfirmation f, Конфирмация, первое причастие (в протестантской церкви), символизирует достижение молодыми людьми 14-16 лет церковного совершеннолетия (там же: 533);

Floriantag m, День св. Флориана, 4 мая, день покровителя трубочистов, пожарников, а также всех тех, кому грозит опасность от огня или воды. По преданию св. мученик Флориан родился в Нижней Австрии, служил в римской армии, во время одного из преследований христиан его утопили в р. Эннс (там же: 272);

Martinstag m, День св. Мартина, 11 ноября. Отмечается в память о турецком епископе Мартине, похороненном в этот день. По легенде, Мартин был римским воином, всадником на белом коне, защитником обездоленных. Он разрубил свой плащ пополам мечом, чтобы поделиться с нищим (там же: 626).

Праздники и традиции, функционирующие в социальной среде городских жителей, представлены малым количеством скриптонимов:

«**Fitnessmarsch m**, Марш здоровья, самое массовое мероприятие в день Национального праздника в Австрии. В каждом городе и области заранее намечаются маршруты для бегунов и пешеходов. В 9 часов утра по радио даётся старт» (Муравлева 2003: 170).

Принимая во внимание данные когнитивных психологов и культурологов о роли структур знания сценарного типа в процессе становления идентичности нации и их воплощения в обрядах, обычаях и праздниках, по результатам наблюдения диастратической вариативности можно судить о наиболее значимых сферах жизни этноса; для немецкоязычной культурной общности это религия, ремесленное производство, земледелие.

В то же время данные номинативные единицы являются свидетельством возникновения явлений, принадлежащих определенному историческому периоду, т. е. речь идет о диахронической вариативности. Диахроническое исследование языка позволяет установить взаимосвязь между варьированием языковых средств

и изменением смысловой структуры, а также провести границу между этими явлениями в каждом конкретном случае.

2.1.3. Диахроническая вариативность скриптонимов

Диахроническая вариативность скриптонимов представлена номинантами, иллюстрирующими различные исторические периоды социально-политического становления общества. Это, прежде всего, номинанты, относящиеся к религиозной части жизни общества (язычество, период христианизации):

Grasausläuten n, шумное шествие с колокольчиками, кнутами, трещотками, цель которого перед выгоном скота на пастбище изгнать злых духов, по поверью живущих в траве. Нужно произвести как можно больше шума (Муравлева 2003: 201).

Kommunion f, а) святое причастие, во время богослужения верующие вкушают хлеб и вино как символы тела и крови Христовой; б) *разг.* праздник по случаю принятия первого причастия, проводится за торжественным обедом с вручением подарков (Маркина 2006: 533).

Становление общественных и общественно-политических институтов представлено вышеупомянутыми номинантами, относящимися к определенному периоду деятельности цеховых объединений, гильдий ремесленников (см. пункт 2.1.2). Нами были также обнаружены вторичные скриптонимы, репрезентирующие праздники в память о каком-либо сражении или военном конфликте, например:

Schwedenprozession f, досл. шествие шведов, ежегодный старинный народный праздник в память о тридцатилетней войне и осаде шведами трех городов, которая оказалась безуспешной. Этноконнотат маркирован признаком-спецификатором /локус: немецкие города Кронах, Уберлинген, Вайсмайн/.

Особенности исторического развития Германии второй половины XX века нашли своё отражение в обычаях и традициях. Зафиксированный нами

скриптоним *Jugendweihe* обозначает праздник вступления во взрослую жизнь, отмечается в т.н. новых федеральных землях, являвшихся до 1990 г. территорией ГДР. В этот день молодые люди, достигшие 14-летнего возраста, после речи директора школы поднимаются на сцену, где им вручают книгу и розу, поздравляют со вступлением во взрослую жизнь. Рукопожатие директора символизирует признание молодого человека взрослым. Понятие *Jugendweihe* появилось в 1848 г., когда либеральные церковные круги выступили за демократизацию церкви и отказ от многих её догматов. В ГДР это праздник наполнился новым смыслом – в день вступления во взрослую жизнь молодые люди заявляли о своей верности социалистическому государству. В настоящее время приверженцами т.н. гражданской конфирмации – *Jugendweihe* – являются более половины молодых людей на территории бывшей ГДР из семей с традиционно атеистической позицией (Маркина 2006: 482-483).

2.2. Поликодовость способов фиксации образной составляющей скриптонимов

Образная составляющая является релевантным признаком этноконнотата, на основе которого осуществляется ассоциативное переосмысление денотативного или квазиденотативного содержания языковой единицы. Основой ассоциативно-образных коннотаций является, по мнению Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма слова, выполняющая функцию обобщённого абстрагированного признака понятия, или же представления о денотате (Алефиренко 2003: 68). По мысли А.А. Потебни, внутренняя форма слова представляет собой осознаваемую говорящими на некотором языке мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения репрезентированного данным словом концепта (Потебня 2007). В процессе непрямого наименования внутренняя форма может предстать как основа для

переосмысления первоначально закодированной в языковом знаке информации. Внутренняя форма слова выступает как мотивирующее основание для актуализации образной составляющей этноконнотата (Быкова 2005: 51).

Набор признаков обобщённого характера представляет собой систему кодов, специфичную для данной этнокультурной общности. По замечанию З.Д. Поповой, человеческое мышление редко бывает строго логичным, оно движется по ассоциациям, «диктуемым жизненным опытом, важными признаками наблюдаемых вещей и событий и другими неожиданными с логической точки зрения классификаторами» (Попова 1996: 69). Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «на более высоком уровне осмысления денотативной ситуации в центре внимания оказывается сам код, в содержании подтекста фиксируется не само сообщение, а код, которым оно шифруется, и при помощи которого оно вводится в систему кодов этноязыкового сознания» (Алефиренко 2002: 66).

Данные количественного анализа степени продуктивности фиксации образной составляющей вторичных скриптонимов кодами культуры представлены в Диаграмме 1 «Степень продуктивности культурных кодов как способа фиксации образной составляющей вторичных скриптонимов»:

Акциональный код культуры по результатам количественного анализа является доминантным (37% вторичных скриптонимов с образной составляющей, фиксированной акциональным кодом культуры). Скриптонимы с образной составляющей, представленной акциональным кодом культуры, репрезентируют слот «Ритуализованные действия».

Banditenfangen n, «ловля разбойников», старинный народный обычай в праздник Тела Господня. Лодочники одной деревни устраивают погоню за «пиратами», роль которых исполняют лодочники другой деревни. Обычай распространен в деревне Оберндорф под Зальцбургом (Муравлёва 2003: 62);

Schifferlsetzen n, «расстановка корабликов», накануне праздника св. Николауса дети расставляют в домах родных и знакомых бумажные кораблики, а взрослые должны положить туда подарки. Обычай распространен в Нижней Австрии и некоторых других областях (там же: 494);

Blochziehen n, «волочение бревна», старинный обычай во время фашинга в юго-восточных областях Австрии. Холостые мужчины и незамужние женщины должны тащить бревно в наказание за безбрачие (там же: 85).

Флороморфный код культуры представлен 9,8% скриптонимов. Вторичные скриптонимы, образная составляющая которых зафиксирована флороморфным кодом культуры, репрезентируют все три слота сценария: «Ритуализованные действия», «Атрибуты ритуализованных действий», «Участники ритуализованных действий»:

Rosenmontag m, «розовый понедельник», последний понедельник фашинга, когда веселье достигает своего апогея и проводятся карнавальные шествия. По одной из версий название восходит к слову *Rosensonntag*, или к воскресенью лэtare¹ (Маркина 2006: 831);

¹ *Laetare* лэtare, четвертое воскресенье предпасхального поста. <.....> Специально к «воскресенью лэtare» сочинялись новые песни, в Риме Папа освящал золотую розу, наполненную мускусом и бальзамом (Муравлева 2003: 307).

Glücksgetreide n, «зерно на счастье», шуточный свадебный обычай – благословлять жениха и невесту дождем из риса, гороха или пшеницы, что символизирует плодородие и богатство (там же: 347);

Palmbusch m, «пальмовый букет», атрибут Вербного воскресенья, пучок зелёных веток ивы, вербы, бука, ореха (Муравлёва 2003: 427);

Erbsenbär m, «гороховый медведь», персонаж карнавала в Ахене. Изгнание горохового медведя символизирует изгнание зимы (Маркина 2006: 14).

Предметный код культуры представлен 7,6% проанализированных вторичных скриптонимов. Номинанты репрезентируют чаще всего слот «Атрибуты ритуализованных действий»:

Zuckertüte f, «сахарный кулёк», подарочный кулёк из цветного картона в форме конуса, символ первого школьного дня. Родители наполняют его сладостями и подарками – часто школьными принадлежностями и подарками – и вручают первоклассникам (Маркина 2006: 1093);

Schnapsgeld n, «деньги на водку», «выкуп» за невесту, когда по старинному народному обычаю свадебному поезду перекрывают дорогу и требуют «пошлину» (там же: 889);

Glückspfennig m, «пфеннинг на счастье», монета, вложенная в пустой кошелек или другие предметы, предназначенные для дарения. Монету вкладывают в туфельку невесты под пятку (там же: 347).

Ономастический и антропоморфный коды культуры в этноконнотате скриптонимов представлены наименьшим числом (6,5% и 4% соответственно).

Leonhardiritt m, конная процессия в День св. Леонарда, народный праздник, отмечается ежегодно 6 ноября, в День св. Леонарда, покровителя домашнего скота, прежде всего лошадей (Маркина 2006: 572);

Martinsgans f, «Мартинов гусь», главное праздничное блюдо в День св. Мартина. В народном сознании гусь является символом плодородия. Традиция напоминает о тех временах, когда крестьяне после завершения сельскохозяйственных работ должны были поставлять определённое количество гусей своим помещикам и монастырям (там же: 626);

Gambrinus-Fest n, «праздник Гамбринуса», пивной праздник, назван в честь сказочного фламандского короля, которому приписывают изобретение пива (там же: 310);

Trommelweiber pl «барабанщицы», Обряд фашинга в области Аусзеер-Ланд. Мужчины в белых ночных сорочках, чепцах, масках с барабанами осуществляют шествие. Традиция восходит к 1767 году, когда женщинам городка Бад-Аусзее пришлось ночью забирать мужей из пивной (Муравлёва 2003: 575);

„*Hausvater“ m*, «отец семейства», хлеб в виде младенца. Выпекается в Бургенланде к Рождеству. Согласно поверью, приносит счастье и здоровье в дом (Муравлёва 2003: 223).

Данные количественного анализа указывают на достаточно высокую степень продуктивности фиксации образной составляющей кодами культуры.

Духовный код культуры обладает наибольшей релевантностью при кодировании имплицитных этнокультурных смыслов всех групп номинант. Он отражает бытие, поведение, деятельность носителей языка и предопределяет оценки, даваемые ими себе и окружающему миру, ценностные ориентиры, сложившиеся в определенном культурном пространстве.

2.3. Скриптони́мы как результат семантической и словообразовательной деривации

Семантическая и словообразовательная деривации рассматриваются нами в теснейшем взаимодействии, так как в формировании новых культуруносных смыслов и возникновении новых концептуальных структур, репрезентированных скриптони́мами, участвуют оба процесса деривации в их неразрывной связи.

2.3.1. Словообразовательные модели немецкоязычных скриптонимов

Словообразовательная деривация вторичных скриптонимов репрезентирует тенденции, общие для немецкого языка в целом, а именно^[1]: словосложение как наиболее продуктивный способ пополнения словарного состава по модели «N1+N2→N3»; сложное словопроизводство по модели «N1+(V→N)2→N3»; отглагольная субстантивация, конверсия как модель имплицитного словопроизводства «V→N». В процессе словообразовательной деривации переосмыслению может подвергаться как категоризирующий компонент комплексного знака (нем. Grundwort), так и идентифицирующий (нем. Bestimmungswort), либо оба компонента.

Особенности структурной организации сложных вторичных скриптонимов зависят от ареала, области распространения номинативной единицы, т.е. речь идет о продуктивности диатопической вариативности на словообразовательном уровне: скриптонимы, репрезентирующие обряды, обычаи, традиции *австрийского ареала* немецкоязычного культурного пространства, представлены сложно-производными словами со вторым компонентом, образованным в результате конверсии, отглагольной субстантивации (*Geldbeutelwaschen*, *Laternengehen*, *Herbergsuchen*).

Анализ словообразовательных моделей обозначений ритуализованных действий культурного пространства Германии позволил выделить: 1) композиты, где основное слово (категоризирующий компонент сложно-производного слова) представлен существительным (*Gautschfest*, *Polterabend*, *Kindelbier*); 2) сложно-производное слово, где второй компонент (категоризирующий) образован в результате безаффиксального способа словопроизводства с изменением корневой гласной/внутренней флексией (*Geldbeutelwäsche*, *Metzgersprung*, *Freikuss*).

^[1] Обозначение символов: N – по частеречной принадлежности это основа-существительное; V – глагольная основа; арабские цифры служат для удобства в качестве дистинктивных, например N1 – первая основа-существительное, N2 – вторая.

Сложные и сложно-производные вторичные скриптонимы составляют 75%, или 122 номинативные единицы, т.е. в большинстве случаев речь идет о двух когнитивных производящих основах, которые вступают во взаимодействие и порождают новые концептуальные структуры. В данном случае мы можем наблюдать принцип экономии языка в действии, когда уже существующие номинативные единицы, вступая благодаря словообразовательным процессам во взаимодействие, дают наименование явлениям внеязыковой действительности. В рамках композиционной семантики такого рода номинативные единицы, представляющие собой объединение готовых знаков, называют комплексными знаками (Кубрякова 1981, 2002, 2004; Позднякова 1999; Полянчук 2008, 2009, 2012). Степень переосмысления, степень идиоматичности комплексного знака различна. Концептуальная структура комплексного знака отражает также и те элементы, которые не выражены эксплицитно (Полянчук 2013: 20). При этом, важно обратить внимание на характер отношений между компонентами сложного/сложно-производного слова: 1) идентифицирующий компонент уточняет *объект воздействия*, например: **Bleigießen** дословно «литье свинца» старинный обычай гадания на свинце; 2) идентифицирующий компонент указывает на материал объекта (*свойство объекта*), выраженного категоризирующим компонентом: **Erbsenbär** дословно «гороховый медведь» персонаж карнавала в Ахене, костюм которого сделан из гороховой соломы; 3) идентифицирующий компонент указывает *определенное время/отрезок* времени: **Maibaum** дословно «майское дерево», символ празднования прихода весны, пробуждения природы и плодородия; 4) идентифицирующий признак указывает на *назначение объекта*, выраженного категоризирующим компонентом комплексного знака, например: **Glücksgetreide** дословно «счастливое зёрнышко». Зерном на счастье посыпают на свадьбе молодоженов.

С когнитивной точки зрения можно говорить о профилировании определенного компонента ситуации, объекта, который обозначен комплексным знаком. Будет справедливым сказать, что за комплексным знаком стоит некоторый культурный контекст. Адекватная интерпретация характера

отношений между компонентами комплексного знака, интерпретация контекста, доступна носителю языка благодаря действию механизма концептуальной интеграции и её частных проявлений: когнитивных механизмов метонимии, метафоры и метафтонимии, детальное рассмотрение которых невозможно без анализа семантической деривации немецкоязычных скриптонимов.

2.3.2. Когнитивные механизмы семантической и словообразовательной деривации скриптонимов

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о доминантной роли когнитивного механизма метонимии (43%, т.е. 68 номинант-лексем, в том числе сложных и сложнопроизводных слов). В основе переосмысления лежат следующие модели метонимического переноса:

а) *место проведения действия* → *действие*, например, ***Bend/Aachen*** «Бенд/Ахен, старинный народный праздник с ярмаркой, аттракционами. Проводится в течение нескольких дней два раза в год (весной и осенью). Восходит к средневековым рынкам, где выступали бродячие музыканты, фокусники. *Bend* *нижненем.* – луг» (Маркина 2006: 92).

В основе когнитивного механизма метонимии лежит переосмысление по модели «место проведения действия → действие». Согласно энциклопедическим данным, *Bend* впервые упоминается в 1413 году, причем в Ахене данная номинанта служит для именованья большого луга, а также ярмарки. С 1927 года осенние и весенние ярмарки в Ахене стали проводить на огромном лугу¹, в результате чего установилась прочная ассоциативная связь самого мероприятия с местом его проведения.

б) *атрибут действия* → *действие*. Данная модель метонимического переноса осуществляется за счёт актуализации признака-спецификатора слота «атрибут действия»: ***Frühschoppen*** «встреча членов той или иной корпорации,

¹ <http://www.oecherbend-ac.de/40515.html>

общества, сотрудников одного предприятия за кружкой пива или вина в первой половине дня <...> Schoppen – кружка для пива, стакан для вина объемом в одну четверть или половину литра» (Маркина 2006: 303).

Компонентом, участвующим в когнитивном механизме метонимического переноса по модели «атрибут действия→действие», становится атрибут, выполняющий ключевую роль в ритуале.

в) *атрибут/свойство субъекта→субъект действия*, например, *Flinserln pl* «участники карнавального шествия в области Аусзеер-Ланд. Обычно одеты в пестрые костюмы и маски, напоминающие костюмы Пьеро, расшитые блестками (Flinserln) <...> от Flins – старинная серебряная монета в десять крейцеров» (Муравлёва 2003: 171).

Данные этимологического анализа позволяют проследить различные этапы становления значения, в основе которых лежат когнитивные механизмы метафоры и метонимии: первоначально в результате метафорического переноса на основе внешнего сходства словом *Flinserln* стали обозначать декоративную деталь одежды – блестки, которые, очевидно, сверкали как и серебряная монетка (Flins). Далее в результате метонимического переноса по модели «атрибут/свойство субъекта→субъект действия» номинанта *Flinserln* стала применяться по отношению к персонажам карнавала, одетым в костюмы с блестками или пайетками. Мерцающие декоративные детали одежды позволяют отличить участников карнавального шествия в костюмах, усыпанных блестками, от прочих персонажей данного ритуализованного действия.

г) *объект действия→действие*: *Meilerfest* «старинный народный праздник углежогов в Тарандтском Лесу (Саксония). Его кульминация – зажигание «майлера» – дров, искусно сложенных особым способом в большую высокую пирамиду, при постепенном сгорании которой добывается древесный уголь» (Маркина 2006: 635).

Переосмысление первого компонента сложного слова основано на метонимическом переносе по модели «объект действия→действие». Согласно этимологическим данным номинантой *Meiler* обозначали определённое

количество – 1000 штук: «Das seit spätmhd. Zeit (als *mīler*) bezeugte Substantiv geht vermutlich auf mlat. *miliarium* „Anzahl von tausend Stück“ zurück» (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 518). С течением времени количественный показатель стал основой переосмысления номинативной единицы на особым способом сложенные дрова, число которых, видимо, составляло тысячу штук.

д) *субъект действия*→*объект действия*: „**Hausvater**“ «хлеб в виде младенца. Выпекается в Бургенланде к рождеству. Традиционный вид обрядового хлеба. Согласно поверью, приносит счастье и здоровье в дом» (Муравлёва 2003: 223).

Данный вид обрядового хлеба имеет право разрезать только глава семьи. В результате метонимического переноса по модели «субъект действия→объект действия» этот вид хлеба получил свое наименование. В качестве признака-спецификатора выступает субъект определенного действия, роль которого константна в определенной коммуникативной ситуации по отношению к объекту действия. Причины фокусировки и выдвижения на передний план конкретного идентифицирующего признака из множества других, лежащего в основе сложного ментального механизма, коим является метонимия с позиций когнитивного подхода, – проблема, требующая дальнейшей исследования и разработки.

е) *свойство/атрибут объекта*→*объект действия*, например, **Zuckertüte** «сахарный кулёк, подарочный кулёк из цветного картона в форме конуса, символ первого школьного дня. Родители наполняют его сладостями и подарками – часто школьными принадлежностями – и вручают первоклассникам» (Маркина 2006: 1093).

Метонимический перенос осуществляется по модели «свойство/атрибут объекта→объект»: сахар обладает сладким вкусом, входит в состав многих кондитерских изделий и придает им, таким образом, сладость, что является идентифицирующим признаком кондитерских изделий и десертов в общей массе.

ж) *субъект*→*атрибут субъекта*: **Osterlamm n** «пасхальный барашек, 1. Жаркое из барашка, традиционное мясное блюдо на Пасху; 2. Выпечка из бисквитного или слоёного теста в форме барашка. Покрывают сахарной пудрой

или глазурью белого цвета, вокруг «шеи» повязывают розовый бантик из шёлка <...> Ягнёнок в христианской религии – символ чистоты, мира, смирения» (Муравлева 2003: 401).

Данный пример служит иллюстрацией многоступенчатого блендинга. В первом значении номинанта означает мясо ягнёнка. Метонимический перенос в данном случае осуществляется по модели «субъект→атрибут субъекта». Контекст, актуализованный первым компонентом композита, позволяет реципиенту интерпретировать значение второго компонента – фоновые знания о празднике Пасхи включают и знания библейских сюжетов, символики и связанных с данным праздником кулинарных традиций, обусловленных символикой праздника. В основе второго значения, репрезентируемого номинантой *Osterlamm*, переосмысление второго компонента основано на механизме метафоры на основании сходства по признаку «форма». Мы не можем говорить о переосмыслении первого компонента сложного слова, но очевиден факт профилирования определенной области сценария (*Ostern, Weihnachten*) под влиянием классифицирующего компонента сложного слова. Данный «контекст» обуславливает результат действия механизма концептуальной интеграции, что свидетельствует о его динамичном характере (см. тж. Fauconnier, Turner 1998: 133-187).

з) *pars pro toto, т.е. часть→целое*, например, *Fleischweihe f* «освящение пасхальных блюд, обычай Страстной субботы – верующие несут в церковь или часовню продукты, приготовленные к Пасхальному воскресенью, и освящают их. <...> Освящение пасхальных блюд воспринимается как радостный ритуал после долгого поста» (Муравлёва 2003: 171).

Первый компонент сложного слова (*Fleisch* – мясо) является лишь одним из многих продуктов, которые верующие несут в церковь для освящения. Вопрос о том, почему именно мясо, мясные продукты являются атрибутом совершаемого действия, который лег в основу номинации, не может быть в достаточной мере прояснен ввиду отсутствия достоверной информации. Один из источников обращается к жизнеописанию епископа Ульриха фон Аугсбурга (X век), которому

к Пасхе всегда подавали мясо ягнёнка в качестве первого блюда¹. Второй компонент сложного слова репрезентирует ментальное пространство, относящееся к области сакрального.

Модель действия когнитивного механизма метонимии *pars pro toto* является весьма продуктивной для обозначения сценария праздничного действия именем одного из этапов его проведения, как правило, это кульминационный этап праздничного действия. По мысли М. Минского, метонимия обобщает ситуацию, выделяет в ней главное, «знаковое» для данной лингвокультурной общности, это такой компонент, который, обладая определенным достаточным набором характеристик, может привести к активации сценария в целом (Минский 1988: 289.).

Весьма конструктивно, на наш взгляд, особую роль метонимии в актуализации структур сценария показала в своем исследовании Е.В. Зеленёва: сценарии, с точки зрения их языковой экспликации, могут делиться на следующие типы: 1) макросценарии (где последовательность действий соответствует прототипу); 2) метонимические сценарии, структура которых выстраивается по принципу *pars pro toto*. Метонимические сценарии делятся в свою очередь на микросценарии и свернутые сценарии (Зеленёва 2010: 233-234). Наш материал позволяет использовать предложенные типы сценария:

„*Metzgersprung*“ т, «Прыжок мясников» шуточный ритуал «крещения» учеников гильдии мясников (*Metzgerzunft*). Окончившие учебу подмастерья прыгают в фонтан Фишбруннен, вода которого очищает их от всех грехов учебы. После “крещения” ученики становятся полноправными членами гильдии, имеют право танцевать с любой понравившейся девушкой» (Маркина 2006: 645).

Именно слот «ритуализованное действие» по признаку «действие» выдвигается на первый план: прыжок (*-sprung*) учеников гильдии мясников в фонтан становится фигурой, в то время как сопутствующие приготовления, а также следующие за кульминационным моментом события, в данном случае

¹ www.landesmuseum.at/pdf_frei_remote/Rudolfinum_2008_0311-0327.pdf

определенные права, которые получают прошедшие «крещение», становятся фоном.

е) *имя святого* → *праздничное действие*, например: **Silvester** Сильвестр, «31 декабря, последний день года, а также праздник встречи Нового года в новогоднюю ночь <...>; традиционные блюда – карп, пончики с повидлом, гороховый суп (символ богатства), а также плоды граната, зёрна которого обещают благополучие в наступающем году. Дарят друг другу изображение подковы, просят – они должны приносить счастье. Новый год встречают по традиции шумным фейерверком» (Маркина 2006: 924). В Австрии Новый год встречают под звон главного колокола страны – Пуммерина. Неотъемлемым атрибутом являются фейерверки. В Вене в полночь собравшиеся на площади у собора Святого Штефана и на прилегающих улицах люди танцуют вальс «На прекрасном голубом Дунае». План мероприятий новогодней ночи печатается заранее в газетах (Муравлёва 2003: 523-524). В католических странах 31 декабря является религиозным праздником, Днём Святого Сильвестра, который занимал пост папы римского в III веке (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 769).

Согласно теории концептуальной интеграции, переосмысление может быть рассмотрено как метонимический перенос в рамках одного домена с задействованными в данном процессе ментальными пространствами (праздник встречи Нового года и День святого Сильвестра). Точкой соприкосновения двух ментальных пространств, структурированных в виде сценария, является дата, 31 декабря. Интересно отметить также тот факт, что в настоящее время номинанта *Silvester* толкуется в немецкоязычных словарях, прежде всего, как канун празднования Нового года, в то время как праздник Дня святого Сильвестра может не упоминаться вообще¹.

Наряду с когнитивным механизмом метонимии можно проследить действие когнитивных механизмов метафорического и метафтонимического переносов. Проиллюстрируем сказанное примерами:

¹Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 2003: 935;

Duden online: www.duden.de/rechtschreibung/Silvester_Tag_Jahresende

Spekulatius «Спекуляциус, печенье, которое выпекают (в настоящее время фабричным образом) ко Дню св. Николауса, популярное угощение к чаю в период адвента. Имеет прямоугольную форму, толщину не более 5 мм, на печенье „выдавлены“ изображения мельника и мельничихи (Николаус покровительствует и им тоже) или мельницы и Николауса. Популярный экспортный продукт» (Маркина 2006: 935).

В этимологическом словаре «Duden Herkunftswörterbuch» отмечается, что происхождение слова не прояснено: «Die Herkunft der Bezeichnung für das flache, zu Figuren geformtes Gebäck aus gewürztem Mürbeteig ist nicht sicher geklärt. Vielleicht liegt, vermittelt durch ostfries. und niederrhein. Formen, gleichbed. älter niederl. *speculatie* zugrunde. Dessen Herkunft ist aber in dieser Bedeutung ebenfalls dunkel» (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 786). Одна из возможных версий – происхождение наименования от лат. *speculator* для обозначения епископа – букв. «экзаменатор», «надсмотрщик». По другой версии, слово происходит от лат. *speculum* «зеркало», указывая на зеркальное отображение рельефа на формах для вырезания печенья¹ (Маркина 2006: 935).

Kirmes f, «Кирмес, старинный народный праздник. Проводится в конце лета или осени в деревнях после уборки урожая. Исторически восходит ко дню освящения вновь построенной церкви и её алтаря. Кирмес имеет свои региональные традиции, включающие время проведения, особые ритуалы, сопутствующие блюда. В домах перед кирмесом принято делать генеральную уборку» (Маркина 2006: 515).

Согласно этимологическим данным, *Kirmes* представляет собой стяжение от *Kirchmesse* и восходит к средневерхненемецкому *kirmesse*, восходящему в свою очередь к **kirchmesse*. Первоначально слово означало чтение мессы в честь освящения церкви, затем праздник в память об освящении церкви. Позднее слово стали употреблять для обозначения народных праздников, ярмарок (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 406-407). Метафтонимический перенос по многоэтапной модели «церковная месса→праздник в честь освящения

¹ de.wikipedia.org/wiki/Spekulatus; ru.wikipedia.org/wiki/Спекулос

церкви→ярмарка» основан на функциональном сходстве общего ментального пространства, которое может быть именовано как «торжественное мероприятие». На каждом этапе переосмысления данный компонент смысла оставался константным, в то время как сакральный компонент (для церковной мессы), каузативный компонент (определенный повод проведения торжества для светского праздника по случаю освящения церкви), становились периферийными.

Kommunion f «1. Святое причастие, одно из таинств католической церкви, состоящее в том, что во время богослужения верующие вкушают хлеб и вино, в которых воплощены „тело и кровь“ Христа; 2. разг. Праздник по случаю принятия первого причастия» (Маркина 2006: 533).

Kommunion восходит к лат. *communio*, что значит «общность, объединение, союз». В католических местностях после торжественной мессы в церкви по случаю первого причастия принято устраивать праздничное застолье с вручением подарков, что является светским вариантом торжества вступления нового члена в церковную общину. В данном случае справедливо говорить о механизме *метафоримии*, когда сходство по функции двух ментальных пространств, структурированных в виде сценария, составляет основу переосмысления: в результате профилирования высвечиваются такие компоненты смысла ситуации как торжественность происходящего, приподнятое настроение, повод проведения торжества, в то время как компоненты, связанные с проведением *религиозного обряда* уходят на второй план, становятся фоном восприятия.

Kehraus m «1. Окончание какого-либо мероприятия и генеральная уборка после него; 2. заключительный бал (танец), по аналогии: танцующие дамы „подметают“ своими длинными бальными платьями пол танцевальных залов. В обоих значениях употребляется, как правило, по отношению к последнему балу карнавала» (Маркина 2006: 510).

Kehraus восходит к значению глагола *auskehren* (a. durch Kehren aus etwas entfernen; b. (einen Raum o. Ä.) durch Kehren reinigen¹, мести, выметать, подметать (Перевод мой. – М.Х.). Позднее, императивная форма «Kehr aus!» обозначала

¹ www.duden.de/rechtschreibung/Kehraus

последний танец на каком-либо празднике, так как дамы в длинных бальных платьях «подметают» пол (die Tänzerinnen des letzten Tanzes gewissermaßen mit ihren (langen) Kleidern den Tanzboden auskehren) (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 400).

По нашим наблюдениям, в сложных вторичных скриптонимах переосмыслению подвергается, как правило, один из компонентов сложного слова: либо категоризирующее слово (нем. das Grundwort), либо идентифицирующее слово (нем. das Bestimmungswort):

Weihnachtsstollen «традиционное сдобное изделие к празднику.<...> характерна одна форма – продолговатого хлебца как “символа спеленутого младенца Христа”» (Маркина 2006: 1049).

Этимологический анализ дает основания полагать, что базой для метафорического переноса наименования продолговатого хлеба Stollen послужило внешнее сходство по форме со столбиком: «das nur dt. Wort (mhd. stolle, ahd. stollo) bedeutet eigentlich „Pfosten, Stütze“» (Duden Herkunftswörterbuch 2007: 816). В данном случае мы можем говорить о явлении многоступенчатого блендинга: определяющее слово в составе сложного слова можно рассматривать в качестве фона, т.е. всей совокупности энциклопедических знаний, а также ассоциаций, эмотивной составляющей, связанных с праздником Рождества, бытующих в немецкой лингвокультурной общности; второй компонент сложного слова, образованный в результате метафорического переноса по сходству внешних признаков акцентирует внимание именно на определенной форме предмета, что, в свою очередь, обуславливает выдвижение на первый план из всей совокупности знаний о празднике Рождества представления о спелёнутом младенце.

Stutenkerl m, сдобная выпечка ко Дню св. Николауса в Вестфалии. Выпекают в форме человечка с глазами из изюма, с длинной белой трубкой во рту и руками в карманах мужества» (Маркина 2006: 970).

Метафорический перенос основан на признаке сходства формы человечка и выпекаемого печенья.

Oktoberfest n, «традиционный праздник пива. Проводится ежегодно в конце сентября – начале октября в течение 16 дней в парковой зоне Терезиенвизе. Открывается праздничным шествием, в котором участвуют пивовары в национальных баварских костюмах. Лошади, украшенные гирляндами цветов, тянут тяжёлые повозки с пивными бочками. Ровно в 12 часов, в субботу, обербургомистр даёт разрешение повернуть краны на пивных бочках. <...> Начало традиции положено 17 октября 1810 г., когда в честь обручения принца Людвиг и его невесты Терезы были проведены скачки. В следующем году устроителем был Баварский сельскохозяйственный союз, т.к. из праздника хотели извлечь выгоду для развития сельского хозяйства в регионе. Постепенно мюнхенский сельскохозяйственный праздник превратился в грандиозное народное гуляние, его организацией стал заниматься магистрат» (Маркина 2006: 723).

Процессу переосмысления подвергается, как и в предыдущем примере, идентифицирующий компонент. Дословный перевод данной номинативной единицы – «праздник в октябре, октябрьский праздник». Ввиду популяризации праздника за пределами Германии многим известно, что данная номинанта обозначает праздник пива. В основу наименования положен темпоральный маркер, месяц, в котором проводился ежегодный праздник вплоть до 1872 года, когда было принято решение о сдвигах сроков проведения мероприятия на сентябрь-конец октября в связи с более благоприятными погодными условиями. Темпоральная соотнесенность в структуре сценария становится основой для метонимического переноса по модели «время проведения → действие».

Для экспликации культурного смысла компонентов сложного слова *Oktoberfest* и всего вторичного скриптонима в целом необходимо привлечение феноменологических структур знания, особую роль которых подчёркивает в частности В.В. Красных: «Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях

искусства, в том числе и литературных, и т. д.» (Красных 2003: 64). Этимологический анализ и лингвокультурная интерпретация данных обладают большой объяснительной силой и значением для адекватной экспликации когнитивных структур, в которые вовлекаются знания различного характера.

Процессу переосмысления могут подвергаться, однако, и оба компонента, когда две ментальные структуры в результате действия механизма концептуальной интеграции сливаются в новое интегративное пространство. Примерами могут служить следующие вторичные скриптонимы:

Kufenstechen n «разбивание бочки, состязание всадников, устраивается в Духов день. Вооружённые тяжёлыми булавами всадники должны разбить бочку, укреплённую на столбе. Каждый заезд открывается старинной песней» (Муравлёва 2003: 303). *Kufe* представляет собой чан, кадку; субстантивированная глагольная основа *stechen* обозначает «колоть, прокалывать»;

Herbergsuchen n «обычай предрождественского периода: девушки и юноши, одетые подобно библейским Марии и Иосифу, ходят по домам и собирают подаяния для бедных» (там же: 230). Номинантой *Herberge* обозначается пристанище, ночлег, кров; *suchen* переводится как «искать, разыскивать», глагол в настоящем примере также подвергается субстантивации;

Geldbeutelwaschen n «шутливый ритуал в день Пепельной среды: мытьё пустых кошельков, обычно в воде фонтанов и водоёмов, после бурных карнавальных недель. Владельцы кошельков хотят показать, что отрешились от всего земного, истратив на карнавале всё до последнего гроша» (там же: 189). *Geldbeutel* представляет собой кошелёк, портмоне; субстантивированный в данном примере глагол *waschen* обозначает «стирать, мыть, промывать».

Анализ семантических и словообразовательных деривационных процессов и лежащих в их основе когнитивных механизмов позволяет сделать ряд выводов:

1) когнитивные механизмы семантической деривации вторичных скриптонимов представлены, прежде всего, метонимией. Метонимию следует рассматривать не только как стилистическое средство, но и как «сложный ментальный механизм концептуального плана» (Рябцева 2005: 81). Данный механизм релевантен не только в процессах номинации участников, атрибутов ритуализованных действий, но позволяет активировать сценарий в целом при актуализации определенного этапа сценария, обладающего необходимым и достаточным набором характеристик. По замечанию Н.К. Рябцевой, «метонимия еще более лингво-, этно- и культурноспецифична, чем метафора» (там же);

2) модели, лежащие в основе метонимии как когнитивного процесса, разнообразны: а) место проведения действия → действие; б) атрибут действия → действие; в) атрибут/свойство субъекта → субъект действия; г) объект действия → субъект действия; д) субъект действия → объект действия; е) свойство/атрибут объекта → объект действия; ж) субъект → атрибут субъекта; з) *pars pro toto*, т.е. часть → целое; е) имя святого → праздничное действие.

3) наряду с действием когнитивного механизма метонимии были обнаружены скриптонимы, репрезентирующие ментальные структуры, образованные в следствие действия метафорического и метафтонимического переносов.

4) в сложных вторичных скриптонимах переосмыслению может подвергаться либо только определяемое слово, либо только определяющее слово (смена фигуры и фона), либо весь комплексный знак. Переосмысление всего комплексного знака происходит в результате блендинга исходных концептуальных структур и образования на их основе новой структуры.

2.3.3. Концептуальные поля, актуализируемые скриптонимами в процессе словообразовательной и семантической деривации

Актуализируемые скриптонимами в результате словообразовательной деривации концептуальные макрополя коррелируют со слотами сценария:

«Наименование ритуализованного действия», «Участники ритуализованных действий» и «Атрибуты ритуализованных действий». Определить степень детализации репрезентации концептуальных макрополей возможно с помощью установления их номинативной плотности. Под номинативной плотностью, вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» (Карасик 2004: 112). Скриптотимы, рассматриваемые как результат словообразовательной деривации, по данным нашего исследования, актуализируют концептуальные макрополя, представленные в Таблице 1:

Таблица 1. Количественная характеристика номинативной плотности концептуальных полей, актуализируемых скриптотимами в результате словообразовательной деривации

Концептуальное макрополе	Примеры	Колич.хар-ка %
Праздничное действие	<i>Tonnenabschlagen</i> , разбивание бочки (народный праздник); <i>Sternsingen</i> , пение во время шествия со звездой (символом Вифлеемской звезды); <i>Fleischweihe</i> , освящение блюд (пасхальный обычай); <i>Schifferlsetzen</i> «расстановка корабликов» (обычай в Австрии в канун праздника Св. Николауса); <i>Klaubaufgehen</i> «набег клаубауфов» (ритуал в канун праздника Св. Николауса, символизирующий борьбу добра и зла); <i>Herbergsuchen</i> «поиски пристанища» (обычай предрождественского периода)	70,33%
Объект праздничного действия	<i>Osterlamm</i> , выпечка в виде пасхального барашка; <i>Zuckertüte</i> , сахарный кулёк (дарят ребенку в первый день похода в школу); <i>Glückspfennig</i> , пфенниг на счастье (свадебная традиция)	21,87%
Субъект праздничного действия	<i>Trommelweiber</i> , барабанщицы (персонажи карнавального шествия); <i>Erbsenbär</i> , гороховый медведь (персонаж карнавального шествия); <i>Prinzenpaar</i> , принц и принцесса (участники карнавала)	7,8%

Концептуальное макрополе «Праздничное действие» репрезентировано наибольшим количеством номинативных единиц, что является свидетельством

большей коммуникативной значимости этого концептуального поля для представителей немецкой лингвокультурной общности. Действия конституируют и направляют весь порядок проведения ритуализованного действия, на когнитивном уровне, сценария.

2.4. Когнитивные механизмы фразеологизации скриптонимов

Утверждение антропологической парадигмы в науке ознаменовалось в лингвистике развитием когнитивного направления, что способствовало новому витку исследований, в том числе в области фразеологии. Когнитивный подход позволяет анализировать процессы фразеологизации, выявить соотношение языковых и когнитивных механизмов, участвующих в порождении новых культураносных смыслов. Фразеологизмы рассматриваются многими исследователями как единицы, хранящие опыт и историческое миропонимание народа, поэтому фразеология постоянно находится в фокусе активного внимания лингвистов (Алефиренко 2000, Архангельский 1964, Бабкин 1970, Бабушкин 1996, Баранов 2008, Гак 1988, 1995, Добровольский 1996, 1997, 2008, Ковшова 2013, Копыленко 1978, Мальцева 2002, Попова 1978, Райхштейн 1980, 1981, 1982, Солодуб 1996, Телия 1996, 1999, Шанский 2002 и др.).

В.Н. Телия отмечает способность фразеологизмов выполнять функцию знаков «языка» культуры, изучение которых предоставляет богатый материал для выявления и описания языковых средств, которые воплощаются во фразеологические знаки (Телия 1999: 9).

Н.К. Рябцева также подчеркивает особую значимость исследования фразеологизмов для более глубокого и объемного понимания не только особенностей данного языка, но и его носителей, их национального характера и мироощущения. Н.К. Рябцева подчеркивает, что символическое значение во фразеологизмах конвенционально и культурно-специфично (Рябцева 2005: 508-513).

Об особой роли фразеологии говорит Н.Ф. Алефиренко, называя фраземы наиболее типичными знаками экспрессивно-образной номинации и продуктами вторичного семиозиса. По мнению Н.Ф. Алефиренко, знаки вторичной и косвенно-производной номинации обладают особым «высоким поэтическим напряжением», источниками которого служат их социально-историческая обусловленность и денотативная образность (Алефиренко 2008: 6, 28).

В рамках нашего исследования деривационных процессов вторичной номинации скриптонимов считаем необходимым определить степень продуктивности скриптонимов как базисных компонентов фразеологизмов, а также выявить когнитивные механизмы, задействованные в порождении культуруносных смыслов.

В ходе анализа было установлено, что из 461 номинативной единицы исследуемого материала 4,5% скриптонимов (21 номинативная единица) участвуют в процессе фразеологизации. Детальное изучение когнитивных оснований данного процесса дает нам возможность обосновать и описать факторы, влияющие на порождение этнокультурных коннотаций немецкоязычными скриптонимами.

Наиболее активно в процессе фразеологизации участвуют номинанты, репрезентирующие слот «Ритуализованные действия» (11 скриптонимов, или 52,3%). Номинанты слота «Атрибуты ритуализованных действий» являются базисными компонентами для меньшего числа фразеологических единиц и составляют 33,3% от общего числа скриптонимов, участвующих в процессах фразеологизации. Меньшая степень продуктивности фразеологизации скриптонимов установлена в слоте «Участники ритуализованных действий» – 14,4%. Полный список фразеологических единиц со скриптонимами как базисными компонентами представлен в Приложении 2.

Исследуемый фразеологический материал репрезентирует когнитивное макрополе времени, оценки ситуации; в когнитивном макрополе «человек» представлены микрополя «внешний вид человека», «внутренние качества человека (особенности характера)», «эмоциональное состояние человека»,

«особенности поведения человека», «физическое состояние человека», «интеллектуальные способности».

В когнитивном макрополе «человек» микрополе «внешний вид человека» актуализируется фразеологическими единицами с базисным компонентом-скриптотимом, репрезентирующим слоты «Ритуализованные действия» и «Участники ритуализованных действий»:

«*Jem. sieht aus als käm'er vom Aschermittwoch* so voller Staub ist er» (Röhrich 2006: 122-123).

Выражение применяют для описания внешнего вида человека, покрытого пылью. В Средневековье существовал обычай посыпать голову грешников пеплом (*Aschenbestreuung*), оставшимся от сожжения освященных за год до этого кустарников и пальм. Пеплом рисовали верующим крест на лбу в качестве напоминания о бренности человеческой жизни. В настоящее время обычай рисовать друг другу крест в Пепельную среду сохранился. Пеплу с древних времен приписывались чудодейственные свойства, он считался источником плодородия и очищения (Маркина 2006: 59).

«*aufgeputzt* (oder auch *geschmückt*) wie ein ***Prfingstochse***: übertrieben (und zugleich geschmacklos) gekleidet (Röhrich 2006: 1174), безвкусно одетый человек (перевод мой – М.Х.).

В праздник выгона скота на пастбище, который во многих землях Германии и Австрии приходится на Духов день, бык, возглавляющий стадо украшен лентами, зелеными венками, иногда с расписанными золотой краской рогами. Такое традиционное чрезмерное убранство животного стало основой при метафорическом переносе для обозначения безвкусно, вычурно одетого человека.

В микрополе «поведение человека» манеры поведения человека нашли отражение в следующих фразеологических единицах, в основе которых лежит переосмысление денотативной ситуации с помощью когнитивного механизма метафтонимии:

auf zwei Hochzeiten tanzen: zwei verschiedene, sich im Grunde ausschließende Dinge gleichzeitig tun wollen (Röhrich 2006: 726), пытаться совершить два взаимоисключающих действия одновременно. (Перевод мой. – М.Х.)

Имплицитное сравнение основано на сходстве по признаку «функция» двух денотативных ситуаций – невозможности танцевать на двух свадьбах одновременно и невозможности совершать два взаимоисключающих друг друга действия одновременно. Аналогичный механизм метафтонимического переосмысления лежит в основе следующих фразеологических единиц:

«*Auf allen Hochzeiten tanzen*: überall dabei sein wollen» (Röhrich 2006: 726), хотеть везде присутствовать, участвовать. (Перевод мой. – М.Х.);

«*Auf der falschen Hochzeit tanzen*: aufs falsche Pferd setzen» (там же), принять решение, которое, как правило, впоследствии оказывается неверным. (Перевод мой. – М.Х.);

«*Auf einer fremden Hochzeit tanzen*: sich in Dinge mischen, die einen nichts angehen» (там же), вмешиваться не в свое дело. (Перевод мой. – М.Х.)

«*den Kehraus machen*: gründlich ausfegen, in rdal.Übertragung: Schluss machen, bei den letzten sein, die gehen» (Röhrich 2006: 830).

Выражение восходит к значению глагола *auskehren* (a. durch Kehren aus etwas entfernen; b. (einen Raum o. Ä.) durch Kehren reinigen¹), мести, выметать, подметать. (Перевод мой – М.Х.) Позднее, императивная форма «Kehr aus!» обозначала последний танец на каком-либо празднике, так как дамы в длинных бальных платьях «подметают» пол (die Tänzerinnen des letzten Tanzes gewissermaßen mit ihren (langen) Kleidern den Tanzboden auskehren). Далее выражение стало применяться по отношению к тем гостям, которые уходят последними. Можно предположить, что в основе переосмысления лежит механизм метафтонимии, т.к. функция метлы, веника может быть сопоставлена с длинными подолами платьев дам, которые во время заключительного танца «подметают» пол. В швабском диалекте немецкого языка функционирует эвфемистичное выражение для обозначения «смерти»: «*den Kehraus tanzen*

¹ <http://www.duden.de/rechtschreibung/Kehraus>

euphemist., z.B. schwäb., für sterben» (Röhrich 2006: 831), что свидетельствует о проявлении диатопической вариативности употребления фразеологизма.

«*Sein (ihr) Mundwerk geht wie eine Karfreitagsratsche* sagt man von einem gern und viel redenden Menschen, insbes.von Frauen» (Röhrich 2006: 805), выражение характеризует человека (особенно женщину), который непрестанно болтает. (Перевод мой – М.Х.)

В процессе метафтонимизации на основании признака «издавать монотонные, непрестанные звуки», подобно трещоткам (нем. die Ratschen), с которыми в католических местностях в Страстную пятницу дети и подростки ходят по улицам, а шум этих трещоток заменяет звон молчащих в знак скорби колоколов, и манеры речи болтливового человека.

Метафтонимическое переосмысление основано в следующем примере на сопоставлении двух денотативных ситуаций – потрошение гуся и использование человека в своих корыстных целях:

«*jmdn. ausnehmen wie eine Weihnachtsgans* (ugs.): sich in schamloser Weise an jmdm. bereichern; jmdn. ausbeuten, schamlos ausnutzen» (Röhrich 2006: 81), использовать кого-либо в своих корыстных целях. (Перевод мой – М.Х.)

Гусь считается в немецкой культуре традиционным блюдом на Рождество. Его приготовление предполагает определенную обработку, включающую кроме всего прочего потрошение. В словаре Duden online находим: a. (ugs. abwertend) jemandem auf listige oder hinterhältige Weise Geld abnehmen; schröpfen; b. (ugs. abwertend) auf dreiste Art aushorchen, ausfragen¹.

«*Er wackelt wie a Hochzeitslader* bezieht sich auf eine betrunkene Person (Röhrich 2006: 726), данный фразеологизм применяется по отношению к человеку, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения. (Перевод мой – М.Х.)

Традиция «спаивания» распорядителя свадьбы (нем. Hochzeitslader) имеет давние корни и была распространена еще в Средние века: «Da es ein weitverbreiteter Brauch war, den Hochzeitslader mit Wein u. Schnaps zu traktieren,

¹ <http://www.duden.de/rechtschreibung/Weihnachtsgans>

manchmal sogar bewusst in der Absicht, ihn betrunken zu machen, ist es nicht verwunderlich, dass es zur Prägung dieser Rda. kam» (там же). Под воздействием большого количества алкоголя функции опорно-двигательного аппарата организма нарушаются, результатом чего становится шаткая походка. Микрополе «физическое состояние человека» является результатом метафтонимического переосмысления на основании сопоставления признака функционального характера.

Микрополе «интеллектуальные способности человека» репрезентировано фразеологическими единицами с базисными компонентами-скриптонимами, вербализующими все три слота сценария «Праздничное действие»: «Ритуализованное действие», «Участники ритуализованного действия», «Атрибуты ритуализованного действия». Например:

«*Nicht alle auf dem **Christbaum** haben: nicht ganz bei Verstand sein, schwachsinnig, verrückt, närrisch, nicht ganz richtig im Kopf sein*» (Röhrich 2006: 293), быть не в своём уме, не в себе. (Перевод мой – М.Х.)

Архетипическое противопоставление света и тьмы, сложившееся в сознании представителей немецкой лингвокультурной общности (рождественская ёлка украшена, как правило, множеством гирлянд, огней) метафорически переосмыляется как противопоставление здравого смысла и его отсутствия, причем в процессе вербализации учитывается и социальный фактор, а именно, табу относительно именованья человека с отклонениями в психическом состоянии: «Das Licht ist das Sinnbild des klugen Verstandes; so spricht man auch von einem „Licht der Gelehrtenwelt“ oder von einer „großen Leuchte der Wissenschaft“. Das Fehlen von Lichtern auf dem Weihnachtsbaum wird mit Geistesschwachheit gleichgesetzt» (Röhrich 2006: 293).

«*Ein rechter **Palmesel** sein: ein tölpischer Mensch sein, der sich wie der hölzerne Palmesel – bildlich gesprochen – überall herumziehen lässt und nicht bemerkt, was um ihn herum passiert*» (Röhrich 2006: 1130), так говорят о неуклюжем, нерасторопном, бестолковом человеке, который не замечает, что происходит вокруг. (Перевод мой – М.Х.)

Метафорическое переосмысление, имплицитно выраженное сравнение двух ментальных пространств: религиозного праздника и роли атрибута при его проведении основано на религиозном обычае, восходящем к легенде о въезде Христа в Иерусалим, где встречающий его народ устилал путь пальмовыми ветвями. Согласно культурному контексту, обнаруженному нами в лингвострановедческих источниках, Христос въезжал на осле, поэтому при проведении данного религиозного обычая осел был непременным участником действия. Вскоре живого осла поменяли на деревянную фигуру, за украшение которой брались самые искусные мастера тех лет. С течением времени религиозный смысл обряда утратил силу, уступив место надуманной торжественности и бессмысленной роскоши, что стало объектом насмешки и осуждения.

Механизм сравнения денотативных ситуаций лежит в основе переосмысления и возникновения следующего фразеологизма:

*Er schreit vor der **Hochzeit** Juch!:* er nimmt die Hoffnung für die Wirklichkeit, ist voreilig» (Röhrich 2006: 726), делать скоропалительные, поспешные выводы. (Перевод мой. – М.Х.).

Определённая, установленная в немецкой культуре последовательность действий свадебного ритуала включает неотъемлемый эпизод сценария «свадьба» – возглас радости после бракосочетания молодых «Juch!». Нарушение последовательности проведения ритуализованного действия порождает этнокультурный контекст и негативную оценку, коннотативный смысл: не принято кричать «Juch!» перед официальным заключением брака (ср. русск. *не говори гоп, пока не перепрыгнешь*). Можно говорить о транспозиции эмотивного признака (возгласа «Juch!») на ситуации, обладающие теми же чертами, что и взятая за основу исходная ситуация: наличие определенной, установленной в немецкой лингвокультуре последовательности действий свадебного церемониала предполагает негативную оценку в случае нарушения данной последовательности. Этноконнотат маркирован признаком-спецификатором /этноэмотив: негативная оценка/.

«*Ein Gefühl wie **Weihnachten** haben*: ein Gefühl von Behaglichkeit, Herzlichkeit, Feierlichkeit, Friedlichkeit» (Röhrich 2006: 1708) говорят, когда охватывает чувство внутреннего уюта, комфорта, теплоты, ожидания праздника (ср. в русском *предновогоднее настроение*).

С одной стороны, ментальное пространство эмоций актуализировано лексической единицей «Gefühl», с другой стороны, происходит фокусировка посредством включения одного из признаков нового ментального пространства «Рождество», находящее выражение на вербальном уровне сравнительной конструкцией и актуализацией посредством лексемы «Weihnachten». Можно также говорить о действии когнитивного механизма метонимии, так как «Weihnachten» имплицитно содержит признак эмотивности (чувство торжественности и умиротворённости).

*Etw. ist so, als ob **Weihnachten** und **Ostern** auf einen Tag fallen*: etw. ist höchst überraschend. Die Rda. dient der Verstärkung, sie ist keine Niemalsformel (там же).

Данное выражение употребляется для характеристики положительного события, которое происходит внезапно, неожиданно. Как известно, Рождество и Пасха не могут приходиться на один и тот же день. Можно предположить, что в основе переосмысления лежит когнитивный механизм сравнения актуализированного компонента «временная соотнесенность» в обоих сценариях (*Weihnachten* и *Ostern*). Важным на данном этапе является также привлечение фоновых знаний, а именно способ исчисления дня Пасхи по лунно-солнечному календарю, тогда как Рождество приходится на 25 декабря. В данном случае актуализируется не столько фактическая информация, являющаяся неотъемлемым конститутивным компонентом, участвующим в процессе идентификации праздника, сколько связанные с ним культурно-значимые коннотации: праздник Пасхи и Рождества – это, прежде всего, праздник светлой радости и надежды (ср. в русском *светлый праздник Рождества, Светлое Христово Воскресение*), в процессе фразеологизация осуществляется интенсификация эмотивного компонента «*höchst überraschend*» (рус. сильно удивлен).

Вербализация ментального пространства «время» находит отражение в следующих фразеологических единицах:

Wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen: nie, nimmermehr (Röhrich 2006: 1171), никогда. (Перевод мой. – М.Х.)

В настоящем примере актуализируется временной сегмент фоновых знаний о праздниках Пасха и День Святой Троицы (Пятидесятница). Как известно, День Святой Троицы, или Пятидесятница, отмечается на пятидесятый день после Пасхи, так как сошествие Святого Духа на апостолов по преданию произошло на пятидесятый день после Воскресения Христова; поэтому отсчет праздника Пятидесятница ведется от Пасхального воскресенья. Совпадение обоих праздников в один день, таким образом, невозможно: «Anlaß zu dieser Rda. hat vielleicht die Beweglichkeit der Termine der beiden Feiertage gegeben» (Röhrich 2006: 1171).

zu Pflaumenpfingsten: wenn es zu Pfingsten reife Pflaumen gibt, d.h. niemals (там же), никогда. (Перевод мой – М.Х.)

Для интерпретации данного фразеологического оборота требуется привлечение особого типа знаний, сложившихся в сознании лингвокультурного сообщества, «феноменологических когнитивных структур» (Красных 2000: 42), энциклопедических знаний: праздник Святой Троицы (или Пятидесятница) приходится на месяцы май-июнь, а период цветения сливы приходится на апрель-май, поэтому вероятность получения спелых плодов к празднику Святой Троицы очень мала (Röhrich 2006: 1171).

Особую группу представляют фразеологические единицы, репрезентирующие микрополе «оценка ситуации». К таким относятся:

«*Vorankommen wie die Echternacher Springprozession, d.h. nur mühsam und mit beständigen Rückschlägen: immer drei Schritte vor und zwei zurück*» (Röhrich 2006: 349), что означает продвигаться с большим трудом, делая три шага вперед и два назад. (Перевод мой – М.Х.)

Религиозная процессия проходит в коммуне Эхтернах в Люксембурге каждый год во вторник после праздника Святой Троицы (Пятидесятницы).

Участники шествия прыгают в такт польке рядами через улицы до усыпальницы святого Виллиброрда¹. Существует множество версий возникновения данной традиции. Старейший источник, в котором упоминается о процессии, датирован 1000 г. н.э. По легенде после смерти святого Виллиброрда разразилась эпидемия, поразившая скот. Владельцы скота решили совершить паломничество к усыпальнице святого и попросить о помощи. Во время процессии паломники прыгали и прихрамывали, уподобляясь больным животным, так как в народной медицине был широко распространен принцип «*similia similibus curantur*» – «лечение подобного подобным». Актуализация признака «медленно, с большим усилием», характеризующего данное ритуализованное действие, оказывается в фокусе внимания при переносе на любое действие в целом, обладающее такой же характеристикой, т.е. происходящее очень медленно.

«*Ausgehen wie's Hornberger Schießen sagt man von einer Sache, aus der nach vielem Lärm nichts wird*» (Röhrich 2006: 744), говорится о каком либо происшествии, ситуации или проблеме, которая оказывается не стоящей потраченных усилий (ср. в русском *много шума из ничего*).

С данным скриптотимом и фразеологизмом в немецкой лингвокультуре связано множество легенд. Одна из них гласит, что однажды герцог задумал посетить шварцвальдский городок Хорнберг. Жители тщательно готовились к встрече и хотели в честь приезда герцога устроить пальбу из пушек. В назначенный день с раннего утра все было готово, однако на горизонте никто не появлялся. Вдруг показалась карета, въехавшая в ворота города под торжественные пушечные залпы. Народ ликовал. Но, оказалось, это был не герцог, а всего лишь его посланник (там же). Переосмысление основано на механизме концептуальной интеграции: сравнение денотативных ситуаций и последующая транспозиция признака «неоправданные ожидания» на другие схожие денотативные ситуации.

¹ В 2010 году данная традиция была включена ЮНЕСКО в Список нематериального культурного наследия.

«*Das hilft wie Chrisam zum Schuhputzen das hilft gar nicht* (Röhrich 2006: 292), т.е. совсем не поможет (о каком-либо средстве, действии).

Миро (нем. *Chrisam*) – специально приготовленное и освящённое ароматическое масло, используемое в частности в таинстве крещения. Для приготовления мира используется высококачественное оливковое масло, к которому примешивают благовонные вещества. Оливковое масло символизирует здоровье, радость, силу, счастье; примешивание различных бальзамов символизирует, что освященный миром приобщен к Христу.

Согласно нашим наблюдениям, в актах вторичного семиозиса скриптонимов как базисных компонентов фразеологизмов, репрезентирующих концепты культуры, осуществляется действие когнитивных механизмов, а именно концептуальной интеграции и её частных проявлений: метафорического переосмысления (при сопоставлении признаков двух ментальных пространств), метонимического и метафтонимического переосмысления (при транспозиции признака слота одного фрейма).

Скриптонимы как базисные компоненты фразеологизмов, репрезентирующие слот «Ритуализованные действия», обладают наибольшей степенью продуктивности в сфере косвенно-производной номинации (11 скриптонимов, или 52,3%), что может свидетельствовать о роли ритуализованной коммуникации в социализации личности, формировании этнокультурной специфики самосознания говорящих.

Для экспликации признаков, лежащих в основе вторичной номинации скриптонимов при фразеологизации как когнитивном процессе, релевантны когнитивные структуры представления знаний феноменологического типа, складывающиеся в национальном сознании предшественников языкового коллектива, знание культурного контекста. «Язык опирается на сопровождающие на протяжении всей жизни носителя языка условия жизни, на обыденные и исторические ценности и фоновые знания, практические навыки, опыт и ассоциативность» (Рябцева 2005: 514).

Концептуальные макрополя и микрополя, репрезентированные фразеологизмами с участием скриптонимов как базисных компонентов, относятся к значимым и востребованным в сфере обыденной коммуникации немецкой лингвокультурной общности. Они отражают образное восприятие действительности на уровне глубинных структур национального языкового сознания, тесно связанных со сферой ритуализованной коммуникации.

2.4.1. Концептуальные поля, актуализируемые фразеологическими единицами со скриптонимами как базисными компонентами

Фразеологические единицы с базисными компонентами скриптонимами способны, в силу ассоциативного характера человеческого мышления и на основе действия механизма концептуальной интеграции, репрезентировать определенные концептуальные макрополя / микрополя.

Концептуальные макрополя / микрополя немецкоязычного культурного пространства, репрезентированные фразеологическими единицами со скриптонимами как базисными компонентами, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Количественная характеристика номинативной плотности концептуальных полей, актуализируемых ФЕ с базисным компонентом-скриптонимом

Концептуальное макрополе	Концептуальное микрополе	Примеры	Колич. хар-ка (%)
1. Человек	Черты характера	<i>sein Mundwerk geht wie eine Kartfreitagsratsche</i> так говорят об очень болтливом человеке, сравнивая его рот с трещоткой	25%
	Манера поведения	<i>man kann bei ihm noch das Taufessen sehen</i> досл. «у него можно видеть еду, которую он на крещении ел» так говорят о человеке, который широко зеваает и не прикрывает при этом рот рукой	25%
	Внешность	<i>aufgeputzt wie ein Pfingstochse</i> досл. «начищенный как бык в День Святой Троицы», напыщенно и вычурно разодетый человек <i>lang wie ein Johannistag</i> досл. «длинный как День св. Йоханнеса»	10%

		так говорят, к примеру, о лице, которое вытянуто при удивлении	
	Интеллект	<i>nicht alle auf dem Christbaum haben</i> досл. «иметь не все шары на новогодней ёлке» быть не в своем уме	2%
	Эмоциональное состояние	<i>ein Gefühl wie Weihnachten haben</i> иметь приятное ощущение ожидание чего-то хорошего, быть в предвкушении чего-то приятного	4%
2. Ситуация, обстоятельства какого-л. события		<i>ausgehen w's Hornberger Schießen</i> досл. «закончиться как Хорнбергская стрельба» говорят о безрезультатных подготовках к чему-л.	16%
3. Время		<i>wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen</i> досл. «когда Пасха и День Святой Троицы на один день выпадут», т.е. никогда	6%
4. Смерть		<i>den Kehraus tanzen</i> досл. «танцевать последний танец» эвфемистичное обозначение для смерти человека	3%
5. Пища		<i>Sanct Martin feiern</i> говорят о богато накрытом столе, о больших приготовлениях на кухне	3%
6. Политика	Выборы	<i>den Christbaum schmücken</i> говорят о предвыборных кампаниях, когда представители партий раздают электорату подарки, чтобы заполнить голоса	3%
7. Метеоусловия		<i>Martin wirft mit Nüssen</i> так говорят об очень сильной непогоде	3%

В результате исследования было выявлено, что фразеологические единицы с базисными компонентами-скриптонимами объективируют 7 концептуальных макрополей. Наибольшую детализацию получает концептуальное макрополе «Человек» - 66% (30 ФЕ) от общего числа выявленных фразеологических единиц (49 ФЕ). Микрополя «Черты характера» и «Манера поведения человека» представлены наибольшим количеством фразеологизмов (25% каждое). Концептуальное поле «Ситуация, обстоятельства какого-л. события» является третьим по степени репрезентации фразеологическими единицами и составляет 16%, или 8 ФЕ. Концептуальные макрополя «Время», «Смерть», «Пища», «Политика», «Метеоусловия» представлены наименьшим числом ФЕ с базисными компонентами-скриптонимами (Фразеологические единицы со скриптонимом как

базисным компонентом представлены по актуализируемым им макро- и микрополям в Приложении 2).

2.5. Невербальные средства репрезентации ритуализованной деятельности

Невербальные средства ритуализованной деятельности, как мы указали выше (Глава 1, п. 1.1.2.1), выступают в качестве комплементарных компонентов экспликации культурного смысла. Ритуализованная деятельность, представляя собой комплексный знак культуры, объединяет в себе три уровня артефактов. Каждый обычай, обряд, ритуал осуществляется с надлежащими атрибутами (костюмы, маски, предметы – первый уровень артефактов). С помощью атрибутов осуществляется какое-либо действие, как правило, строго предписанное, или же внешний облик, костюмы являются неотъемлемым элементом интерпретации совершаемого действия (второй уровень артефактов). Далее сами процессы перцепции и последующего осмысления совершаемых действий, интерпретация их символического значения относятся к третьему уровню артефактов. В ряде работ, посвященных исследованию прецедентности, ритуалы, обычаи, традиции, танцы, цветовая гамма являются проявлением невербального способа существования прецедентных феноменов (Голубева 2009, Гудков 2008, Красных 2003).

Следует отметить, что не каждый атрибут имеет обозначение на языковом уровне. Возможно также, что соответствующая номинанта не получила широкого распространения, не отражена в лингвострановедческой литературе и может быть зафиксирована лишь при специальном исследовании, например, с помощью метода включенного наблюдения. Особенно это касается мелких деталей костюмов, масок, которые являются обязательными элементами для идентификации принадлежности или функции того, кто их носит, т.е. несут информацию, которая необходима для корректной интерпретации распределения ролей в ритуализованном действии.

Так, например, персонажи карнавала в Тироле, **Roller** и **Scheller**, всегда узнаваемы за счет определенного вида масок. Маска **Roller**'а представляет собой

молодое женское лицо с высоким богато украшенным головным убором, в центре которого находится зеркало. По поверью, это зеркало защищает от демонических сил. **Scheller** узнаваем по маске мужчины, как правило, пожилого, со строго сдвинутыми бровями, очень пышными усами и более темным оттенком «кожи». Головной убор его многим больше, чем у **Roller**'а, украшен не только цветами, но и венком из тиса по контуру. В центре головного убора также располагается зеркало, имеющее символическую функцию отпугивания злых духов. Оба персонажа должны носить одежду одного цвета: разрешаются красный, голубой или зеленый. Их шествие представляет собой отточенный танец, состоящий из прыжков, покачиваний живота и плечей. Согласно некоторым энциклопедическим источникам, данные персонажи символизируют весну (**Roller**, маска молодой женщины) и зиму (**Scheller**, маска строгого старика), а их танец борьбу весны и зимы (<http://www.egetmann.com/de/schemenlaufen-imst.php>).

Trommelweiber (барабанщицы), персонажи карнавала в области Зальцкаммергут, шествие которых отсылает к историческому событию, когда жительницам деревушки пришлось ночью забирать своих мужей из пивной. Барабанщицами являются преимущественно мужчины, переодетые в женское одеяние, которое схоже с ночной рубашкой, и женской маской на лице. Барабанщицы разделены, как правило, на две группы – представительницы буржуазии и представительницы рабочего класса. Шествие первых происходит в понедельник, шествие вторых – традиционно во вторник. Различаются и костюмы: представительницам буржуазии полагается быть более нарядно и красочно одетыми, чем представительницам рабочего класса. Если кто-либо смеет прийти в несоответствующей одежде, то его со свистом прогоняют и запрещают участвовать в шествии.

Krampus – злой спутник св. Николауса в облики чёрта, который наказывает непослушных детей, угрожая им розгами. Появление св. Николауса и Крампуса вместе символизирует единство добра и зла.

В некоторых случаях для интерпретации символического значения требуется знание того, в каких обстоятельствах встречается тот или иной атрибут

или персонаж ритуализованного действия. Например, **Habergeiß** может представлять собой демоническое существо, трёхное чудовище с деревянной головой и зубастой пастью – в контексте народных карнавалов гуляний (фашинга). Данный скриптоним обозначает также чучело из соломы, которое устанавливают на поле после уборки урожая как символ плодородия (Муравлева 2003: 212, <https://de.wikipedia.org/wiki/Habergeiß>). На территории распространения швабского диалекта (распространённый в юго-восточной части Баден-Вюртемберга и на юго-западе Баварии) в повседневной коммуникации данной номинантой обозначают очень худых и некрасивых женщин (<https://de.wikipedia.org/wiki/Habergeiß>, <https://allgaeu-erleben.com/woerterbuch.php>).

Символическим значением обладают также звуки, издаваемые снаряжением персонажей карнавала. В местечке Зальцкаммергут в Австрии (нем. *Salzkammergut*) в канун праздника Трёх Королей (6 января) по улицам ходят **Glöckler** – персонажи, олицетворяющие добрые силы, одетые в белое, с колокольчиками на поясе и причудливыми колпаками на голове. Колпаки представляют собой довольно сложную конструкцию в виде лампочки. Звон колокольчиков призван окончательно прогнать всех злых духов, а также пробудить спящие под снегом посевы. Свет их колпаков предназначен прогнать тьму и холод (<http://www.salzkammergut.at/detail/article/gloecklerlaeufe-im-salzkammergut.html>).

Звуком также принято оповещать деревню или город о времени молитвы в период Страстной недели. Так как колокольный звон ассоциируется, скорее, с радостным событием, то в период скорби о распятом Христе звон колоколов замещает треск трещёток, производимых детьми в назначенное время, т.н. **Ratschenbuben** досл. «трещёточными мальчишками».

Иллюстративный материал представлен для ознакомления в Приложении 3.

2.6. Дискурсивные особенности функционирования вторичных скриптонимов как проявление диамедиальной вариативности

Исследование специфики вторичных немецкоязычных скриптонимов было бы неполным без учета особенностей их функционирования в дискурсивном пространстве современного немецкого языка.

Теоретической базой исследования послужили работы: Арутюнова 1990, Голубева 2009а, 2009б, Гришаева 2008, ван Дейк 2000, Демьянков 1982, Карасик 2004, 2007, Красных 2001, Кубрякова 2000, Макаров 2003, Цурикова 2008, 2010, Чернявская 2001, Шейгал 2000, Löffler 2010.

Под термином «дискурс» мы, вслед за Н.Д. Арутюновой, понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова 1990: 136—137).

В современной лингвистике существует множество работ, посвященных типологии дискурса (обзоры подходов к изучению дискурса приводятся, например, в работах: Демьянков 2005, Степанов 1998, Карасик 2004, 2007). В нашем исследовании мы опираемся на социолингвистический подход к определению типов дискурса, в котором выделяют личностно-ориентированный и статусно-ориентированный типы общения. Согласно концепции В. И. Карасика, дискурс представляет собой многомерное образование и включает такие конститутивные признаки, как участников, условия, способы и материал общения, сферу, стиль и жанр общения, а также знаковую сторону общения, т.е. тексты и/или невербальные знаки (Карасик 2000: 6). На основании данного подхода можно выделить политический, деловой, массово-информационный, рекламный, религиозный, судебный, медицинский, компьютерный, дипломатический дискурс (Карасик 2009б: 350-351).

Вторичные скриптони́мы немецкоязычного культурного пространства функционируют как в устной речи (как вербальный способ передачи культурной информации), так и в письменных источниках в различных типах дискурса. Мы считаем конструктивной предложенную Х. Лёффлером социолингвистическую модель вариативности, которая представляет собой комплексное переплетение отдельных «-лектов» (например, социолектов, функциолектов, медиалектов и т.д.) в зависимости от внеязыковых факторов вариативности. Медиолекты представлены двумя видами вариативности: письменного и устного языка, куда также относятся различные смешанные типы (Löffler 2010: 79). Опираясь на данную модель, мы можем говорить о диамедиальной вариативности скриптони́мов как их встречаемости в различных вариантах речи и дискурса.

Источниками эмпирического материала послужили две электронные базы данных:

– DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts), который располагает следующими базами данных:

- словарь современного немецкого языка; этимологический словарь; словарь синонимов;
- Немецкий словарь Вильгельма и Якоба Гриммов;
- корпус текстов из немецкого текстового архива, куда вошли тексты, датированные 1600-1900 гг.;
- Kernkorpus 20, куда вошли тексты, относящиеся к 20 веку и распределенные по типам (художественные, публицистические, научные тексты; узкоспециальная литература, тексты-инструкции, транскрипции);
- архив текстов издания «Die Zeit», «Tagesspiegel», «Berliner Zeitung» с 2000 года по настоящее время;

– Leipzig Corpora Collection, который состоит из:

- электронного словаря современного немецкого языка;
- словаря синонимов,

- архива текстов современных печатных и электронных СМИ, издаваемых и распространенных на территории определенной Федеральной земли.

В фокусе нашего внимания находились контекстопотребления вторичных скриптонимов из вышеперечисленных баз данных, датированные периодом с 2000 года по 2016 год включительно, т.к. нашей целью на данном этапе являлось определить степень продуктивности употребления вторичных скриптонимов в современных печатных и электронных СМИ.

В процессе сплошной выборки установлено, что для 65% выделенных нами вторичных скриптонимов (112 номинативных единиц) были найдены контекстопотребления в перечисленных выше базах данных за указанный период. Вторичные скриптонимы функционируют в разных типах дискурса.

Массово-информационный дискурс представлен контекстопотреблениями вторичных скриптонимов, где темой текста является обзор политического события, новостные заметки светского характера, например:

- „Zurück zum 2. November 1973 , dem Tag der Grundsteinlegung . Erich Honecker platziert **drei Hammerschläge** aufs sozialistische Vaterland , auf dessen Volk " samt seinen gewählten Organen " und auf die Palast-Erbauer: Monteure, Ingenieure, Architekten, Künstler, Volksarmisten, Soldaten der Roten Armee - sie alle versammelt“ (Die Zeit, 07.09.2013) – 2 ноября 1973 года Эрих Хонекер ознаменовал **тремя ударами молота** по обычаю строителей закладку первого камня в строительство социалистического отечества, его народа и избранных органов управления, а также в честь участников строительства самого Дворца Республики: монтеры, инженеры, архитекторы, художники, дружинники, солдаты Красной Армии – присутствовали все (*перевод мой, М.Х.*)
- „Hamburg rüstet für das boomende Geschäft mit Kreuzfahrten weiter auf. Am Freitag gab es **den ersten Spatenstich** für ein drittes Abfertigungsterminal südlich der Elbe am Kronprinzkaï“ (Die Zeit, 04.07.2014) – Гамбург продолжает наращивать оснащение для процветающего бизнеса – круизных

прогулок. В пятницу был совершен, по старинному обычаю строителей, **первый удар лопатой**, ознаменовавший начало строительства третьего терминала к югу от Эльбы на набережной Кронпринца (*перевод мой, М.Х.*)

- „Los Angeles-US-Regisseur Kevin Smith will eine alte europäische Nikolaustradition in Hollywood verfilmen. In dem geplanten Gruselstreifen "Anti-Claus" geht es um **Knecht Ruprecht** oder **Krampus**, den grimmigen Nikolausbegleiter, der freche Kinder mitunter grausam bestraft“ (Die Zeit, 30.04.2014) – Американский режиссёр Кевин Смит планирует снять в Голливуде фильм по мотивам европейской традиции празднования Дня св. Николауса. Проект предполагается снять в жанре «ужасы», где центральную роль будет играть спутник св. Николауса – **Крампус**, наказывающий непослушных детей (*перевод мой, М.Х.*)
- „spätestens nach dem **Kehraus** am 23. Mai will Sportvorstand Horst Heldt dann besprechen, "welche Konsequenzen es geben könnte" (Die Zeit, 12.05.2015) – Речь идет о намерении председателя спортивного совета Хорста Хэльда обсудить возможные последствия перестановки кадров самое позднее 23 мая (*комментарий мой, М.Х.*)

Научно-популярный дискурс представлен лингвострановедческими короткими статьями:

- „In Unken, Stuhlfelden und Zell am See ziehen am Dreikönigstag die farbenprächtigen **Tresterer**¹ von Haus zu Haus, um den Bewohnern Glück und Segen für das neue Jahr zu wünschen“ (www.salzburg.com/online/prtexte/pr+winterguide/Alp) – В коммунах Ункен, Штульфельден и Целль-ам-Зе в праздник Трёх Королей проходит шествие ярких **трестеров**, которые желают обитателям каждого дома счастья и удачи в Новом году (*перевод мой, М.Х.*)
- „Am 26. Januar 2014 spielt der " **Miasmann** " die führende Rolle . Der Begriff bedeutet so viel wie " **Moosmann** " oder " **Wilder Mann** " . Das " **Blochziehen**“,

¹ Один из видов карнавальных персонажей

das seit 2011 in das Nationale Verzeichnis des immateriellen Kulturerbes der UNESCO in Österreich aufgenommen ist, geht auf einen Fisser Brauch zurück, bei dem ein 35 Meter langer Zirbenstamm durch das Dorf gezogen wird“ (Die Zeit, 04.11.2013) – 26 января 2014 года главную роль будет играть так называемый „Miasmann“. Под данным обозначением имеется ввиду дикий человек, **дикарь. Обряд волочения бревна** в Австрии, который в 2011 году был включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, восходит к обычаю коммуны Фис, когда через всю деревню нужно протащить тридцатипятиметровый ствол кедра (*перевод мой, М. Х.*)

- „Glück und Segen sollen die Schläge der **Perchten**¹ theoretisch bringen, praktisch aber sind sie nur schmerzhaft“ (www.come-on.de/reise/reise-ratgeber/reise-trends/w) – Удары **перхтов** должны бы приносить счастье и удачу, на деле – они лишь болезненны (*перевод мой, М.Х.*)
- „Die Nubbelverbrennung ist das Großartigste am ganzen Karneval - auch wenn kaum jemand außerhalb des Rheinlandes wisse, was es damit auf sich habe“ (Die Zeit, 07.03.2011) – Сожжение соломенного чучела, олицетворяющего зиму, является кульминацией карнавала, даже если никто за пределами Рейнской области не имеет об этом никакого представления (*комментарий мой, М.Х.*)

Вторичные скриптотимы немецкоязычного культурного пространства функционируют также в художественном дискурсе. Опираясь на зафиксированные нами контекстоупотребления вторичных скриптотимов в художественных произведениях, представленных в вышеуказанных базах данных, было установлено, что 22,5% вторичных скриптотимов функционируют в художественном дискурсе.

- „Die Aufschrift der fingernagelgroßen **Zuckertüten**, die ich aus dem Flugzeug entwendet hatte, vermittelte mir ein heimeliges Gefühl, als ich die Beute unbeschädigt aus der Serviette wickelte“ (Riedel, Susanne: Eine Frau aus Amerika, Berlin: Berlin Verlag 2003, S. 60;

¹ Один из видов карнавальных персонажей

<http://www.dwds.de/r?corpus=korpus21;q=Zuckert%C3%BCte>) – Речь идет о герое повествования, который забрал из самолета «сахарный кулек» – подарочный пакет со сладостями для школьников (*комментарий мой, М. Х.*);

- „Herr General Malborough kommt heraus, herrlich bunt anzusehen und aufgetakelt wie ein **Pfingstochse**: weinrotes Seidentuch, dito Höflingshöschen, weiße Strümpfe, schwarze Escarpins und güldene Ringellocken“ (Tucholsky, Kurt: Malborough s'en va-t-en guerre. In: Kurt Tucholsky, Werke - Briefe - Materialien, Berlin: Directmedia Publ. 2000; <http://www.dwds.de/r?corpus=kern;q=Pfingstochse>) – В данном отрывке дается описание внешнего облика генерала Мальбрука, разодетого в пух и прах (*комментарий мой, М. Х.*);
- „Und wäre nicht der Glücksfall gekommen, daß Burschenschafter nach einem lustigen **Frühschoppen**, um seine Demut auf die Probe zu stellen, ihn verprügelten, er wäre trotz allem unten klebengeblieben“ (Feuchtwanger, Lion: Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl. 1993 [1930], S. 13) – И все же, если бы не тот случай, когда возвращавшиеся после утренней кружки пива студенты-корпоранты, решив испытать степень его униженной покорности, высекли его, – если бы не этот счастливый случай, он так и остался бы внизу (*пер. с нем. М.Вершининой и Э.Линецкой*);
- „Bevor du nach Griechenland gingst, packtest du die Devotionalien sorgfältig in deinen Rucksack, den schmuddeligen, grauen Plüschrucksack, der die Form eines **Osterlamms** hat“ (Venske, Regula: Marthes Vision, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2006, S. 131) – Отрывок из книги Регулы Венске, немецкой писательницы, где старый плюшевый рюкзак сравнивается с традиционным печеньем – пасхальным барашком (*комментарий мой, М.Х.*);
- „Der Baron versprach seinerseits, mich nicht zu enttäuschen, und entnahm seiner Collegemappe vier Päckchen, die er mit den Worten verteilte, wir hätten ja alle Kinder, die sich über einen verfrühten **Osterhasen** freuen würden“ (Schulze,

Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 213) – Отрывок из книги Инго Шульце, немецкого писателя, в котором дается описание того, как барон раздает подарки, предназначавшиеся на Пасху, отмечая при этом, что дети бы обрадовались такому преждевременному появлению одного из главных персонажей пасхального периода – Пасхального зайца (*комментарий мой, М.Х.*)

Подавляющее большинство вторичных скриптонимов, функционирующих в современных печатных и электронных СМИ, а именно 71%, может быть разделено на две подгруппы по степени частотности: первую группу образуют вторичные скриптонимы, частотность употребления которых как в СМИ местного, так и в СМИ федерального значения превышает 100 контекстоупотреблений (68%):

- „Die jüngsten ABC-Schützen, die am kommenden Sonnabend mit ihren **Schultüten** antreten werden, sind gerade mal fünfeinhalb Jahre alt“ (Berliner Zeitung, 06.08.2005) – Самым младшим первоклассникам, которые придут со своими школьными кулками в эту субботу, всего лишь 5,5 лет (*перевод мой, М.Х.*)
- „Mit den 13 Millionen Hühnern, Enten und Gänsen in Mecklenburg-Vorpommern muss auch die **Weihnachtsgans** von Bundeskanzlerin Angela Merkel in den Stall“ (Die Zeit, 25.11.2014) – В хлев в земле Мекленбург-Передняя Померания наряду с 13 миллионами кур, уток и гусей загоняют и будущего рождественского гуся Федерального канцлера Ангелы Меркель (*перевод мой, М.Х.*)
- „In Teilen Bayerns und in Österreich ist es Brauch, dass am 6. Dezember der Nikolaus in Gestalt eines Bischofs zusammen mit **Knecht Ruprecht** über die Felder oder durch die Straßen läuft“ (Der Tagesspiegel, 08.12.2004) – В некоторых областях Баварии и Австрии существует обычай, когда 6 декабря Св. Николаус в образе епископа вместе со своим спутником Кнехта Рупрехта/Рыцаря Рупрехта обходит улицы (*перевод мой, М.Х.*)

Ко второй группе могут быть отнесены вторичные скриптонимы, частотность употребления которых как в СМИ местного, так и в СМИ федерального значения ниже 100 контекстоупотреблений (32%):

- „Die vielleicht höchste Konzentration von Geschichte in Material erreicht Slominski mit seinem 1996 in Buchenwald gefundenen **Glückspfennig** aus dem Jahre 1943“ (Die Zeit, 28.09.2006, Nr. 40) – Пожалуй, наивысшей концентрацией исторического духа и памяти, воплощенной в предмете материального мира, можно назвать монетку 1943 года – пфенниг на счастье, найденную Зломински в 1996 году в Бухенвальде (*перевод мой, М.Х.*)
- „Heinz Klein glaubt eher, dass Wanderarbeiter aus dem belgischen Dinant die Vorläufer nach Aachen brachten: stark gewürzte **Gebildbrote**, deren Rezeptur in Aachen immer weiter verfeinert wurde“ (Die Zeit, 12.12.2007, Nr. 51) – Гайнц Кляйн полагает, что предшественников в Ахен привезли рабочие мигранты из бельгийского городка Динан: формовой хлеб с большим количеством специй, рецептура которого впоследствии постоянно усовершенствовалась в Ахене (*перевод мой, М.Х.*)
- „Die in Los Angeles lebende Schriftstellerin, deren Mann Rolf 2006 starb, feiert Heiligabend mit ihren Kindern und Hündin Luna, die immer einen **"Nikolausstiefel voller Quietschespielzeuge"** bekommt“ (Die Zeit, 23.12.2013) – Проживающая в Лос-Анджелесе писательница, чей муж Рольф Манн скончался в 2006 году, празднует сочельник вместе со своими детьми и собакой Луной, которая всегда получает традиционный «сапожок Николауса», наполненный игрушками-пицалоками (*перевод мой, М.Х.*)

16,1% вторичных скриптонимов, напротив, были обнаружены только в контекстоупотреблениях печатных и электронных СМИ федерального значения. Например:

- „Dann schlüpfen die Anwohner in die Masken und Kostüme, die den Rest der Zeit im örtlichen Fastnachtmuseum ausgestellt werden: **Scheller und Roller**, Kehrer und Spritzer sind die Helden des alpinen Mummenschanzes, der sich auf

barocke Vorbilder beruft“ (Die Zeit, 04.01.2007, Nr. 02) – Данный пассаж описывает переоблачение жителей в костюмы и маски, до недавнего времени являвшиеся экспонатами музеев карнавала, благодаря которым горожане превращаются в персонажей этого карнавала (*комментарий мой, М.Х.*)

- „Unzählige Geschichten ranken sich um den **Weihnachtskarpfen** in der Badewanne: Wie an den letzten Tagen vor dem Fest niemand mehr duschen kann, weil die Wanne besetzt ist“ (Berliner Zeitung, 22.12.2004) – Неисчислимое множество историй вьется вокруг Рождественского карпа в ванной: как за несколько дней перед праздником никто не может принять душ, так как ванна занята (*перевод мой, М.Х.*)
- „Zu anderen Anlässen werden die **Prangstangen** - mehrere Meter hohe, mit bunten Blumen umwickelte Holzstangen - bei feierlichen Prozessionen getragen“ (Berliner Zeitung, 10.06.2000) – Украшенные пестрыми цветами деревянные палки высотой в несколько метров участвуют также в других праздничных процессиях (*перевод мой, М.Х.*)

В ходе исследования было установлено, что 12,9% вторичных скриптонимов функционируют в современных печатных и электронных СМИ, издаваемых и распространенных на территории определенной Федеральной земли, т.е. СМИ местного значения (за период с 2000 года по 2016 год). Например:

- „Ein Reigen mit dem **Erbsenbär** versprach Glück im kommenden Jahr“ (www.traunsteiner-tagblatt.de, crawled on 30/01/2011) – Традиционный танец с гороховым медведем – персонажем карнавального шествия – обещает счастье в грядущем году (*перевод мой, М.Х.*)
- „Die **Trommelweiber**, ausschließlich Männer in weiten, gestärkten Nachtgewändern früherer Jahrhunderte, verspotten der Überlieferung nach die Bürgerfrauen, die nächtlicherweile ihre Männer im Wirtshaus suchen“ (www.nachrichten.at, crawled on 15/01/2011) – Речь идет о карнавальной традиции, отсылающей к историческому событию, когда женщины деревни

в ночных рубашках пошли в пивную разыскивать своих мужей
(комментарий мой, М.Х.)

- „Nach alter Überlieferung wird das Glück des kommenden Jahres nach der Anzahl der **Glöckler** bemessen, die eine Ortschaft an diesem Abend durchlaufen“ (www.presstext.at, crawled on 21/01/2011) – Согласно старому преданию счастье в грядущем году измеряется количеством Глётклеров – персонажей карнавального шествия, которые в этот вечер пройдут через поселение (перевод мой, М.Х.)

Результаты наших наблюдений отражены в Таблице 3.

Таблица 3. Количественная характеристика функционирования скриптонимов в разных типах дискурса

Художественный дискурс		
22,5% от общего корпуса исследуемых вторичных номинант		
Массово-информационный дискурс		
Область распространения		
СМИ федерального и местного значения	СМИ федерального значения	СМИ местного значения
71%	16,1%	12,9%

Результаты наших наблюдений позволяют судить об особенностях функционирования вторичных скриптонимов. Вторичные скриптонимы немецкоязычного плюрицентричного культурного пространства функционируют в научно-популярном дискурсе, представленном лингвострановедческими статьями, в массово-информационном дискурсе, представленном статьей-обзором политического события, заметками из светской хроники, а также в художественном дискурсе, что в определенной степени свидетельствует о диамедиальной вариативности употребления вторичных скриптонимов. Случаев повторного переосмысления вторичных скриптонимов обнаружено не было.

Детальное рассмотрение особенностей функционирования скриптонимов в дискурсивном немецкоязычном пространстве представляет перспективу исследования и может стать предметом самостоятельного изучения.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Комплексный подход к изучению скриптонимов немецкоязычного культурного пространства позволяет более полно раскрыть особенности исследуемого явления.

Вариативность как имманентная характеристика языковых единиц свойственна также скриптонимам, функционирующим в плюрицентричном немецкоязычном культурном пространстве, и проявляется в диатопической, диастратической и диахронической вариативности.

Согласно данным нашего исследования, диатопическая вариативность скриптонимов (41,2% от общего числа выделенных скриптонимов) предполагает 1) варьирование наименования ритуализованного действия в зависимости от ареала распространения; 2) варьирование не только наименования ритуализованного действия, но и варьирование содержания и этапов ритуализованного действия в зависимости от ареала распространения (вплоть до локальных деревенских праздников). Диатопическая вариативность скриптонимов отражает культурно-историческое развитие немецкоязычного народа и тесно связана с диастратической (7%) и диахронической вариативностью, так как период становления христианства, пришедшего на смену язычеству, формирование крестьянского сословия, цеховых объединений в период Средневековья, военные успехи, а также появление новых форм празднования в пост-фашистский период в Германии нашли отражение на языковом уровне в виде скриптонимов.

Ассоциативно-образное переосмысление, послужившее основой номинации этапов, участников и атрибутов ритуализованных действий, обусловлено действием когнитивного механизма концептуальной интеграции и её частных проявлений (когнитивных механизмов метонимии, метафоры и метофтонимии), а также тем объемом энциклопедических знаний, феноменологических когнитивных структур, которыми обладают носители лингвокультурной общности.

Ингерентными признаками образной составляющей этноконнотата (ЭК) немецкоязычных скриптонимов являются маркеры-спецификаторы культурно-исторического характера: /локус/ (маркер территориальной соотнесенности), /социолект/ (маркер, указывающий на функционирование языковой единицы в определенной социальной группе) и /темпус/ (маркер временной соотнесенности).

Образная составляющая вторичных скриптонимов представлена следующими кодами культуры: акциональный (37%), флороморфный (10%), предметный (8%), ономастический (7%), антропоморфный (3%). Особо следует отметить духовный код культуры: он обладает наибольшей релевантностью при кодировании имплицитного этнокультурного смысла, сохраняя и передавая следующему поколению ценностные ориентиры представителей лингвокультурной общности.

Культурно маркированные коннотативные компоненты немецкоязычных вторичных скриптонимов актуализируются в результате взаимодействия когнитивных и языковых механизмов.

Деривационные процессы на уровне словообразования отражают общую для немецкого языка тенденцию к образованию сложных и сложнопроизводных слов, интерпретация значения которых, как комплексных знаков культуры, возможна лишь в совокупности с анализом семантической деривации.

В основе когнитивных механизмов метонимии, метафоры и метафтонимии лежит процесс концептуальной интеграции, осуществляемой в 4 ступени: два исходных пространства проецируются в бленд; созданное таким образом пространство содержит общие для исходных пространств элементы; смешанное пространство или бленд включает некоторые элементы исходных пространств и является совершенно новой концептуальной структурой.

Доминантным когнитивным механизмом, участвующим в процессе порождения новых культураносных смыслов, является когнитивный механизм метонимии (43% от общего числа вторичных скриптонимов).

Метонимический перенос осуществляется по следующим моделям: а) место проведения действия → действие; б) атрибут действия → действие; в)

атрибут/свойство субъекта→субъект действия; г) объект действия→субъект действия; д) субъект действия→объект действия; е) свойство/атрибут объекта→объект действия; ж) субъект→атрибут субъекта; з) *pars pro toto*, т.е. часть→целое; е) имя святого → праздничное действие.

Концептуальные поля, актуализируемые скриптонимами в процессе словообразовательной и семантической деривации (3 концептуальных поля) отражают представленное на когнитивном уровне в виде сценария ритуализованное действие и его компоненты (на когнитивном уровне - слоты): праздничное действие, объект праздничного действия, субъект праздничного действия.

В процессе фразеологизации участвуют 4,5% выделенных скриптонимов. Спектр актуализируемых скриптонимами в процессе фразеологизации концептуальных полей несколько шире (7 макрополей). Наибольшая номинативная плотность была установлена для концептуального макрополя «Человек» (70% от общего числа актуализируемых концептуальных полей), детализируемого 5 микрополями, что свидетельствует о коммуникативной значимости данной области знания для носителей немецкой лингвокультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ритуализованная деятельность представляет собой многоаспектный феномен, который на когнитивном уровне может быть представлен в виде сценария, понимаемого как фреймоподобная структура представления знаний, отличительной особенностью которой являются а) стандартная последовательность событий, обусловленная рекуррентной ситуацией; б) конвенциональность; в) резистентность; г) культурная специфичность; д) аксиологичность; е) временная и локальная соотнесенность; ж) динамичность; з) символичность.

Конституирующими сценарий слотами являются «Ритуализованное действие», «Атрибут ритуализованного действия», «Участник ритуализованного действия», которые репрезентированы на языковом уровне скриптонимами.

Под скриптонимами мы понимаем наименования ритуализованных действий и соотнесенных с ними участников и атрибутов ритуализованного действия.

Приёмом сплошной выборки из словарей и энциклопедических источников были отобраны скриптонимы немецкоязычного культурного пространства (461 номинативная единица, из них 167 вторичных этноконнотированных номинант), представляющие собой сложные и сложнопроизводные слова (70%), а также фразеологические единицы (66 ФЕ), содержащие скриптоним в качестве базисного компонента.

В процессе формирования и развития лингвокультурной общности её социальные, политические, религиозные события жизни находят свое отражение в обычаях, обрядах, праздниках и других формах сохранения культурной памяти. Данные культурно-специфические ритуализованные действия могут иметь различный ареал распространения, а также быть свойственными определенному слою общества или же быть актуальными лишь в определенном отрезке времени. Вариативность как имманентная характеристика скриптонимов проявляется в их диатопической, диастратической и диахронической вариативности.

Диатопическая вариативность исследуемых скриптонимов позволяет судить о плюрицентричности немецкого общества. Диастратическая и диахроническая вариативности отражают специфику социальной стратификации общества на оси времени: возникновение цеховых объединений, становление социального слоя крестьянства и фермерства, формирование религиозных объединений.

Особого внимания заслуживают вторичные скриптонимы немецкоязычного культурного пространства (167 вторичных номинант). В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, в процессе которого могут устанавливаться ассоциации по сходству или смежности признаков денотата. При этом признаки, лежащие в основе ассоциативного переосмысления могут соответствовать некоторым компонентам исходного, подвергаемого переосмыслению, значения номинант, либо могут соответствовать ингерентным признакам, не входящим непосредственно в состав дистинктивных, но известных носителям языка и соотносящихся с фоновыми знаниями о реалии, явлении, а значит, обладающими культурной спецификой.

Особенности ритуализованной деятельности представителей лингвокультурной общности отражены, прежде всего, в этноконнотации как особом виде культурной коннотации, актуализируемой в результате переосмысления денотата в категориях определенной культуры. В макроструктуре этноконнотата исследуемых скриптонимов были выделены образная составляющая, маркированная ингерентными признаками-спецификаторами /локус/ и /темпус/, а также /социолект/. Компоненты ЭК вызывают в сознании коммуниканта соотнесенность языковой единицы с определенным культурным пространством.

Для способов фиксации образной составляющей характерна поликодовость. Нами были установлены культурные коды: акциональный (37%), флороморфный (10%), предметный (8%), ономастический (7%), антропоморфный (3%). Особо следует отметить духовный код культуры: он обладает наибольшей релевантностью при кодировании имплицитных этнокультурных смыслов,

сохраняя и передавая следующему поколению ценностные ориентиры представителей лингвокультурной общности.

Культурологическая направленность лингвокогнитивного подхода позволила установить, что в основе интегративного значения вторичных скриптонимов лежит действие механизма концептуальной интеграции, который является основополагающим принципом взаимодействия концептуальных структур в процессах семантической, словообразовательной деривации и фразеологизации скриптонимов.

Концептуальная интеграция является основой формирования культуросносных смыслов вторичных номинант, что на языковом уровне проявляется в интеграции семантической и словообразовательной деривации вторичных скриптонимов как комплексных знаков культуры.

Большая часть вторичных скриптонимов (75%) представлена на словообразовательном уровне сложными и сложнопроизводными словами. В процессе порождения смысла сложнопроизводных слов и словосложении концептуальная интеграция осуществляется в два этапа: исходные ментальные пространства коррелируют по одному или нескольким схожим концептуальным признакам, образуя в результате новый бленд, который является, в свою очередь, основой дальнейшего переосмысления в процессе концептуальной метонимизации (в результате исследования была установлена его доминантная роль), метафоризации и метафтонимизации.

В ходе исследования концептуальных макрополей и микрополей, репрезентированных скриптонимами в результате действия семантической и словообразовательной деривации, было установлено, что наибольшую степень номинативной плотности обнаружило концептуальное макрополе «праздничное действие» (70,33%), что свидетельствует о высокой коммуникативной значимости данного концептуального поля и коррелирующего с ним слота сценария «ритуализованное действие». Концептуальное макрополе «объект праздничного действия» (21,87%) также широко репрезентирован скриптонимами, на

когнитивном уровне данное концептуальное поле может быть соотнесено со слотом сценария «атрибут ритуализованного действия».

Действие механизма концептуальной интеграции обусловило формирование значения фразеологических единиц (ФЕ) с базисными компонентами-скриптонимами. Анализ концептуальных полей, актуализируемых фразеологическими единицами со скриптонимами в качестве базисных компонентов, позволяет заключить, что наибольшую детализацию и продуктивность номинации обнаруживает концептуальное макрополе «человек» с такими микрополями как «черты характера» (24,5%), «манера поведения» (24,5%), «внешность» (10%), «эмоциональное состояние» (4%), «интеллект» (2%), что свидетельствует об антропоцентрической ориентированности языка.

Невербальная специфика репрезентации ритуализованной деятельности лингвокультурного сообщества находит свое выражение в кинетических паралингвистических средствах, атрибутах костюмов и их цветовом оформлении, несущих символическое значение, рассматриваемых нами в качестве одного из трех уровней артефактов (Коул 1997, Wartofsky 1979), служащих комплементарным элементом ритуализованной деятельности.

Вторичные скриптонимы немецкоязычного культурного пространства функционируют в таких типах дискурса как массово-информационный, научно-популярный, художественный. Наиболее часто вторичные скриптонимы встречаются в контекстах употребления энциклопедического, культурологического справочного характера, описывающие ритуализованные действия или участников ритуализованного действия. Были выявлены контекстоупотребления вторичных скриптонимов информационно-аналитического характера, где темой текста является обзор политического события.

Перспективу дальнейшего исследования может составить детальный анализ дискурсивных особенностей переосмысления скриптонимов, а также выявление возможных контекстуально обусловленных, авторских случаев

переосмысления значения, выявление особенностей передачи этнокультурных смыслов при переводе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 224 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – 392 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия) / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань : Издательство Астраханского государственного педагогического университета, 2000. – 220 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура / Н. Ф. Алефиренко // Филология и культура : материалы III международной конференции 16-18 мая 2001 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2001. – С. 82-84.
5. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 2. – 766 с.
6. Арнольд И. В. Функции коннотативных компонентов значений в поэтическом тексте / И. В. Арнольд // Структура и семантика предложения и текста в германских языках. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. – С. 3-9.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 338 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2 – е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
9. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке : основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л.

- Архангельский. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского государственного университета, 1964. – 316 с.
10. Архипкина Л. В. Немецкие фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в лингвокогнитивном и культурном аспектах : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л. В. Архипкина. – Москва 2007. – 24 с.
 11. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман // пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
 12. Бабина Л. В. Изучение роли мотивирующего слова в формировании семантики производного : когнитивный аспект / Л. В. Бабина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Издательство ТГУ, 2008. – Вып. XI. – С. 325-328.
 13. Бабина Л. В. Ономаσιологическая теория и вторичная номинация языка / Л. В. Бабина // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 144-147.
 14. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 103 с.
 15. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // . – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
 16. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер.с фр. / Р. Барт. – Москва : Прогресс : Универс, 1994. – 615 с.
 17. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. – Москва : Международные отношения, 1980. – 320 с.
 18. Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц / Е. Г. Беляевская // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сборник научных трудов. – Москва : Издательство Эйдос, 2007. – С. 307-315.

- 19.Беляевская Е. Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения / Е. Г. Беляевская // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 53-66.
- 20.Беляевская Е. Г. Семантика слова : учеб.пособие / Е. Г. Беляевская. - Москва : Высшая школа, 1987. – 128 с.
- 21.Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – Москва : Институт русской цивилизации, 2012. – 615 с.
- 22.Березин Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – Москва : Высшая школа, 1975. – 319 с.
- 23.Березович Е. Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации / Е. Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 1997. - № 7. – С. 90-105.
- 24.Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 599 с.
- 25.Берестнев Г. И. Познание – символ – культура / Г. И. Берестнев // Когнитивные исследования языка : сборник научных трудов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. – Вып. V. – С. 95-105.
- 26.Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Изд. 2 – е. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2001. – 123 с.
- 27.Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Изд. 4 – е. испр. и доп. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2014. – 236 с.
- 28.Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. – № 1. – С. 18-36.
- 29.Болдырев Н. Н. О понятии культуры и культурологическом анализе языка / Н. Н. Болдырев // Филология и культура : материалы VI международной

- научной конференции 17-19 октября 2007 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2007. – С. 27-32.
30. Болдырев Н. Н. Оценочная метареферентация : проблемы изучения и описания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка : сборник научных трудов. – Москва ; Тамбов, 2009. – Вып. V : Исследование познавательных процессов в языке. – С. 43-51.
31. Брунер Дж. Жизнь как нарратив / Дж. Брунер. – Постнеклассическая психология, 2005. – № 1. – 12 с. – parusha.at.ua/Bruner.doc (дата обращения : 11.11.2011).
32. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16-32.
33. Бурукина О. А. Исследование коннотации с позиций когнитивной лингвистики / О. А. Бурукина // Вопросы когнитивной лингвистики ; под ред. Н. Н. Болдырева. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2003. – №3. – С. 35-39.
34. Быкова О. И. Коннотативность языкового знака в этнокультурном пространстве / О. И. Быкова // Филология и культура. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2007. – С. 273-276.
35. Быкова О. И. Культурный код и этноконнотация / О. И. Быкова. – Филология и культура : материалы IV международной научной конференции. 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2003а. – С. 239-241.
36. Быкова О. И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации / О. И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001а. – № 2 – С. 32-38.
37. Быкова О. И. Образная составляющая как релевантный признак этноконнотата / О. И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005а. – № 1. – С. 34-40.

- 38.Быкова О. И. Семантический синкретизм при культурной рефлексии языкового знака/ О. И. Быкова // Филология и культура. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2009. – С. 47-49.
- 39.Быкова О. И. Социальная репрезентация и ритуализация концептов культуры/ О. И. Быкова // Филология и культура. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2001б. – С. 134-135.
- 40.Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации : на материале номинативных единиц немецкого языка / О. И. Быкова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005б. – 277 с.
- 41.Быкова О. И. Этнолингвосемиотические основы исследования коннотации / О. И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003б. – № 1 – С. 50-56.
- 42.Быкова О. И. Этнолингвосемиотический подход к исследованию коннотации / О. И. Быкова // Филология и культура = Philology and Culture. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012. – № 2. – С. 28-31.
- 43.Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – № 2. – С. 6-34.
- 44.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 411 с.
- 45.Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1980. – 320 с.
- 46.Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» - лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С. 5-27.
- 47.Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – Москва : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5-12.

48. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2004. – 236 с.
49. Выготский Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 365 с.
50. Гладкова А. Н. Русская культурная семантика : эмоции, ценности, жизненные установки / А. Н. Гладкова. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 304 с.
51. Говердовский В. И. Коннотемная структура слова / В. И. Говердовский. – Харьков : Выща школа : Издательство при Харьковском государственном университете, 1989. – 92 с.
52. Голубева Н. А. Отсылочность – когнитивная компонента прецедентных единиц / Н. А. Голубева. – Нижний Новгород : ООО «Типография «Поволжье», 2009. – 278 с.
53. Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография / Н. А. Голубева. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2009. – 401 с.
54. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова / 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.
55. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 285 с.
56. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
57. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1994. – № 4. – С.17-33.
58. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.

59. Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике / А. И. Домашнев // Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 1113 с.
60. Дронова Н. П. Актуальные концепты в языке и национальном самосознании : учебное пособие / Н. П. Дронова, Н. В. Ушкова, Е. В. Зеленева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – 120 с.
61. Дронова Н. П. Символ в концептуализации сакрального времени (на материале номинаций праздников немецкого и русского языков) / Н. П. Дронова // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 202-210.
62. Дронова Н. П. Фреймовый подход к моделированию обычая / Н. П. Дронова // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – Вып. XIV. – С. 315-321.
63. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии (1912) / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – Москва : Канон +, 1998. – С. 174-231.
64. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – Москва : КомКнига, 2006. – 248 с.
65. Зайнуллина Л. М. Особенности объективации в языке этнолингвокультурного сознания / Л. М. Зайнуллина // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 433-438.
66. Залевская А. А. Слово о лексиконе человека : психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – 206 с.
67. Зеленева Е. В. Ритуализованность с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования / Е. В. Зеленева // Парадигмы в языке, литературе и науке. VII съезд Российского союза германистов, Тамбов, 19-21 ноября 2009 г. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – Том VII. – С. 229-236.

68. Зеленёва Е. В. Символ как культурный концепт / Е. В. Зеленева // Филология и культура : материалы VI международной научной конференции 17-19 октября 2007 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2007. – С. 296-299.
69. Иванова С. В. Лингвокультурологический анализ: исследовательские риски / С. В. Иванова // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 62-67.
70. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции / О. К. Ирисханова // Известия АН. Серия литературы и языка. – Москва : Наука, 2001. – том 60. – С. 44-49.
71. Камчатнов А. М. Лексическая вариативность и лексические значения / А. М. Камчатнов // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1983. – С. 121-129.
72. Карасик В. И. О Типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
73. Карасик В. И. Лингвокультурная концептология : учебное пособие / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, К. Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009а. – 116 с.
74. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
75. Карасик В. И. Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – Москва : ГНОЗИС, 2009б. – 406 с.
76. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : УРСС, 2004. – Изд. 4-е, стер. – 261 с.
77. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 2-е изд. – 352 с.
78. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
79. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – Москва : Издательство Московского университета, 1969. – 192 с.

80. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений / Н. А. Кондрашов. – Москва : Просвещение, 1979. – 224 с.
81. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – Москва : Вече, 2003. – 511 с.
82. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии : проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1978. – 143 с.
83. Коул М. Культурно-историческая психология : наука будущего / М. Коул. – Москва : Когито-Центр, Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.
84. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
85. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке / Е. С. Кубрякова // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 95-101.
86. Кубрякова Е. С. О соотношении языка и культуры / Е. С. Кубрякова // Филология и культура : материалы VI международной научной конференции 17-19 октября 2007 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2007. – с. 25-27.
87. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с.
88. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
89. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

90. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон : перс. с англ. Ф. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
91. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 12-51.
92. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер. – Москва : ИНИОН РАН, 1992. – 55 с.
93. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова : изучение лексики в когнитивном аспекте / М. Н. Лапшина. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 159 с.
94. Ласская О. Г. Ритуал как центрообразующий признак архаической культуры / О. Г. Ласская // Филология и культура : материалы V международной научной конференции 19-21 октября 2005 г. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2005. – С. 298-300.
95. Леви-Строс К. Элементарные структуры родства / К. Леви-Строс. – Москва : Республика, 1994. – 384 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lev-Str/ (дата обращения 11.11.2012).
96. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание : парадоксальная рациональность. – Москва : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.
97. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов (к использованию структурного анализа в социальной антропологии) / Э. Лич. – Москва : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 214 с.
98. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1994. – 670 с.
99. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1999. – 415 с.

100. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
101. Маркелова Т. И. Лингвокреативный потенциал переключения языкового кода в дискурсе / Т. И. Маркелова // // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий / И. И. Халеева [и др.]. – Москва : Рема, 2011. – С. 364-380.
102. Марковина И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию : учебное пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
103. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
104. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 202 с.
105. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 2-е изд., испр. – 207 с.
106. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 281-310.
107. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с.
108. Мониц Ю. В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем / Ю. В. Мониц // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 2000. – 6 Вып. – С. 69-98.
109. Мониц Ю. В. К истокам человеческой коммуникации : ритуализованное поведение и язык / Ю. В. Мониц. – Москва : Академия гуманитарных исследований, 2005. – 443 с.
110. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.

111. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004а. – 607 с.
112. Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии / Е. В. Падучева, 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm> (дата обращения: 29.03.2013).
113. Падучева Е. В. Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева / Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура. – Москва : Языки славянской культуры, 2004б. – С. 187-203.
114. Патюкова Р. В. Языковая вариативность как один из аспектов системы коммуникации / Р. В. Патюкова // Язык, речь и речевая коммуникация, 2011. – URL: http://www.rusnauka.com/20_PNR_2011/Philologia/3_90330.doc.htm
115. Пелипенко А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
116. Позднякова Е. М. Значение пространства и времени как системообразующие факторы в словообразовании / Е. М. Позднякова // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов : ТГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 52-56.
117. Позднякова Е. М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования) : монография / Е. М. Позднякова. – Тамбов, 1999. – 111 с.
118. Полянчук О. Б. Динамические аспекты анализа производного слова / О. Б. Полянчук. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008а. – 199 с
119. Полянчук О. Б. Композиционные особенности французских существительных с суффиксами агента действия, развивающих полисемию / О. Б. Полянчук // Вестник Воронежского гос.университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Издательство ВГУ, 2011. – № 1. – С. 32-36.

120. Полянчук О. Б. О причинах изменения композициональности комплексного знака / О. Б. Полянчук // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Издательство ТГУ, 2008б. – Вып. XI. – С. 337-340.
121. Полянчук О. Б. О сочетании структурного и когнитивного подходов при анализе производного слова / О. Б. Полянчук // Вестник Воронежского гос. университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Издательство ВГУ, 2012. – № 2. – С. 27-33.
122. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2007. – 250 с.
123. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 2007. – 248 с.
124. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / А. Д. Райхштейн. – Москва : Высшая школа, 1980. – 143 с.
125. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2000. – 416 с.
126. Рахилина Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. Март-апрель. – Москва : Наука, 2013. – 2. – С. 3-27.
127. Ревзина О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. — Москва : Изд-во МГУ, 2001. — С. 436—446.
128. Ризель Э. Г. Стилистическое значение и коннотация / Э. Г. Ризель // Сб. науч. тр. – Москва : МГПИИЯ им. М.Тореза, 1978. – Вып. 125. – С. 134-140.
129. Ричардс А. А. Философия риторики / А.А. Ричардс// Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. — М.: Прогресс, 1990. – С. 46.

130. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – Москва : Academia, 2005. – 639 с.
131. Семенюк Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариативности / Н. Н. Семенюк // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1965. – №1. – С. 49-57.
132. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – №2. – Москва : Наука, 1984. – С. 31-42.
133. Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология : Сопоставительный аспект : Учебник для студ.филол.фак. и фак.иностр.яз / Ю.П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 258 с.
134. Соломатина Г. Ю. Методологические основания современных лингвокультурологических исследований / Г. Ю. Соломатина // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 175-179.
135. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. – Москва : Рос. гос. гуманитар. Университет, 1995. – С. 35-73.
136. Стернин И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 257-282.
137. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.
138. Телия В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В. Н. Телия, Е. О. Опарина // Культурология : Дайджест. Сер. «Теория и история культуры». – Москва : ИНИОН, 2011 – № 1 (56). – С. 145-148.
139. Телия В. Н. Русская фразеология : семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки славянской культуры, 1996. – 284 с.

140. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – № 1 (3). – С. 112-127.
141. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 2е изд. – 368 с.
142. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995. – 512 с.
143. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс : Культура, 1995. – 624 с.
144. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – Москва : Наука, 1983. – 277 с.
145. Устарханов Р. И. Метафтонимия в английском языке : интерпретационно-когнитивный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. И. Устарханов. – Пятигорск, 2006. – 21 с.
146. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва : Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
147. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Радуга, 1983. – Вып. XII. – С. 74-122.
148. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52-92.
149. Фромм Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм. – Москва : Политиздат, 1950. URL: http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/pa_rel.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 09.11.2011)
150. Халеева И. И. Общесемантические основания лингвокреативности / И. И. Халеева, О. К. Ирисханова, А. М. Волоскович // Языковое творчество в

- динамике семиотических взаимодействий / И. И. Халеева [и др.]. – Москва : Рема, 2011. – С. 18-56.
151. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / М. Хальбвакс // Институт экспериментальной социологии. – Москва ; Санкт-Петербург : Алтейя, 2000. – 509 с.
152. Хованова С. Ю. Метафтонимия среди механизмов формирования отглагольных имен типа Pin-up в современном английском языке / С. Ю. Хованова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010. – № 1. – С. 85-87.
153. Цурикова Л.В. Медиадискурс как объект лингвистического анализа. – Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. – Орел: изд-во «Горизонт», 2010. – С. 11–18.
154. Чейф У. О необходимости перехода к лингвистике мысли / У. Чейф // Язык и мысль : современная когнитивная лингвистика. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – С. 60-88.
155. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.
156. Шарманова О. С. Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта : на примере немецкоязычных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Шарманова. – Иркутск, 2012. – 16 с.
157. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград : Волгр. пед. ин-т, 1990. – 239 с.
158. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : Дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Москва : РГБ, 2000. – 431 с.
159. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб : Symposium, 2004. – 544 с.

160. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – Москва : Прогресс, 1987. – 464 с.
161. Ammon U. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Lichtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / U. Ammon [und andere]. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter Verlag, 2004. – 954 S.
162. Antos G. Grußworte in Festschriften als „institutionale Rituale“. Zur Geschichte einer Textsorte / G. Antos // LiLi : Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – Stuttgart : Verlag J. B. Metzler, 1987. – S. 9-40.
163. Assmann A. Kultur als Lebenswelt und Monument / A. Assmann, D. Harth. – Frankfurt am Main : Fischer, 1991. – 224 S.
164. Assmann J. Das Fest und das Heilige. Religiöse Kontrapunkte zur Alltagswelt / J. Assmann [und andere] // Studien zum Verstehen fremder Religionen. – Gütersloh : Verlagshaus Gerd M., 1991. – Bd. 1. – 253 S.
165. Austin J. How to do Things with Words / J. Austin. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 166 p.
166. Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective. – Berlin ; New York ; Mouton de Gruyter, 2003. – P. 31-58.
167. Bruner J. Acts of meaning. Four Lectures on Mind and Culture / J. Bruner. – Harvard, 1990. – 181 p.
168. Bruner J. The Culture of Education / J. Bruner. – Harvard, 1996. – 240 p.
169. Coulmas F. Riten des Alltags. Sequenzierungsbedingungen in präfigurierter Rede / F. Coulmas // Bedeutung, Sprechakte und Texte. Akten des 13. Linguistischen Kolloquiums Gent 1978 // Hrsg. von Vandweghe W., Van de Velde M., 1979. – Bd. 2. – Tübingen. – S. 171-180.
170. Coulson S. Metonymy and Conceptual Blending / S. Coulson, T. Oakley // Metonymy and Pragmatic Inferencing. – Amsterdam ; Philadelphia : John

- Benjamins Publishing Company, 2003. – URL <http://www.cogsci.ucsd.edu/~coulson/metonymy-new.htm> (дата обращения: 20.03.2014).
171. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* /ed. by Rene Dirven ; Ralf Pörnings. – Berlin ; New York ; Mouton de Gruyer, 2003. – P. 161-206.
172. D'Andrade R. G. Cultural Meaning Systems / R. G. D'Andrade // Richard A. Shweder, Robert A. LeVine (eds.) / *Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion*. – Cambridge ; L ; N.Y. ; New Rochelle ; Melbourne ; Sydney : Cambridge University Press, 1984. – P. 23-44.
173. Dirven R. Metonymy and metaphor : Different mental strategies of conceptualisation / R. Dirven // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* /ed. by Rene Dirven ; Ralf Pörnings. – Berlin ; New York ; Mouton de Gruyer, 2003. – P. 75-112.
174. Erikson E. H. Die Ontogenese der Ritualisierung / E. H. Erikson // *Psyche. Zeitschrift für Psychoanalyse und ihre Anwendungen*. – Stuttgart : Ernst Klett Verlag, 1968. – Heft 7. – S. 481-502.
175. Erikson E. H. Kinderspiel und politische Phantasie. Stufen der Ritualisierung in der Realität / E. H. Erikson. – Frankfurt am Main : Ernst Klett Verlag, 1978. – Heft 7. – S. 481-502.
176. Fauconnier G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*, 1998. – Vol. 22 (2). – P. 133-187.
177. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – New York : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
178. Fillmore C. J. Scenes-and-frames semantics / C. J. Fillmore // *Linguistic Structure Processing*. – Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1977. – p. 55-81.

179. Fix U. Ritualität in der Kommunikation der DDR. Ergänzt durch eine Bibliographie zur Ritualität / U. Fix [und andere]. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Peter Lang, 1998. – 440 S.
180. Geeraerts D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions / D. Geeraerts // Metaphor and metonymy in comparison and contrast /ed. by Rene Dirven ; Ralf Pörnings. – Berlin ; New York ; Mouton de Gruyter, 2003. – P. 435-468.
181. Gibbs R. W. Speaking and Thinking with Metonymy / R. W. Gibbs // Metonymy in Language and Thought / ed. by K.-U. Panther and G. Radden. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1999. – P. 61-76.
182. Gluckmann M. Essays on the Ritual of Social Relations / M. Gluckmann. – Manchester University Press, 1962. – 190 p.
183. Goffman E. Das Individuum im öffentlichen Austausch: Mikrostudien zur öffentlichen Ordnung / E. Goffman. – Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – 512 S.
184. Goffman E. Frame Analysis. An Essay on Organization of Experience / E. Goffman. – Boston : Northeastern University Press, 1986. – Ed. 1986. – 586 p.
185. Goffman E. Interaktionsrituale. Über das Verhalten in direkter Kommunikation / E. Goffman. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1986. – 292 S.
186. Goffman E. Verhalten in sozialen Situationen: Strukturen und Regeln der Interaktion im öffentlichen Raum / E. Goffman. – Gütersloh : Bertelsmann-Fachverlag, 1971. – 225 S.
187. Goossens L. Metaphtonymy : The interaction of methor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1(3). – P. 323-340.
188. Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie / H. Hagemann, N. Luhmann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlage, 1990. – 404 S.

189. Hagemann H. Funktionale Aspekte ritualisierten Sprachverhaltens. Eine empirische Untersuchung sprachlicher Tendenzen von Ansagen bei der Beendigung von Programmeinheiten sowie bei Sendeschlüssen des französischen Hörfunks und Fernsehens / H. Hagemann. – Saarbrücken, 1985 – 290 S.
190. Holly W. Imagearbeit in Gesprächen. Zur linguistischen Beschreibung des Beziehungsaspektes / W. Holly. – Tübingen : De Gruyter, 1979. – 278 S.
191. Hymes D. Soziolinguistik. Zur Ethnographie der Kommunikation / D. Hymes // Eingeleitet und herausgegeben von Florian Coulmas. – Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1979. – 278 S.
192. Knuf J. Ritualisierte Kommunikation und Sozialstruktur / J. Knuf, H. W. Schmitz. – Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1980. – 382 S.
193. Kruse L. Drehbücher für Verhaltensschauplätze oder: Skripts für Settings / L. Kruse // Ordnung und Variabilität im Alltagsgeschehen. – Göttingen : Hogrefe, 1986. – S.135-153.
194. Labov W. Rules for Ritual Insults / W. Labov // Rappin' and Stylin' Out. – Urbana : University of Illinois Press, 1972. – P. 265-314.
195. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
196. Langacker R. Cognitive Grammar : A Basic Introduction / R. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
197. Lerchner G. Regionale Identität und standardsprachliche Entwicklung. Aspekte einer sächsischen Sprachgeschichte / G. Lerchner // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Klasse 135. H. 1. – Stuttgart ; Leipzig : Hirzel S., 1997. – 30 S.
198. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik / H. Löffler // Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 4. neu bearb. Auflage. – 216 S.
199. Lüger H.-H. Formen rituellen Sprachgebrauchs / H.-H. Lüger // Deutsche Sprache. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 1980. – 1 – S. 21-39.

200. Lüger H.-H. Sprachliche Routinen und Rituale / H.-H. Lüger // Werkstattreihe Deutsch als Fremdsprache. – Frankfurt am Main [und andere] : Peter Lang, 1992. – Bd. 36. – 182 S.
201. Malinowski B. Das Problem der Bedeutung in primitiven Sprachen / B. Malinowski // Die Bedeutung der Bedeutung. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1974. – S. 323-384.
202. Mandler J. M. Stories, Scripts and Scenes : Aspects of Schema Theory / J. M. Mandler. – Hillsdale : Erlbaum, 1984. – 132 p.
203. Moser H. Noch einmal : Stamm und Mundart / H. Moser // Zeitschrift für Mundartforschung. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1961. – S. 32-43.
204. Nelson K. Event Knowledge : Structure and function in development / K. Nelson. – Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1986.
205. Paul I. Rituelle Kommunikation. Sprachliche Verfahren zur Konstitution ritueller Bedeutung und zur Organisation des Rituals / I. Paul. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1990. – 311 S.
206. Posner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe / R. Posner // Kultur als Lebenswelt und Monument. – Frankfurt am Main : Fischer, 1991. – S. 37-74.
207. Radden G. Towards a Theory of Metonymy / G. Radden, Z. Kovecses // Metonymy in Language and Thought / ed. by K.-U. Panther and G. Radden. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1999. – P. 17-59.
208. Rauch E. Sprachrituale in institutionellen und institutionalisierten Text- und Gesprächsarten / E. Rauch. – Frankfurt am Main [und andere] : Peter Lang, 1992. – 441 S.
209. Rikheit G. Kognitive Linguistik. Theorien, Modelle, Methoden / G. Rikheit, S. Weiss, H.-J. Eikmeyer. – A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2010. – 347 S.
210. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. – Freiburg ; Basel ; Wien : Herder, 2006. – 3 Bände. – 3. Auflage. – 1910 S.

211. Rossipal H. Konnotationsbereiche, Stiloppositionen und die sogenannten "Sprachen" in der Sprache / H. Rossipal // Germanistische Linguistik. – Hildesheim : Olms, 1973. – 4. – 87 S.
212. Rössler G. Konnotationen. Untersuchungen zum Problem der Mit- und Nebenbedeutungen / G. Rössler. – Wiesbaden : Steiner, 1979. – 177 S.
213. Ruiz de Mendoza F. The role of mapping and domains in understanding metonymy / F. Ruiz de Mendoza // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective*. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 109-132.
214. Sandig B. *Stilistik der Deutschen Sprache* / B. Sandig. – Berlin ; New York : De Gruyter, 1986. – 368 S.
215. Schank R.C. Reminding and memory organization: An introduction to MOPs / R. C. Schank // *Strategies for natural language processing*. – Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. – P.455-493.
216. Schank R.C. *Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures* / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Hillsdale (N.J.): Erlbaum, 1977. – 248 p.
217. Schank R.C. *Tell me a story: A new look at real and artificial Memory* / R. C. Schank. – N.Y.: Charles Scribner's Sons; Toronto (Canada): Collier Macmillan; N.Y. etc.: Maxwell Macmillan International, 1990. – 253 p.
218. Schönfeldt A. *Bemerkungen zu sprachlichen Ritualen* / A. Schönfeldt // Sandbjerg 85. *Dem Andenken von Heinrich Bach gewidmet* / Hrsg. F. Debus, E. Dittmer. – Neumünster, 1986. – S. 327-344.
219. Taylor J. R. *Category extension by metonymy and metaphor* / J. R. Taylor // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 323-347.
220. Warren B. *Aspects of Referential Metonymy* / B. Warren // *Metonymy in Language and Thought* / ed. by K.-U. Panther and G. Radden. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamin, 1999. – P. 121-138.

221. Wartofsky M. Perception, representation, and the forms of action: Towards an historical epistemology / M. Wartofsky // Models: Representation and the scientific understanding. – Dordrecht : Reidel, 1979. – Vol. XLVII. – 188-210.
222. Werlen I. Die „Logik“ ritueller Kommunikation / I. Werlen // LiLi: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – Stuttgart : Verlag J. B. Metzler, 1987. – S. 41-81.
223. Wunderlich D. Was ist das für ein Sprechakt? / D. Wunderlich // Sprechakttheorie und Semantik / Hrsg. G. Grewendorf. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1979. – S. 275-324.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 605 с.
2. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. – Москва : Советская энциклопедия, 1986. – 864 с.
3. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. — 2-е изд., исправл. — Москва : Сов. Энциклопедия, 1986. – 864 с.
4. Большой толковый словарь по культурологии. – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 08.08.2013).
5. БЭС. Языкознание / гл.ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
6. Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР / М. А. Денисова. – Москва : Русский язык, 1978. – 277 с.
7. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1964. – Часть 1. – 464 с.
8. Кравченко А. И. Культурология: словарь / А. И. Кравченко. – Москва : Академический проект, 2000. – 671 с.
9. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
10. ЛЭС. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/336a.html> (дата обращения 24.04.2015).
11. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – Москва : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
12. Маркина Л. Г. Культура Германии : лингвострановедческий словарь / Л. Г. Маркина, Е. Н. Муравлева, Н. В. Муравлева. – Москва : АСТ : Астрель, Хранитель, 2006. – 1181 с.

13. Муравлева Н. В. Австрия. Лингвострановедческий словарь / Н. В. Муравлева, Е. Н. Муравлева. – Москва : Русский язык – Медиа; Дрофа, 2003. – 656 с.
14. Общая психология. Словарь. – URL: <http://www.insai.ru/slovar/skript> (дата обращения : 13.03.2013).
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.
16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
17. Clauß G. Wörterbuch der Psychologie / G. Clauss. – Köln : Pahl-Rugenstein, 1983. – 3. neubearb. Aufl. – 704 S.
18. Der Egetmann-Verein. – URL: <http://www.egetmann.com/de/schemenlaufen-imst.php> (дата обращения 12.04.2013)
19. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. – URL: <http://www.dwds.de/>
20. Dorsch F. Psychologische Wörterbuch / F. Dorsch. – Bern : Hans Huber, 1982
21. Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache / Hrsg. von der Dudenredaktion. – 4. Auflage. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2007. – Band 7. – 960 S.
22. Duden Universalwörterbuch – URL: www.duden.de
23. Glöcklerläufe im Salzkammergut. – URL: <http://www.salzkammergut.at/detail/article/gloecklerlaeufe-im-salzkammergut.html> (дата обращения 15.05.2013)
24. Langenscheidt Großwörterbuch / Ronald Löttsch [u.a.]. – Berlin ; Москва : Langenscheidt; Астрель; АСТ, 2007. – 2 Bände.
25. Leipzig Corpora Collection. – URL: <http://corpora.uni-leipzig.de/>
26. Öcher Bend. – URL: <http://www.oecherbend-ac.de/40515.html> (дата обращения 15.05.2013)

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ И ДИАГРАММ

Диаграмма 1	Количественный анализ культурных кодов как способа фиксации образной составляющей вторичных скриптонимов.....	66
Таблица 1	Количественная характеристика номинативной плотности концептуальных полей, актуализируемых скриптонимами в результате словообразовательной деривации.....	83
Таблица 2	Количественная характеристика номинативной плотности концептуальных полей, актуализируемых ФЕ с базисном компонентом-скриптонимом.....	96
Таблица 3	Количественная характеристика функционирования скриптонимов в разных типах дискурса.....	109

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СКРИПТОНИМЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ПО
ВЕРБАЛИЗУЕМЫМ СЛОТАМ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ
«СЦЕНАРИЙ» В СФЕРЕ РИТУАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ритуализованное действие	Участник ритуализованного действия	Атрибут ритуализованного действия
Aachener Karneval	Blatzlehue	Adventskalender
Abendmahl	Drei Konige	Adventskerze
Advent	Elferrat	Adventskranz
Adventssonntag	Erbsenbär	Andreas-Zweige
Ahnlsonntag	Flinserln	Bollenhut
Aidenbacher Bauernschlacht	Glöckler	Büttenrede
Allerheiligen	Habergeiß	C+M+B
Allerheiligen-Kirmen/Soest	Karnevalist	Durkheimer Weinfass
Allerseelen	Karnevalsgesellschaft	Elf
Almabtrieb	Karnevalsprinz	Erntekranz
Altweibersommer	Knecht Ruprecht	Faschingszoll
Andreastag	Kölner Bauer	Friesischer Weihnachtsbaum
Annaberger Kät	Kölner Dreigestirn	Früchtebrot
Antlasritt	Kölner Jungfrau	Gebildbrot
Aperschnalzen	Krampus	Glücksgetreide
Aschermittwoch	Osterhase	

Banditenfangen	Palmesel	Glückspfennig
Bandltanz	Perchta	Glühwein
Barbaratag	Perchten	Hausvater
Basler Fastnacht	Pfingstochse	Hiatapritschn
Baumstamm-Zersägen	Präsident der Karnevalsgesellschaft	Karnevalsmütze
Bend	Prinz Karneval	Karnevalsorden
Bergfest	Prinzenpaar	Kreuzbrot
Bergische Kaffeetafel	Ratschenbuben	Lammbraten
Bittgang	Roller und Scheller	Lederhose
Bleigießen	Schuddige	Leibkittel
Blochziehen	Sorbisches Bescherkind	Maibaum
Blutritt/Weingarten	Traditionskorps	Martinsgans
Böllerschießen	Trommelweiber	Mieder
Braut aufwecken	Weihnachtsmann	Narrenschiff
Bremer Freimarkt	Wilder Mann	Neunerlei
Brotshutzen		Nikolausstiefel
Brunnenfest		Osterbäumchen
Büschelfrauentag		Osterei
Buß- und Betttag		Osterlamm
Canstatter Wasen/Stuttgart		Osterschmaus
Christi Himmelfahrt		Osterstrauß

Christi Verklärung		Palmbusch
Christmette		Palmstange
Christophorustag		Prangstange
Coburger Vogelschießen		Richtessen
Damische Ritter/München		Richtschmaus
Die Eisheiligen		Richtspruch
Dinkelsbühler Kinderzeche		Rosenmontagszug
Drachensteige-Fest		Schnapsgeld
Drei Hammerschläge		Schultüte
Dreifaltigkeitsfest		Schwibbogen
Dreikönigsfest		Silvesterfeuerwerk
Duhner Wattrennen/Cuxhafen		Spanbaum
Dürkheimer Wurstmarkt		Spekulatius
Düsseldorfer Karneval		Striezel
Einschulungsfest		Stutenkerl
Eislebener Wiesenmarkt		Tanz der Marktweiber
Eiswette/Bremen		Totenbrett
Eiswette-Essen/Bremen		Trachtentasche
Elefantenhochzeit		Trizonesien-Song
Erntedankfest		Wäscheleine mit
Erntefest		Babywaschen

Erster April		Weihnachtsbaum
Erster Spatenstich		Weihnachtsessen
Erstkommunion		Weihnachtsgans
Erzgebirgische Losnächte		Weihnachtsgebäck
Fahnenschwingen		Weihnachtsgeld
Faschingsverbrennen		Weihnachtsgeschenk
Fasselrutschen		Weihnachtskarpfen
Fest der Freude und des Lichtes/Schneeberg		Weihnachtskrippe
Fest der Magdeburger Kugeln		Weihnachtsmarkt
Feuerzangenbowle-Fest		Weihnachtspyramide
Finkenmanöver		Weihnachtsremuneration
Firmung		Weihnachtsstern
Fischerstechen		Weihnachtsstollen
Fischessen		Weinberggeiß
Fitnessmarsch		Zuckertüte
Fleischweihe		Zwetschgenmännle
Freikuss/Bremen		
Fridolintag		
Friedensfest/Göppingen		
Fronleichnam		

Frühschoppen		
Funkensonntag		
Fürziehen		
Gambrinus-Fest		
Gäuboden-Fest		
Gauderfest		
Gautschfest		
Geldbeutelwäsche		
Geldbeutelwaschen		
Geleit-Fest/Seligenstadt		
Gertraudentag		
Gleichenfeier		
Grasausläuten		
Grasedanz		
Gründonnerstag		
Hafen-Geburtstag/Hamburg		
Hallstätter Seeprozeession		
Hambruger Dom		
Hanse Sail		
Hausherrenfest/Radolfzell		
Heidelberger Sommertagszug		

Heiliger Abend		
Heimatfest Großbeeren		
Herbergsuchen		
Hiata-Kirtag		
Hiataumzug		
Hochzeitsjubiläum		
Hochzeitstag		
Hopfenfest		
Hopfenfest/Wolnzach		
Hornberger Schießen		
Hubertustag		
Hummel-Fest/Hamburg		
Hundestage		
Hussiten-Kirschfest/Naumburg		
Hüttentag/Völklinger		
Hutzenabend		
Johannistag		
Josephtag		
Jugendweihe		
Kaiserball		
Karfreitag		

Karwoche		
Kasmandlfahren		
Kehraus		
Kiliantag		
Kindelbier		
Kirchleintragen		
Kirmes		
Kirschblüte	und	
Kirscherntefest/Witzenhausen		
Klaubaufgehen		
Kleefest/Würchwitz		
Kohl-und Pinkelessen/Bremen		
Kölner Karneval		
Kommunion		
Kranzelreiten		
Kranzelstechen		
Kreuzweg		
Krippenschau		
Kuchen-und Brunnenfest/Schwäbisch Hall		
Kufenstechen		

Kulturpolitischer Aschermittwoch		
Kunigundetag		
Laetare		
Lamboy-Fest		
Landshuter Hochzeit		
Laternengehen		
Laurentiustag		
Leonhardritt/Bad Tölz		
Leonhardstag		
Lullus-Fest/Bad Hersfeld		
Luthers Hochzeit/Wittenberg		
Mainzer Fastnacht		
Mariä Empfängnis		
Mariä Geburt		
Mariä Lichtmess		
Mariä Verkündigung		
Martinstag		
Matthiae-Mahlzeit/Hamburg		
Matthiastag		
Mauritiustag		
Meilerfest/Tharandt		

Memminger Fischertag		
Metzgersprung/München		
Mülheimer Gottlestracht/Köln		
Münchner Fasching		
Muttertag		
Namenstag		
Nationalfeiertag		
Neujahr		
Nikolaustag		
Nubbelverbrennung		
Nusslosen		
Oktoberfest		
Ostereier-Bemalen		
Osterfeuer		
Ostermontag		
Ostern		
Osternacht		
Osterreiten		
Ostersonntag		
Osterspaziergang		
Palmeselumzug		

Palmsonntag		
Palmweihe		
Passionssonntag		
Passionszeit		
Perchtenlauf		
Pfingsten		
Pichelsteiner-Fest/Regen		
Polterabend		
Quartalfest	der	
Handwerker/Bürgel		
Ranggeln		
Rauhnächte		
Reformationsfest		
Rheingauer Weinwoche		
Richtfest		
Ringreiten		
Rochus-Fest/Bingen		
Rochustag		
Rosenfest/Dornburg		
Rosentag		
Rossmarkt/Berching/Bayern		

Rotweiler Fasnet		
Rudenkirntag		
Rußiger Freitag		
Salvatorzeit		
Samson-Umzug		
Schäferlauf		
Schaffermahl/Bremen		
Schäfflertanz/München		
Scheibenschlagen		
Schifferlsetzen		
Schifferstechen		
Schipperhöhe/Lauenburg		
Schlachtfest		
Schleicherlaufen		
Schmutziger Donnerstag		
Schunkeln		
Schüsselwerfen		
Schützenfest		
Schwäbisch-alemannische Fasnet		
Schwedenprozession/Überlingen		
Schwerttanz		

Schwibbogen-Fest		
Schwörmontag/Ulm		
Sebaldustag		
Sebastianstag		
Siebenschläfer		
Silvester		
Sohlenfest		
Sommergewinn		
Sommersonnenwenfeier		
Sorbische Hochzeit		
Stephanustag		
Sternsingen		
Streu-Engelchen/Aachen		
Tag der Arbeit		
Tag der Deutschen Einheit		
Taufe		
Teetrinken/Ostfriesland		
Tonnenabschlagen		
Totensonntag		
Tresterertanz		
Umritt		

Unruhnächte		
Urbasntag		
Ursulatag		
Valentinstag		
Vatertag		
Vierberge-Wallfahrt		
Viez-Fest/Merzig		
Vogelhochzeit		
Vogelwiese		
Volkstrauertag		
Wachauer Kürbisfest		
Wäldchestag		
Walpurgisnacht		
Warneminner Umgang		
Wasunger Karneval		
Weiberfastnacht		
Weihnachten		
Weihnachtsabend		
Weihnachtsfeiertag		
Weihnachtstag		
Weihnachtszeit		

Weinlesefest		
Weißer Sonntag		
Werder-Baumblüte		
Wettschießen am Sebastiantag		
Winzer-und Weinfest/Bernkastel		
Kues		
Wormser Backfischfest		
Zampern		
Ziegenhainer Salatkirnes		

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С БАЗИСНЫМ
КОМПОНЕНТОМ СКРИПТОНИМОМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ПО
АКТУАЛИЗИРУЕМЫМ КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ МАКРО- И
МИКРОПОЛЯМ**

Концептуальное поле	Концептуальное микрополе	Примеры
1. Человек	Черты характера	sein Mundwerk geht wie eine Kartfreitagsratsche; an dem ist Chrisam und Taufe verloren; auf zwei Hochzeiten tanzen; auf allen Hochzeiten tanzen; er tanzt auf jeder Kirchweih; ein Kirppenreiter sein; ein rechter Palmesel sein; ein richtiger Weihnachtsmann sein;
	Манера поведения	man kann bei ihm noch das Taufessen sehen; nach dem St. Floriansprinzip handeln; eine St. Florianspolitik betreiben; hinterher kommen wie die alte Fastnacht; seine Fastnacht fällt immer spät; er wackelt wie ein Hochzeitslader; auf der falschen Hochzeit tanzen; auf einer fremden Hochzeit tanzen; den wilden Mann markieren;
	Внешность	aufgeputzt wie ein Pflingstochse; aufgeputzt wie ein Palmesel; jem. sieht aus als käme er vom Aschermittwoch; der ganze Christbaumschmuck;

		ein Osterbad nehmen; aussehen wie eine Pfingstrose;
	ИНТЕЛЛЕКТ	nicht alle auf dem Christbaum haben; das ist ein rechtes Christkind; noch an den Weihnachtsmann glauben;
	Эмоциональное состояние	ein Gefühl wie Weihnachten haben; lang wie ein Johannistag; Heiliger Florian! Etw.ist so, als ob Weihnachten und Ostern auf einen Tag fallen;s sich freuen wie ein Kind auf Weihnachten;
2. Ситуация, обстоятельства какого-л. события		ausgehen w's Hornberger Schießen; das hilft wie Chrisam zum Schuhputzen; vorankommen wie Echternacher Springprozession; eine große Hochzeit haben; das ist eine schöne Hochzeit; die Hochzeit hat ein Loch; es ist Hochzeit und Beschneidung zugleich; den Kehraus machen; an der Krippe stehen; einem den Martinsmantel umhängen
3. Время		wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen; zu Pfingsten auf dem Eise; zu Pflaumenpfingsten;
4. Смерть		den Kehraus tanzen; er macht Hochzeit mit des Seilers Tochter in einem Haus mit vier Säulen;

5. Пища		Sanct Martin feiern; die Martinsgans überbringen
6. Политика	Выборы	den Christbaum schmücken;
7. Метеоусловия		Martin wirft mit Nüssen; der Martin kommt auf dem Schimmel geritten

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ К
НЕВЕРБАЛЬНЫМ СПОСОБАМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РИТУАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. **Roller und Scheller** персонажи карнавала в Тироле

2. **Trommelweiber** (барабанщицы), персонажи карнавала в области
Зальцкаммергут

3. **Krampus**– злой спутник св. Николауса в облици чёрта

4. Habergeiß

5. **Glöckler** – персонажи, олицетворяющие добрые силы

6. **Ratschenbuben** досл. «трещёточные мальчишки»

